

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Факультет философии

Именованние, необходимость и современная философия

Коллективная научная монография

*К 40-летию выхода в свет работы Сола Аарона Крипке
«Тождество и необходимость»*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

Печатается по решению Ученого совета факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Именованье, необходимость и современная философия / отв. ред. В.В. Горбатов. – СПб., Алетейя, 2011. – 287 с.

ISBN 978-5-91419-689-6

Книга посвящена 40-летию выхода в свет работы Сола Аарона Крипке «Тождество и необходимость». Оригинальные идеи и достижения американского философа – каузальная теория референции, понятия «возможных миров» и «жестких десигнаторов», концепция «необходимого апостериори», – стали мощными инструментами философского анализа и применяются сегодня в самых различных областях – этике, философии сознания, политической философии, эпистемологии и др. В книгу вошли статьи, авторы которых предлагают собственное видение поставленных Крипке проблем и дают свою оценку крипкеанской методологии.

Книга адресована логикам, философам, специалистам в области лингвистики и когнитивных наук, а также широкому кругу ученых-гуманитариев.

УДК 13:159.9
ББК С60,87:88.4

ISBN 978-5-91419-689-6 © Отв. ред. Горбатов В.В., 2011
© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб), 2011

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<u>Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации</u>	
<i>Е.В. Борисов</i> Почему десигнация не может быть слишком жёсткой.....	11
<i>Д.В. Анкин</i> К вопросу о синтаксической фиксации десигнаторов	24
<i>В.А. Суровцев</i> Жёсткие десигнаторы и проблема следования пра- вилу.....	34
<i>Д.Э. Гаспарян</i> Дескриптивизм vs антидескриптивизм и теория значения в структурной лингвистике.....	45
<i>П.С. Куслий</i> Индивидуация объектов и прямая референция.....	57
<i>О.И. Невдобенко</i> Замечания о специфике некоторых самоприменимых конструкций.	73
<i>Д.П. Суровягин</i> Крипке и Карнап о значении.....	79
<u>Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества</u>	
<i>Е.Г. Драгалина-Черная</i> Крипке как предчувствие: апостериорные тавтологии Витгенштейна	88
<i>И.Г. Гаспаров</i> Необходимость тождества	100
<i>Л.Д. Ламберов</i> Значение, двумерная семантика и контингентное априори.	112
<i>С.В. Данько</i> Условие апостериорного тождества.....	124
<i>В.В. Горбатов</i> Уязвимые места необходимого тождества, или «рогатка» для Крипке.	135
<i>К.А. Павлов</i> Проблема тождества и ситуация недоопределенности....	149

Часть 3. Имена вымышленных и абстрактных объектов

А.Ю. Нестеров

Семантика вымысла: эпистемологический статус
значения фикционального знака. 154

А.В. Мигла

Некоторые проблемы теории прямой референции,
связанные с употреблением пустых имен. 170

Т.В. Пащенко

Жёсткие десигнаторы в теории абстрактных
объектов Э. Залты. 182

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Н.М. Гарнцева

Модальный аргумент Крипке и его развитие в
западной философии сознания. 196

Д.В. Иванов

Модальная метафизика и психофизическая
проблема. 211

С.М. Жданов

Крипке против отождествления ментального и
физического. 224

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

Ю.В. Горбатова

Об отождествлении объектов через возможные миры
в концепции А. Плантинги. 250

А.В. Красненкова

Интерпретация дедукции в натуральных исчислениях
в терминах линейных шкал С. Крипке. 263

О.А. Шаширо

«Возможные миры» Крипке и логическое
прогнозирование. 275

Информация об авторах. 286

Предисловие

Сол Аарон Кришке – один из тех немногих современных философов, кто по праву носит титул «живой легенды». На протяжении многих лет он является профессором философии в Принстонском университете (США). На счету Кришке множество оригинальных идей и достижений: ещё в юности им была разработана элегантная и удобная семантика для модальной логики; в зрелые годы он внес большой вклад в исследование контекстов мнения, заложил основы нового подхода к теории истины, предложил собственную интерпретацию философии «позднего» Витгенштейна, известную под ироническим названием «Кришкенштейн», и мн. др. Но, пожалуй, наибольшее влияние на развитие современной философии оказала его книга «Именованное и необходимость», основанная на курсе лекций, прочитанных им в 1970 г. в Принстонском университете. Первая из упомянутых лекций, «Тождество и необходимость», была опубликована в виде отдельной статьи в 1971 г. – сорокалетию этого события и посвящена коллективная монография, которую вы держите в руках.

Книга «Именованное и необходимость» (1972, 1980) не просто оживила ландшафт аналитической философии языка – с неё фактически началась новая эра в развитии данной области исследований. Выраженные в ней идеи по значимости можно сравнить разве что с работами Фреге, Рассела и Тарского: каузальная теория референции, понятия «возможных миров» и «жёстких десигнаторов», концепция «необходимого апостериори» стали мощными инструментами философского анализа и применяются сегодня в самых различных областях – этике, философии сознания, политической философии, эпистемологии и др.

Но, пожалуй, важнее всего то, что работа Кришке стала одним из ключевых факторов так называемого «метафизического поворота» в аналитической философии. По выражению Ричарда Рорти, «до Кришке в аналитической философии существовало что-то вроде перекоса в сторону лингвистического идеализма – идеи о том, что язык не настроен на мир; Сол практически одной левой изменил это.»

Не случайно вопрос о соотношении метафизики, логики и эпистемологии стал одной из центральных тем конференции «Именованье, необходимость и современная философия», организованной факультетом философии НИУ ВШЭ в феврале 2011 г. Широко обсуждались вопросы о том, насколько правомерны крипкевские дистинкции, не должны ли они быть смягчены и/или ограничены, какие из них следуют выводы относительно понятий «мыслимости» и «возможности». Наиболее острая полемика шла вокруг «аргумента зомби», идейно восходящего к модальному аргументу, изложенному в статье «Тождество и необходимость». Помимо этого в докладах участников были всесторонне освещены вопросы необходимости тождества, прослеживания индивидов сквозь возможные миры и природы «смешанных истин» (необходимого *a posteriori* и контингентного *a priori*). Живые дискуссии вызвала также проблема следования правилу и недоопределенности правила, поднятая Крипке в более поздней работе о Людвиге Витгенштейне.

Настоящее издание представляет собой попытку переосмысления некоторых ключевых тем «Именования и необходимости» в свете последних достижений аналитической философии. В него вошли статьи, авторы которых предлагают собственное видение поставленных Крипке проблем и дают свою оценку крипкеанской методологии.

Первый раздел, озаглавленный «**Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации**», состоит из работ, посвящённых вопросам непосредственной референции имён и идентификации обозначаемых ими объектов. В статье Е.В. Борисова «Почему десигнация не может быть слишком жёсткой» рассматривается взаимосвязь между жёсткой десигнацией и описанием. По мнению автора, крипкевское разделение дескрипций и жёстких десигнаторов является довольно искусственным и ведёт к некоторым контринтуитивным следствиям для теории значения – как едичных, так и общих имён. Проблему жёсткой десигнации рассматривает и Д.В. Анкин в своей работе «К вопросу о синтаксической фиксации десингаторов». Принимая в целом идею жёстких десигнаторов как весьма полезное средство демистификации понятия «возможных миров», автор критически оценивает эссенциалистское обосно-

вание этой идеи у Крипке, предлагая взамен синтаксические механизмы фиксации денотатов имён, укорененные некоторым образом в прагматике.

Глубокий анализ прагматических аспектов фиксации значения предпринят в статье В.А. Суровцева «Жёсткая десигнация и проблема следования правилу». Автор исследует идейную связь между двумя центральными темами крипкевской философии и показывает, что Крипке-скептик не вполне согласуется с Крипке-сторонником жёсткой десигнации, ведь даже если собственные имена действительно являются жёсткими десигнаторами, отсюда ещё не следует, что их значение полностью доопределено. Работа Д.Э. Гаспарян «Дескриптивизм vs антидескриптивизм и теория значения в структурной лингвистике» посвящена сравнению двух противоположных подходов к определению природы значения. В статье отстаивается тезис о том, что с помощью базовых идей структурной лингвистики можно лучше понять причины теоретических затруднений дескриптивизма и антидескриптивизма, а также показать их принципиально неустрашимый характер.

П.С. Куслий в работе «Индивидуация объектов и прямая референция» рассматривает одно из известных метафизических возражений против теории Крипке – аргумент постоянно престаивающегося корабля Тесея, – и демонстрирует, что теории прямой и дескриптивной референции относительно данного примера являются скорее дополнительными, чем контрадикторными. В статье О.И. Невдобенко «Замечания о специфике некоторых самоприменимых конструкций» исследуются техники конструирования автореферентности. Автор показывает, что подобные выражения интересны не столько потому, что иногда приводят к нарушению логических принципов (в частности, закона непротиворечия) сколько из-за возможности нарушения в них собственно семантических принципов (в частности, принципов теории именованности), что является гораздо более глубокой проблемой. Сравнению метода отношения именованности с концепцией жёстких десигнаторов посвящена работа Д.П. Суровягина «Крипке и Карнап о значении». Трактую теорию прямой референции как разновидность теории отношения именованности, автор пытается применить к ней известную критику Карнапа и тем самым

вскрыть некоторые методологические проблемы крипкеанской семантики.

Второй раздел – **«Априорность, аналитичность и необходимость тождества»**, – открывается статьей «Крипке как предчувствие: апостериорные тавтологии Витгенштейна». В этой работе Е.Г. Драгалина-Черная интерпретирует феноменологический проект «среднего» Витгенштейна как предвосхищение концепции апостериорной необходимости Крипке. Статья И.Г. Гаспарова «Необходимость тождества» содержит анализ и критику аргумента Крипке в защиту необходимого апостериорного тождества. Автор показывает, что несмотря на правильность вводимых Крипке различений, они не позволяют разрешить вопрос о модальном статусе данного отношения. Обратную сторону проблемы – а именно, как возможна апостериорность необходимого тождества, – рассматривает С.В. Данько. Исследуя механизм «рестроспективного» моделирование контрфактических ситуаций, она показывает, почему необходимость тождества объектов бывает дана нам апостериори.

Другую разновидность «смешанных истин» – контингентное *a priori* – исследует в своей работе Л.Д. Ламберов. С помощью двумерной семантики он пытается объяснить, как работают «ножницы Крипке» (термин автора), разделившие понятия необходимости и априорности; но в результате проделанного анализа констатирует, что в двумерной семантике *a priori* может пониматься в различных смыслах, и приходит к выводу, что такой концептуальный аппарат вряд ли подходит для экспликации понятия априорности. Статья В.В. Горбатова «Уязвимые места необходимого тождества, или “рогатка” для Крипке» посвящена сравнению нефрегевской логики Романа Сушко и теории крипкевской жёстких десигнаторов. На основании этого сравнения автором формулируется аргумент против необходимого апостериорного тождества, аналогичный аргументу «рогатки», направленному против NFL. Критически оценивает понятие необходимого тождества и К.А. Павлов в своей статье «Проблема тождества и ситуация недоопределённости», предлагая сместить акцент с идеи «тождества как такового» на разнообразные процедуры отождест-

вления и внимательное отслеживание границ их легитимности.

Третий раздел – **«Имена вымышленных и абстрактных объектов»**, – начинается с обстоятельной работы А.Ю. Нестерова «Семантика вымысла: эпистемологический анализ значения фикционального знака». Автор отстаивает тезис о том, что границы вымышленного значения связаны с эпистемологическим статусом деятельности вымысла, который, в свою очередь, может задаваться принятием эмпирической, реалистской или идеалистской стратегии интерпретации. А.В. Мигла в своей статье показывает, какие проблемы влечёт для теории прямой референции употребление пустых имён, а также рассматривает возможные стратегии их решения. Помимо этого, автор предлагает собственный подход, объясняющий функционирование имен абстрактных социокультурных объектов. Исследование совместимости теории абстрактных объектов (в версии Э. Залты) с теорией жёстких десигнаторов предпринимает Т.В. Пашенко, подчеркивая, что хотя залтовская интерпретация идей Крипке наталкивается на некоторые принципиальные трудности, в целом этот подход довольно интересен и продуктивен.

Четвертый раздел – **«Модальная метафизика и философия сознания»**, – посвящён исследованию влияния модального аргумента Крипке на развитие проблематики, связанной с проблемой «сознание-тело». Этот раздел открывается статьей Н.М. Гарнцевой, содержащей обстоятельный анализ идейной связи этого анти-материалистического аргумента с известными аргументами Томаса Нагеля, Джозефа Левина и в особенности Дэвида Чалмерса. В работе Д.В. Иванова «Модальная метафизика и психофизическая проблема» показывается, что предпринятая Крипке революция сделала возможным не только возрождение аристотелевского реализма в метафизике, но и реабилитацию картезианских аргументов касательно дуализма ментального и физического. В то же время, автор подчеркивает существенное различие между модальным аргументом Крипке и «аргументом зомби», в силу которого доводы Крипке нельзя считать доводами в пользу дуализма. Наконец, С.М. Жданов в статье «Крипке против отождествления ментального и физического» предлагает подробный анализ

самого модального аргумента, который, как показывает автор, может быть блокирован несколькими различными способами, из которых наиболее оптимальным, с его точки зрения, является отрицание посылки, разрешающей переход от предствавимости к возможности.

Последний, пятый раздел – **«Прикладные аспекты семантики возможных миров»**, – посвящен анализу применимости крипкеанской методологии в смежных с аналитической философией областях. В статье Ю.В. Горбатовой «Отождествление объектов через возможные миры в концепции А. Плантинги» исследуется влияние идей Крипке на концептуальный аппарат современной аналитической теологии. На примере вопроса о трансмировой индивидуации показывается непоследовательность и непроясненность онтологии Алвина Плантинги, сочетающей в себе черты онтологии объектов и онтологии положений дел. Автор предлагает философский анализ понятия объекта в семантике положений дел, место и функции «Я» в такой онтологии, обоснование выделенности одного из возможных миров. В работе А.В. Красенковой линейные шкалы Крипке (представляющие собой основу алгебраического аппарата семантики возможных миров) используются для интерпретации дедукции в натуральных исчислениях, построенных для классической логики высказываний и для разнообразных систем силлогистики, основанных на ней. Автор также предлагает доказательство погружаемости указанных исчислений в линейную логику доказуемости GL через доказательство погружения данных исчислений в K4, которая имеет достаточно естественную интерпретацию на множестве шкал Крипке. Статья О.А. Шапиро «"Возможные миры" Крипке и логическое прогнозирование посвящена обсуждению фундаментальных вопросов логического прогнозирования, которое, по мнению автора, существенным образом опирается на крипкеанское понимание отношения достижимости между мирами, а также на его теорию жёстких десигнаторов.

Книга адресована логикам, философам, специалистам в области лингвистики и когнитивных наук, а также широкому кругу ученых-гуманитариев.

В.В. Горбатов

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Е.В. Борисов

ПОЧЕМУ ДЕСИГНАЦИЯ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЛИШКОМ ЖЁСТКОЙ*

The paper discusses the interrelation between rigid designation and description. The main thesis of the paper is a critical one: I try to show that S. Kripke's division of description and rigid designation is too strong and so leads to some counterintuitive consequences in theory of meaning of both individual and general names. Consequences of Kripkean notion of rigid designation in semantics of general names are explicated by examples of some theories developed by H. Putnam and J. Searle.

Ключевые слова: жёсткий десигнатор, дескрипция, транс-мировое тождество, интенционал, экстенционал

Keywords: rigid designator, description, identity across the world, intension, extension

В статье рассматривается соотношение жёсткой десигнации и дескрипции. Главный тезис статьи имеет критический характер: я попытаюсь показать, что разделение дескрипции и жёсткой десигнации у С. Крипке имеет чересчур жёсткий характер, что приводит к ряду контринтуитивных следствий в семантике как индивидуальных, так и общих имен. Следствия теории жёсткой десигнации Крипке в семантике общих имен рассматриваются на примере концепций Х. Патнэма и Дж. Сёрла.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00039.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

1. Трансмировое тождество как принимаемое условие

Будем, вслед за Кришке, понимать возможный мир как контрфактическую фантазию. В контрфактической фантазии объект, о котором мы размышляем, чем-то отличается от себя самого, как он есть в действительном мире. Например, мы можем вообразить, что Никсон не стал тридцать седьмым президентом США (или предположить, что он не стал бы таковым при других обстоятельствах), — но при этом рассматриваем его как *тот же самый* объект, тем самым подразумевая трансмировое тождество.

Центральный пункт теории жёсткой десигнации Кришке состоит в том, что трансмировое тождество не является результатом отождествления как специальной эпистемической процедуры. Иначе говоря, тождество не возникает в результате сравнения объектов — объекта x_1 из действительного мира и объекта x_2 из некоего возможного мира; тождество x_1 и x_2 принимается как условие в самом различении этих миров. Poleмизируя с теорией «двойников» (counterparts) Д. Льюиса, утверждающей, что для отождествления объектов x_1 и x_2 мы должны задать критерии (общие свойства этих объектов), Кришке пишет:

Обычно мы думаем о контрфактических ситуациях иначе. Мы просто говорим: «допустим, этот человек проиграл выборы». Здесь то, что возможный мир содержит *этого* человека, и что в этом мире он проиграл, является данностью [3, р. 45-46].

И несколько ниже:

Те, кто доказывает, что для того, чтобы использовать понятие жёсткого десигнатора, следует сначала определить «критерии трансмирового тождества», ставят телегу впереди лошади: трансмировая идентификация непроблематична как раз *потому, что* мы можем (жёстко) обозначать Никсона и условиться (*stipulate*), что мы говорим о том, что

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

могло бы произойти (при других обстоятельствах) именно с *ним* [3, р. 49].

Соответственно, и сам возможный мир не является некоторой автономной данностью (пусть даже воображаемой) наряду с действительным миром, но с самого начала формируется в нашем воображении как определенная вариация последнего: контрфактическая фантазия начинается с полагания трансмирового тождества для одного или нескольких объектов действительного мира.

Этот тезис имеет достаточно сильные интуитивные основания в том смысле, что согласуется с общепринятой повседневной практикой контрфактической фантазии¹: говоря ребенку «если бы ты сделал уроки вчера, то сегодня мог бы посмотреть фильм», мы не осуществляем предварительно процедуру отождествления Вани₁ и Вани₂. Однако Кришке, на мой взгляд, делает из этого тезиса неоправданно сильный вывод, представляя жёсткую десигнацию как абсолютно автономную по отношению к дескрипции:

... в противоположность большинству современных теоретиков я считаю, что референция имен редко или практически никогда не фиксируется с помощью дескрипций. Я под этим разумею не то, о чем у Сёрла сказано: «Референцию фиксирует не единичная дескрипция, а, скорее, пучок, семейство признаков». Я имею в виду, что признаки в этом смысле совсем не используются [1, с. 366].

На этом противопоставлении жёсткой десигнации и дескрипции базируется трактовка трансмирового тождества как «необходимого апостериори» и коррелятивное противопос-

¹ Теория жёсткой десигнации Кришке методически ориентирована на интуитивную ясность: «некоторые философы считают интуитивную ясность весьма слабым свидетельством в пользу той или иной концепции. Я же считаю ее весьма весомым свидетельством в пользу любой концепции. Я действительно не знаю, в конечном счете, более весомых свидетельств в пользу чего бы то ни было» [3, р. 42].

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

тавлении метафизики (онтологии) и эпистемологии². Ниже я попытаюсь показать, что оно нуждается в определенных коррективах.

2. Дескриптивный компонент тождества

Кришке *ограничивает контрфактическую фантазию*, различая свойства объекта, допускающие и не допускающие варьирования в фантазии, что, опять же, вполне согласуется с повседневной интуицией. Рассматривая пример с Никсоном, Кришке рассуждает следующим образом:

... полагая, что в действительности Никсон является человеком, мы едва ли сможем помыслить контрфактическую ситуацию, в которой он был бы, скажем, неодушевленным предметом; наверное, для него было бы невозможно даже не быть человеком. Тогда было бы необходимым фактом, что во всех возможных мирах, где Никсон существует, он является человеком или, во всяком случае, не является неодушевленным предметом [3, р. 46].

Введя, таким образом, понятие необходимого свойства (т. е. необходимого условия бытия таким-то объектом), Кришке далее акцентирует их необязательность для контрфактической фантазии:

... даже если существует чисто качественный набор необходимых и достаточных условий бытия Никсоном, теория, которую я защищаю, не требует, чтобы мы выявили эти условия *прежде* чем задаться вопросом, победил ли бы Никсон на выборах (в некоторой контрфактической ситуации — Е.Б.), как не требует и того, чтобы мы перефор-

² Семантический разрыв между десигнацией и дескрипцией имеет в качестве онтологического коррелята тезис о несводимости объекта к множеству его свойств: «Он (объект — Е.Б.) имеет все эти свойства и не является вещью без свойств, [скрывающейся] за ними, но его не следует отождествлять с множеством или «пучком» его свойств, ни даже с подмножеством его существенных свойств» [3, р. 52].

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

мулировали этот вопрос в терминах такого рода условий. Мы можем просто размышлять о *Никсоне* и задаться вопросом о том, что могло бы произойти с *ним*, если бы некоторые обстоятельства сложились иначе [3, p. 47].

На мой взгляд, этот второй пассаж противоречит первому. В самом деле, если мы принимаем определенные необходимые условия «бытия таким-то объектом» (одушевленность как необходимое условие бытия Никсоном), это налагает определенные ограничения на нашу контрфактическую фантазию: мы уже не можем вообразить Никсона скалой или зомби. Если так, то мы не можем размышлять о том или ином объекте «просто», т. е. независимо от множества его необходимых и достаточных свойств; в любой контрфактической фантазии мы явно или неявно имеем в виду: 1) как минимум некоторые необходимые (не допускающие варьирования) свойства; 2) контингентность тех свойств, которые мы варьируем. В этом смысле трансмировое тождество не является абсолютно свободным от дескрипции, но предполагает если не полную идентифицирующую дескрипцию объекта, то, как минимум, некоторые ее элементы.

3. Релятивность необходимого

Понятие необходимого (не допускающего варьирования в контрфактической фантазии) свойства допускает две интерпретации. Рассмотрим их на примере из статьи «Тождество и необходимость» [1].

Если предположить, что стол на самом деле деревянный, возможно ли такое, что с самого начала своего существования этот самый стол был сделан из льда, скажем, из замерзшей воды Темзы? Это как-то слишком резко противоречит нашей интуиции, хотя мы понимаем, что можно было и в самом деле сделать стол из воды Темзы, заморозив ее, и поставить его как раз на то место, где стоит этот предмет. Если бы это произошло, то сделанный таким образом объект, конечно, был бы *другим* объектом [1, с. 359].

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Как видим, Кришке не допускает, чтобы в контрфактической фантазии *этот* (деревянный в действительном мире) стол был сделан из льда: материал оказывается его *необходимым* свойством. Здесь, конечно, возникает серия вопросов: был ли бы этот стол тем же самым, если бы он был сделан не из сосны, а из дуба; если бы входящие в его состав болты были не стальными, а медными и т. п.; однако ограничимся грубой дистинкцией «дерево/лед». В этом примере свойство деревянности можно понимать как необходимое *абсолютно* — или как свойство, которое может быть как необходимым, так и контингентным в *зависимости* от языковой игры, в контексте которой мы предпринимаем нашу контрфактическую фантазию. В последнем случае оказывается возможной фантазия, в рамках которой материал допускает варьирование и, соответственно, трансмировое тождество сохранилось бы, даже если бы мы вообразили, что этот стол сделан из льда. Сам Кришке высказывает этот тезис в первом (абсолютистском) смысле; об этом говорит, прежде всего, его трактовка имен собственных как жёстких десигнаторов, обозначающих один и тот же объект «во всех возможных мирах» (в которых он существует) [1, с. 350; 3, р. 48].

Однако такого рода натуралистический эссенциализм (абсолютизация существенных свойств) мне представляется необоснованным прежде всего потому, что относительность необходимых свойств — вопреки процитированному пассажи Кришке — вполне совместима с интуитивным пониманием контрфактической фантазии. В самом деле, когда ледяная избушка лисы (возможно, вместе со всей мебелью) растаяла, она вполне могла бы сказать: «вот если бы *моя* избушка была лубяная...».

Если предложенные выше тезисы — неотделимость дескрипции от тождества и релятивность необходимых свойств — верны, то они делают необходимой корректировку определения жёсткого десигнатора. Эти тезисы позволяют вообразить ситуацию, когда две контрфактические вариации некоторого объекта не имеют ни одного общего существенного свойства и, следовательно, не являются тождественными. Т. е. сопря-

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

женность жёсткой десигнации с релятивизируемой дескрипцией делает релятивизирует и саму жёсткую десигнацию, а вместе с тем и трансмировое тождество. Соответственно, жёсткий десигнатор следует определить как имя, обозначающее один и тот же объект во всех контрфактических фантазиях, осуществляемых в рамках языковых игр такого-то типа.

Итак, жёсткий разрыв дескрипции и жёсткой десигнации не выдерживает критики. Кроме того, он имеет следствием контринтуитивный тезис, согласно которому мы не знаем значений (интенционалов) употребляемых нами слов, хотя в некотором смысле можем знать их референцию; я буду называть этот тезис «деэпистемизацией значения». Его проблематичность отчетливо проявляются в семантике общих имен (имен естественных видов), базирующейся на теории жёсткой десигнации; ниже она будет рассмотрена на примере некоторых построений Патнэма и Сёрла.

4. Деэпистемизация значения: натуралистическая версия

В ряде статей 70-х гг. Патнэм применяет концепцию жёстких десигнаторов к именам естественных видов, развивая тезис о независимости экстенционала общего имени от интенционала. Тезис состоит в том, что экстенционал имени определяется прямым указанием на объект, по отношению к которому имя выступает как жёсткий десигнатор, и объективными (не зависящими от наших знаний) отношениями тождества/различия между вещами. Например, экстенционал имени «вода» определяется не дескрипцией типа «вода — это бесцветная жидкость, хорошо утоляющая жажду, текущая в реках и т. д.», но объектом, взятым за образец. Индексикальное определение звучит так: *вода — это жидкость, по своей природе идентичная данному образцу* (например, содержимому вот этого стакана:

Мы можем дать «операциональное определение», указать пучок признаков и т. п., но в наши намерения никогда не вхо-

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

дит «сделать имя синонимом дескрипции»³. Скорее «мы употребляем имя как *жёсткий десигнатор*» для обозначения различных вещей, имеющих *ту природу*, которую обычно имеют вещи, удовлетворяющие данной дескрипции [2, с. 193].

Как видим, Патнэм принимает предложенное Крипке жёсткое противопоставление дескрипции и жёсткой десигнации, распространяя его на семантику общих имен. На мой взгляд, эта концепция имеет два существенных изъяна:

1) Отождествление или различение некоего объекта и образа осуществляется по определенным основаниям, которые должны быть зафиксированы для того, чтобы выбранный образец выполнял свою функцию. Например, жидкость в луже отличается от воды в этом стакане по многим признакам (скажем, по составу примесей), но тождественна ей по молекулярной структуре, и этого достаточно, чтобы считать ее водой. Таким образом, состав примесей не является существенным признаком воды, и различия в этом аспекте не принимаются в расчет (не являются основанием для утверждения «это не вода»), тогда как тождество молекулярной структуры является достаточным основанием для отождествления объекта и образа, следовательно, последняя считается существенным свойством воды. Но основания отождествления (совокупность признаков, которые принимаются в качестве существенных) суть не что иное, как тот же интенционал, который полностью определяет экстенционал имени. Ведь если мы относим объект к экстенционалу имени X на том основании, то он тождествен образцу Y по существенным признакам a , b и c , то индексальное определение (X — это объекты, тождественные объекту Y) может быть заменено на «традиционную» дескрипцию: X — это объекты, обладающие признаками a , b и c . Тем самым мы возвращаемся к дескриптивистскому допущению зависимости экстенционала от интенционала.

³ Эта и следующая закавыченные фразы суть цитаты из работы С. Крипке *Тождество и необходимость* [1, с. 366].

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

2) Обсуждая свой знаменитый мысленный эксперимент с Двойником Земли⁴ [2, с. 174-175], Патнэм пишет:

... тот факт, что люди в 1750 г. могли называть жидкость XYZ «водой», в то время как в 1800 г. или 1850 г. другие поколения называли «водой» жидкость H₂O, не означает, что для среднего человека за этот промежуток времени «значение» слова «вода» изменилось... Изменилось то, что в 1750 г. мы *ошибочно* (курсив мой — Е.В.) считали, что жидкость XYZ находится в отношении «та же самая жидкость» к жидкости в озере Мичиган, тогда как в 1800 г. или в 1850 г. мы уже знали, что это не так [2, с. 177].

Таким образом, по мнению Патнэма, даже до появления молекулярной химии, — когда имеющиеся средства научного исследования еще не позволяли отличить жидкость XYZ от воды, — отождествление этих веществ уже было ошибочным, тем самым принимая натуралистическую абсолютизацию отношения тождества. В свете сказанного выше, однако, ясно, что отношение тождества относительно: объекты X и Y не могут быть «просто» тождественными: они тождественны или различны по некоторым основаниям. Это позволяет пересмотреть тезис Патнэма об «ошибке» 1750 г.: когда мы утверждали, что жидкость XYZ и жидкость в озере Мичиган тождественны, мы еще не знали, что они отличаются по молекулярной структуре, и последняя, таким образом, не входила в число оснований отождествления. В развернутом виде тезис 1750 г. гласил: *Данная жидкость (текущая в реках на Двойнике Земли) тождественна*

⁴ Условия этого эксперимента таковы: 1) существует некоторая планета, которая является почти точной копией Земли — Патнэм называет ее Двойником Земли; 2) на Двойнике Земли в реках и водопроводных трубах течет жидкость, неотличимая от воды по физическим и физиологическим свойствам (она прозрачна, кипит при температуре 100°, хорошо утоляет жажду; местные обитатели варят на ней суп — и т. д.), но имеющая иную молекулярную структуру — XYZ. Словом, землянин, оказавшись на Двойнике Земли, мог бы не заметить, что оказался на другой планете.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

венна жидкости в озере Мичиган по следующим признакам: прозрачность, способность утолять жажду и т. п.

Эта полная формулировка тезиса делает очевидным, что он не был ошибочным в 1750 г. и не стал таковым после появления атомистической теории вещества, несмотря на то что последняя позволила обнаружить определенное отличие между данными объектами. Как ни странно, тезис 1750 г. о тождестве, как и тезис 1850 г. о различии («жидкость XYZ отличается от жидкости в озере Мичиган по молекулярной структуре») оба суть «вечные истины» в том смысле, что их истинностное значение не зависит от времени, когда они высказываются.

Вывод этого критического рассмотрения состоит в том, что индексикальное измерение значения *не отменяет* дескриптивного механизма формирования экстенсионалов и, соответственно, *не доказывает* тезиса о независимости экстенсионала от интенционала.

5. Деэпистемизация значения: интенционалистская версия

Любопытный вариант деэпистемизации значения представлен в интенционалистской семантике Дж. Сёрла. Сёрл соглашается с Патнэмом в том, что экстенсионалы наших слов не зависят от наших знаний, но при этом — в противовес главному тезису каузальной теории значения — настаивает на том, что они зависят от интенционалов. Таким образом, Сёрл разводит знание и интенционал, трактуя последний как интенциональную отсылку к определенному объекту — предмету жёсткой десигнации. Рассмотрим одну из иллюстраций позиции Сёрла, которая полемически направлена против Патнэма:

Для того, кто не знает, кто убил Брауна, экстенционал выражения «убийца Брауна» — это именно убийца Брауна, хотя он и не знает это. Аналогичным образом, интенциональное содержание «тождественный по структуре этому (индексикально определенному) веществу» определяет экстенционал, даже если мы не знаем, какова эта микроструктура [4, pp. 205-206].

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

По моему мнению, аналогия между этими примерами некорректна. Т. е. в отношении экстенционала аналогия, конечно, имеет место, поскольку в обоих примерах экстенционал агенту речи неизвестен. Однако в отношении интенционала между этими примерами есть кардинальное различие: интенционал имени «убийца Брауна» *известен* агенту речи, поскольку само это представляет собой определенную дескрипцию, тогда как «интенциональное содержание» выражения «тождественный по структуре этому (индексикально определенному) веществу» — в силу упомянутого допущения — агенту неизвестно, т. е. это выражение не является определенной дескрипцией. Иначе говоря, дескрипция «убийца Брауна» однозначно определяет свой экстенционал; тогда как квазидескрипция «тождественный по (неизвестной) структуре этому веществу» не фиксирует критерии принадлежности к своему экстенционалу и, следовательно, не определяет последний. Поэтому представляется ошибочным критический вывод Сёрла в отношении Патнэма:

Поэтому ошибочно думать, что если мы определяем «воду» в терминах некоей неизвестной микроструктуры, то интенционал этого имени не определяет экстенционал [4, р. 206].

Таким образом, Сёрл, принимая идею жёсткой десигнации в чересчур жёсткой редакции Крипке — Патнэма, принимает и контингентное допущение, будто «интенционал», определенный в терминах *неизвестной* микроструктуры (или каких бы то ни было других неизвестных характеристик), является интенционалом. При всем благородстве слова «микроструктура», если она неизвестна, то интенционал, определенный в ее терминах, подобен квазидескрипциям из директивы «пойди туда не знаю куда и принеси то не знаю что». Поэтому Сёрл соглашается с выводом Патнэма о том, что уже до 1750 г. предложение землянина «это вода», относящееся к двойнику воды, было ложным, т. е. при идентичности визуального опыта землянина и его двойника слово «вода» в их устах имело разные экстенционалы и, следовательно, разные значения. Сёрл объясняет это различие экстенционалов, апеллируя к каузальной самореферентности интенциональности:

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Хотя в ситуации, когда они (землянин и его двойник – Е.Б.) индексикально идентифицируют «воду», их визуальный опыт идентичен, интенциональное содержание [в их сознаниях] не идентично. Напротив, интенциональное содержание может быть различным, потому что оно каузально самореферентно [4, р. 207].

И далее:

Таким образом, в обоих случаях мы имеем идентичный опыт и идентичные высказывания, но подразумеваются при этом разные [вещи]. А именно: условия удовлетворения, полагаемые в этих двух случаях ментальным содержанием (в голове), различны в силу каузальной самореферентности визуального опыта [4, р. 208].

Против этого тезиса могут быть приведены аргументы, использованные выше против Патнэма:

- 1) Если вода — не индивидуальное имя для данной порции вещества, но общее понятие, то его экстенционал определяется известными носителю языка (или — с точки зрения теории разделения лингвистического труда — экспертному сообществу) основаниями отождествления/различения образцов и эталона — интенционалом. В приведенном пассаже Сёрл молчаливо допускает, что интенциональное содержание опыта визуального восприятия воды различается у землянина и обитателя Двойника Земли, но тождественно у двух землян или их двойников, а также в случае двух актов восприятия воды (разных порций) одним и тем же индивидуом. Тем самым он допускает, что каузальная автореферентность визуального опыта не привязывает имена к индивидуальным объектам, но оставляет возможность отождествления объектов, т. е. конституирования экстенционалов как классов.

Е.В. Борисов. Почему десигнация не может быть слишком ...

- 2) Основания отождествления/различения конституируются в опыте. Если мы берем идеализированный элементарный случай, когда значение базируется только на опыте визуального восприятия, то идентичность опыта (интенционала) имеет следствием идентичность экстенционала, т. е. значения в целом. *Mutatis mutandis* это относится и к более сложным случаям, например, когда значение определяется как профанным визуальным, так и экспертным научным опытом.
- 3) Разумеется, в будущем для любого общего имени возможна дивергенция значений, обусловленная анализом «микроструктуры»: деление воды (в значении до 1750 г.) на H₂O и XYZ, деление воды в смысле H₂O на воду легкую и тяжелую и т. п. И конечно, это дальнейшая дивергенция может осуществляться не только на основании «микроструктуры», но и на прочих основаниях: мы выделяем такие виды воды, как водопроводная, родниковая, дождевая... Однако возможность будущих трансформаций значения не отменяет корреляцию интенционала и экстенционала в любой момент времени.

Литература

1. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в современной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 340-376.
2. Патнэм Х. Значение значения // Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. С. 164-235.
3. Kripke S. Naming and Necessity. Blackwell: Oxford, 1980.
4. Searle J.R. Intentionality. An essay in philosophy of mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Д.В. Анкин

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ДЕСИГНАТОРОВ

The paper raises the question about ontologically relevant aspects of syntax, which allows us to perform the denotation function. The first main idea concerns the correlation of the ontological aspects of syntax and postulating of some world as the real world. The second main idea concerns the necessity of dismissal of the purely semantic assumptions in the theory of the denotation, and of the dependence of semantic charge of a language (interpreted not as a natural language, and not as an idiolect, but as language in some intermediate level – «discourse») on the nature of its subject area, which is described when the language is used.

Ключевые слова: язык, дискурс, обозначение, индекс, синтаксис, семантика

Keywords: language, discourse, denotation, index, syntax, semantics

В статье ставится вопрос об онтологически значимых аспектах синтаксиса, позволяющих выполнять функцию обозначения. Первая основная идея касается корреляции онтологических аспектов синтаксиса с полаганием некоторого мира в качестве действительного. Вторая основная идея касается необходимости сокращения чисто семантических предпосылок в теории обозначения, а также зависимости семантической нагруженности языка (трактуемого и не как естественный язык, и не как идиолект, а язык некоторого промежуточного уровня – «дискурс») от характера той предметной области, которая с его помощью описывается.

Первая основная идея статьи заключается в том, что синтаксическая упорядоченность изначально несёт некоторое семантическое значение, предшествующее всякому акту именованию и означивания. Например, как только мы признали предложением языка выражение «глокая куздра кудлачит бокрѐнка», так мы уже тем самым *приняли* некоторую ещё не поименованную действительность, допускающую принятие соответствующего языка.

Именование и необходимость следует рассматривать относительно некоторого языка и некоторого мира, *постулируемого в качестве действительного*. Полагание языка зависит от полагания мира, т. е. мы не способны ни на какие языковые конвенции без предположения некоторого действительного мира. Если так, то получается, что онтологические обязательства можно распространять не только на полагание объектов, но и на исходный выбор некоторого языка. Получается всё как бы по У. Куайну.

И всё же, несмотря на то, что действительность принимается нами одновременно с принятием некоторого языка, деление на внешние и внутренние – в смысле Р. Карнапа – вопросы всё же уместно. Я думаю, что и онтологические обязательства бывают *двух типов*: 1) онтологические обязательства выбора самого языка (= полагания *действительного* мира), 2) онтологические обязательства, связанные с категориями именованного, существования, необходимости и возможности относительно *объектов* данного языка. Контрфактические ситуации, возможность и необходимость, обозначение объектов с помощью имён – всё это будет тогда отнесено к *внутренним* вопросам.

Равным образом, не следует смешивать два типа конвенций (и не стоит, в силу равноуровневости, даже пытаться рассматривать их одновременно). Необходимость и возможность, конечно относительны, но вовсе не в том смысле, в котором относителен принимаемый нами язык и действительный мир. Первоначально мы обязаны *фиксировать* действительный мир (= некоторый язык), прежде, чем обратиться к анализу возможного и необходимого. Поэтому, я полагаю, что синтак-

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

сис есть такое *a priori*, которое никак нельзя считать неким случайным *a priori*, если мыслить на одном уровне с возможностью и необходимостью фактов, подлежащих описанию средствами данного языка. Конвенциональность конвенциональности рознь.

Вторая основная идея статьи заключается в том, что в рамках всякой здоровой теории обозначения синтаксис определяет и трактовку категорий семантики. Необходимо стремиться к минимизации чисто семантических средств обозначения. Так, Б. Рассел в своей теории описания и обозначения ограничивается достаточно скромной семантической диетой – онтологией «логических имён собственных», сведенной у него к указательным местоимениям и именам простейших качеств, фиксирующих наш непосредственный опыт. У. Куайн идёт ещё дальше, полагая, что всякое имя может быть представлено если не в виде дескрипции (как у Рассела, в случае «псевдоимён», или скрытых дескрипций), то в виде некоторого предиката, устраняемого в дальнейшем синтаксическим анализом в духе того же Б. Рассела.

В качестве возражения можно заметить, что семантические допущения Г. Фреге выглядят в целом более обширными, что обильная семантическая диета продолжает оставаться в рационе ряда послефрегевских аналитиков, в том числе, в творчестве таких авторов, как К. И. Льюис, стоящий у истоков современной модальной логики, Дж. Сёрл и ряда других. Отвечая на данное возражение, я бы призвал учитывать, во-первых, историческую ретроспективу появления тех или иных концепций обозначения, во-вторых, ту область исследований, для которой ищется семантика.

Поэтому творчество С. Крипке видится попыткой уточнения категорий модальной логики на основе *сокращения* числа чисто семантических допущений (если сравнивать, например, с допущениями К.И. Льюиса). В то же время, разработка семантических категорий модальной логики должна оцениваться по иным – *более мягким* – критериям аскетизма, чем соответствующая разработка семантики логики предикатов (Б. Рассел, У. Куайн и др.). Того совершенства и аскетизма,

который мы имеем в семантике логики предикатов, достигнуть хоть и не удаётся, но избавиться от ряда необузданных идей в семантике возможных миров вполне получается.

Если размышлять подобным образом, то идея жёстких десигнаторов представляется идеей, демистифицирующей философское содержание категории возможных миров: индивид никак не может оказаться иным индивидом, и идея какого-то специального «прослеживания сквозь возможные миры» является, по меньшей мере, идеей не обязательной («прослеживание» индивидов имеет смысл только тогда, когда референция двоятся, тройтся и т. д.).

Другое дело, что обоснование этой замечательной идеи иногда видится проблематичным. В частности, эссенциалистское обоснование жёсткости десигнации проблематично, так как существенные свойства индивидов в большинстве случаев неопределимы. Однако может быть можно сделать именованное жёстким (однозначным) и без обращения к эссенциалистским, семантическим по своей природе предпосылкам? Мнужественность референции термина во многих – если не во всех – случаях устранима уже на уровне синтаксиса, например, посредством уточнения и расширения категорий имён языка нашего описания (уточнение алфавита); уточнения правил образования предложений и т. д.

Если взять в качестве примера индивидов людей, то именем человеческого индивида можно считать не отдельное имя (Петя, Коля и т. д.), а последовательность из фамилии, имени и отчества (как то и делается в деловой документации), а при совпадении указанных признаков, указания ещё и каких-то дополнительных индексов на исходном уровне алфавита имен.

Другой пример – многозначность арифметики, связанная с системой счисления. В этом случае, цифрой следует считать не только традиционную (например, арабскую) цифровую запись, но проиндексированную в отношении размерности исчисления цифровую запись. Арабская же (римская, двоичная и т. д.) цифра ещё никакая не цифра.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Имена или алфавит определяют (совместно с правилами образования), в свою очередь, что будет правильно построенным предложением (формулой). Например, $2+5=7$ не будет правильно построенной формулой *даже на уровне синтаксиса*, без указания размерности арифметического исчисления. В этом случае, недопустимо говорить о каком-либо изменении истинностного значения предложения при переходе от одного языка (исчисления) к другому¹.

Чем второй пример отличается от первого? Первый наш пример можно оспорить, если под синтаксисом подразумевается синтаксис естественного языка, а не идиолекта, либо некоторого социолекта – что обычно обозначается очень неясным словом «дискурс»² – того (как минимум потенциально – тех), кто человеческих индивидов именуется. Естественный язык не имеет средств для фиксации синтаксических свойств имён индивидов. Лишь препарировав его некоторым образом (превращая в дискурс), можно пытаться ввести синтаксические свойства имён, выражаемые в индексах.

Второй же пример – о синтаксической некорректности цифровой записи арабов – можно успешно отстаивать на уровне языков самой арифметики. Необходимо только правильно понимать наше утверждение – речь идёт не о переходе от одного языка арифметики к другому, а об эксплицитном, исключаящем какие-либо синтаксические домысливания построении некоторого *конкретного* языка арифметики.

Индексация цифровой записи во втором примере имеет ещё и то отличие (от индексации имён индивидов), что системе дополнительных индексов гораздо легче представить как *синтаксическое свойство* (Р. Карнап), чем представить как синтаксическое свойство некоторое дополнение имён и фами-

¹ Это вовсе не то, на что опирается семантика возможных миров – рассмотрение вариаций сочетаний истинностных значений предложений в рамках некоторого *фиксированного* языка.

² Попытаемся определить различие между идиолектом и дискурсом: если идиолект по определению не может быть общим (общезначимым) языком, то дискурс подобную возможность (экспликации синтаксиса) сохраняет, даже принадлежа одному единственному индивиду.

Д.В. Анкин. К вопросу о синтаксической фиксации ...

лий индивидов (первый пример), даже если мы превратим естественный язык в некоторый терминологически уточнённый язык.

К этому различию мы чуть позже вернёмся, а сейчас поговорим о бессмысленности любого предположения о возможности *изменения* истинностного значения целых высказываний при переходе от одного языка к другому, а так же о невозможности синтаксически корректных описаний подобного перехода.

Для начала вспомним одно из утверждений А. Тарского, которое следует критически проанализировать. В работе «Семантическая концепция истины и основания семантики» Тарский пишет:

По самым разным причинам представляется наиболее удобным *применять термин «истинно» к предложениям* и мы будем этому следовать (Для наших настоящих целей несколько более удобно под «выражениями», «предложениями» и т. п. понимать не конкретные записи, а классы записей сходной формы (т. е. не конкретные физические вещи, а классы таких вещей). Таким образом, понятие истины, как и понятие предложения, мы должны всегда связывать с определенным языком, поскольку очевидно, что одно и то же выражение, являющееся истинным предложением в одном языке, может оказаться ложным или даже бессмысленным в другом языке [1, с. 92].

Важно примечание Тарского, что он понимает под предложением *класс* синтаксически корректных соединений знаков. Однако понятие «синтаксически корректного выражения» (в том числе и предложения) не нейтрально в отношении языка. Синтаксис подразумевает и некоторые неявные предпосылки, игнорирование которых и приводит к идее «одного и того же предложения» в разных языках. Правила связи невозможно абстрагировать от форм связи, для которых они и выступают правилами. Поэтому, в разных языках невозможно найти «одно и то же предложение».

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

А можно ли выделить класс корректных написаний некоторого *имени*, если отойти от рассмотрения формы предложения? Когда мы переходим от одного языка к другому, конституирующие предложение имена могут и перестать быть именами, и даже перестать быть какими бы то ни было знаками этого второго языка. Видимо, Тарский от данной возможности отвлекается. Хорошо, пусть мы примем эту абстракцию Тарского и будем считать, что в новом языке имена первого языка тоже есть имена, но просто другие (хотя, может и здесь более уместно брать не имена, а классы имён).

В качестве примера рассмотрим высказывание «Этот студент бьёт баклуши». Допустим, что в языке 1 имя «бить баклуши» означает играть в некоторую экзотическую игру, а в языке 2 это же имя имеет синонимом «бездельничает». Очевидно, что «изменение истинностного значения» не может быть каким-то *систематическим* образом прослежено, потому что не существует никакого *синтаксически* корректного перехода от языка 1 к языку 2³.

Действительно, может оказаться так, что данный студент бездельник, но в экзотическую игру не играет (или наоборот). Будут ли у нас при этом основания говорить, что одно и то же предложение *изменило* своё истинностное значение при переходе от языка 2 к языку 1? Мне представляется, что оснований для усмотрения *одного и того же предложения* в этих двух языках просто нет. Перед нами просто *разные* «классы вещей» (если под классами понимать *определяемые* множества). И это потому, что имена составляют «алфавит» некоторого конкретного языка, и как следствие этого – имя языка 1 не то же самое, что имя языка 2.

Итак, с определённым языком следует связать не только то, что мы считаем предложением, как справедливо замечает Тарский, но и то, что мы называем именем (шире – знаком) некоторого языка. Тогда для того чтобы рассматривать «неко-

³ Если бы подобный синтаксис перехода от одного языка к другому существовал, это было бы абсолютным решением в пользу концепции сильного ИИ (данное утверждение выходит за рамки нашей основной темы, и мы не будем здесь пытаться его обосновать).

торый класс записей» как предложение, уже недостаточно учитывать лишь *правила соединения* знаков, образующих предложение, необходимо учитывать и сами знаки как «некоторые классы записей», а это не сделать на уровне языковых правил образования, но только на уровне задания исходного алфавита (словаря). Будет ли задание алфавита элементом синтаксиса? Если мы выходим за рамки чистой логики, то без сомнения.

Имплицитные предпосылки всякого синтаксиса составляют наше «домысливание» (обязательно, как будет видно ниже, не только и не столько субъективное доммысливание!) чернильных пятен, звуков или чего-то иного до знака. При этом, конструирование чего-то как *знака* некоторого языка происходит иначе, чем конструирование чего-то в качестве исходного объекта семантики – предложения. В случае предложения, мы легко определяем тот или иной *класс* знаковых форм (учитывая уже распознанные элементы алфавита и правила образования). В первом же случае мы доммысливаем скорее не класс, а некоторое *целое*. Вероятно, это и определяет границы синтаксической индексации имён.

Экспликация именной части синтаксиса (или только важной её части) не будет ни прояснением смысла понятий, ни прояснением смысла высказываний, она будет либо уточнением нашего восприятия (можно ли здесь говорить о «способе представления»?) некоторого объекта как знака (символа) того или иного языка (исчисления). Например, в качестве элемента его алфавита. Индексация воспринимаемого, помогающая увидеть за ним знак должна рассматриваться в первую очередь, и лишь во вторую очередь – индексация способа связывания знаков (символов) между собой.

Вероятно, потребуется отказаться от теоретико-множественных оснований⁴ и определять элементы алфавита

⁴ Понятие «онтологических обязательств» У. Куайна, прекрасно зарекомендовавшее себя в области анализа пропозициональных функций (на основе логики предикатов первого порядка с её теоретико-множественными основаниями), для имен придётся, вероятно, как-то трансформировать.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

не как специфические множества сходных объектов, а как некие *целостности* (не «мереологические» ли, в духе С. Лесьневского?). Представляется, что наша интерпретация объекта в качестве знака некоторого языка образует множество *неопределяемое* (не могу сказать, определяется ли оно как целостность).

Позвольте, приняв предполагаемую возможность, но отложив общее решение затронутой проблемы, поговорить в заключение о «загадке контекстов мнения (убеждения)» С. Крипке.

С. Крипке пишет: «Поскольку Пьер не знает, что имена «Londres» и «London» кодесигнативны, то, когда он утверждает «Londres est jolie», но отрицает «London is pretty» («Лондон – красивый город»), совсем не обязательно думать, что ему не хватает необходимого знания языка или что он склонен совершать языковые или понятийные ошибки» [2, с. 223].

То, что Пьер не совершает никакой понятийной ошибки, утверждая так, кажется верным. Однако можно ли утверждать, что он не совершает *языковой* ошибки? Если говорить о французском, то так. А если речь идёт о его идиолекте? Не будет ли более правильным думать, что ему не хватает знания «языка»?

И всё же, мы обязаны выйти за рамки идиолекта, так как синтаксис не может быть синтаксисом идиолекта, в идиолекте (в строгом смысле слова) нет возможности фиксировать собственные *отклонения* от правил (Л. Витгенштейн).

Представляется, что в рассматриваемой Крипке ситуации мы вынуждены считать, что Пьер совершил языковую ошибку, но не в отношении французского языка, и не в отношении собственного идиолекта (где нет никаких общезначимых правил), а в отношении *индексации предиката* «красивости», соответствующей ситуации его утверждения и особенностям его квазифранцузского дискурса (которому предикат «красивости» и принадлежит). Получается, что Пьер не владел адекватным пониманием имени «красивость» («некрасивость»), а вовсе не имени «Londres». Проблема в общезначимой (по сво-

Д.В. Анкин. К вопросу о синтаксической фиксации ...

ему квазифранцузскому значению), но принадлежащей лично Пьеру индексации универсалии – предиката «красивости».

С. Крипке очень верно утверждает: «Никакого явного парадокса не возникает, если ту же самую ситуацию описывать в терминах искреннего согласия Пьера с разными утверждениями наряду с указанием условий, при которых он выучил данное имя» [2. с. 235]. Представляется, что «условия выучивания» имени включают и условия возможной предикации, а это и есть искомая прагматика, способствующая синтаксической индексации имён.

Литература

1. Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике Вып.18, М., 1986. С. 194-241.
2. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики. // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.,1998. С. 90-129.

В.А. Суровцев

**ЖЁСТКИЕ ДЕСИГНАТОРЫ
И ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ**

This paper outlines the essential aspects of the problem of rule following and possibility of its decision by means of the theory rigid designators. The problem and the theory belong to S. Kripke. It is shown that the problem and the theory are incompatible. Accepting the theory rigid designators, it is necessary to refuse the problem rule following. Accepting the sceptical argument of Kripke, it is necessary to refuse from the theory of rigid designators.

Ключевые слова: *С. Крипке, жёсткий десигнатор, значение, недоопределённость значения, правила, следование правилу.*

Keywords: *S. Kripke, rigid designator, meaning, undefiniteness of meaning, rules, rule following.*

Проблема следования правилу и примыкающая к ней идея недоопределённости языковых выражений связана с критикой поздним Витгенштейном стандартного образа овладения языком. Этот стандартный образ в ранней аналитической философии встречается в разных формах, крайними выражениями которых являются платонизированная семантика Г. Фреге и эмпирическая теория значения Венского кружка, а медиальными модификациями – различные теории Б. Рассела, Г. Райла, Дж. Остина и других. Стандартная теория сводится к тому, что значения выражений 1) первоначально усваиваются остенсивно, 2) закрепляются индуктивно, 3) правильное закрепление подтверждается внешним или публичным критерием. Эти пункты были подвергнуты критике со

стороны многих философов-аналитиков. Широко известные скептические аргументы – это, например, аргумент «Гавагай» У. Куайна, критикующий остенсию, аргумент «Зелубое» Н. Гудмена, направленный на критику индукции, аргумент «Двойник Земли» Х. Патнэма, связанный с публичными критериями и ряд других. Однако наиболее сильным в ряду подобных аргументов признаётся скептический аргумент С. Крипке относительно следования правилу, который не только ставит под вопрос роль в освоении значения остенсии, индукции и публичных критериев, но и приводит к радикальному сомнению в доопределённости значения в рамках индивидуального сознания [7].

Крипке приводит следующий пример:

Предположим, к примеру, что « $68 + 57$ » – это вычисление, которое я никогда не выполнял ранее. Поскольку, даже в уме, не говоря уже о внешне наблюдаемом поведении, я выполнил только конечное множество вычислений в прошлом, подобный пример, бесспорно, мог бы быть... Я выполняю вычисление, естественно получая ответ «125». После проверки своего действия я, вероятно, уверен, что «125» – это правильный ответ. Он корректен как в арифметическом смысле, поскольку 125 есть сумма 68 и 57, так и в металингвистическом смысле, поскольку «плюс», как я намеренно употреблял это слово в прошлом, обозначал функцию, которая, будучи применена к числам, называемым мною «68» и «57», дает результат 125. Предположим теперь, что я сталкиваюсь с неким эксцентричным скептиком. Этот скептик сомневается в моей уверенности в ответе относительно того, что я только что назвал «металингвистическим» смыслом. Возможно, он считает, что то, как я употреблял термин «плюс» в прошлом, предполагает, что подразумеваемый мною ответ относительно « $68 + 57$ » должен был быть «5»! Разумеется, предположение скептика воспринимается как безумное... Но кто должен сказать, что это была за функция? В прошлом я дал только конечное число примеров, иллюстрирующих эту функцию. Все они, как мы предположили, включали числа, меньшие чем 57. Поэтому, вероятно, в прошлом я употреблял «плюс» и «+»

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

для обозначения функции, которая будет называться «квус» и символизироваться посредством « \oplus ». Она определяется так:

$$x \oplus y = x + y, \text{ если } x \text{ и } y < 57, \text{ но}$$

$$x \oplus y = 5 \text{ в других случаях.}$$

Кто же должен сказать, что это не та функция, которую я ранее подразумевал под '+'? [3, с. 21-22].

Сомнение подобного рода основано на критике следования каким-либо правилам, определяющим применение лингвистических обозначений математических операций. Как считает Крипке, математические операции не только не усваиваются остенсивно, не закрепляются индуктивно и нет никакого публичного критерия, который мог бы свидетельствовать в их пользу. Более того любое применение операции может быть подвергнуто скептическому сомнению, поскольку даже в рамках собственного сознания мы не можем быть уверены, что придали операции однозначный смысл в виду недоопределённости языкового значения того знака, которым мы обозначили данную операцию. Лингвистическое обозначение математической операции фундаментально недоопределено, поскольку в нашем сознании мы не можем предусмотреть все возможные применения данной операции, а значит, в любой момент её обозначение может приобрести иной, отличный от изначального смысл. Так, возможная замена плюса на квус или сложения на квожение имеет не математическое, но лингвистическое измерение, связанное с недоопределённостью значения того, как обозначаются эти операции.

Обратим внимание на некоторые следствия, которые вытекают из радикальной скептической позиции С. Крипке в отношении следования правилу и фундаментальной недоопределённости значений. Рассмотрим одну из математических проблем, например, проблему Гольдбаха. Она заключается в предположении, что любое чётное число можно представить в качестве суммы двух простых чисел. Эта проблема была высказана в качестве гипотезы и уже более двухсот пятидесяти лет математики пытаются её доказать. Но что получается, если

мы принимаем радикальный скептицизм крипкеанской интерпретации Витгенштейна? Ситуация становится парадоксальной даже не в том отношении, что столь простая в формулировке проблема создаёт непреодолимые препятствия математикам. История математики много раз демонстрировала подобные ситуации. В философском отношении проблема становится гораздо тоньше. А можно ли вообще доказать эту гипотезу, поскольку становится неясным, что она вообще подразумевает? Действительно, так как операция сложения недоопределена в индивидуальном сознании, поэтому, во-первых, мы не можем сказать, а действительно ли мы доказываем гипотезу Гольдбаха, ведь вполне возможно, что при доказательстве мы подразумеваем операцию квожения, и лишь до определённого момента эта операция совпадает со сложением. А значит, мы доказываем вовсе не гипотезу Гольдбаха, а лишь её недоопределённый вариант. Во-вторых, абсолютно неизвестно, что подразумевал под данной гипотезой сам Гольдбах. Ведь, если следовать Крипке, соответствующая операция была недоопределена и в его собственном индивидуальном сознании. А значит вполне возможно, что он подразумевал не сложение, а квожение. Тогда становится непонятным, доказываем ли мы гипотезу Гольдбаха, является ли то, что мы доказываем, вообще гипотезой Гольдбаха. Или другой пример. В 1995 г. математическое сообщество признало, что Эндрю Уайлз доказал Великую теорему Ферма. Но, если использовать тезис фундаментальной неопределённости, доказал ли Уайлз Великую теорему Ферма? Опять возникает двоякая ситуация: 1) что подразумевал Ферма, когда формулировал свою теорему, имел ли он в виду сумму степеней двух чисел, или же он имел в виду их квумму; 2) что же имел в виду Уайлз, когда доказывал данную теорему? Очевидно, что подобные вопросы обесценивают, например, великолепные книги Апостолоса Доксиадиса и Саймона Сингха, написавших каждый в своём жанре блистательную историю данных проблем [2; 6], поскольку, возможно, они писали вовсе не о том, что подразумевали их персонажи, и, даже более вероятно, не о том, что подразумевали сами эти авторы. Если мы принимаем такой подход, на-

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

стаивая на полной недоопределённости значения операции сложения, то математика становится совершенно невозможной.

Подобная ситуация для математики фатальна. Но можно предположить, что подобные выводы не столь уж неизбежны, если принять дополнительные условия. Например, мы можем сказать, что ни гипотеза Гольдбаха, ни Великая теорема Ферма смысла не утрачивают, хотя бы потому, что операцию сложения мы полностью определяем посредством математических гипотез, принятых в виде аксиом. Например, мы считаем верной аксиоматику Дж. Пеано, и это задаёт смысл данных утверждений, для которых, посредством данной аксиоматики операция сложения задана однозначно. В этом случае математические высказывания превращаются в условные высказывания определённого вида, а именно: «Если принимается то-то и то-то, то доказуемо то-то и то-то». Антецедент этих утверждений будет иметь достаточно сложный вид, поскольку в качестве такового будет приниматься некоторая аксиоматическая система. В общем случае такое условное утверждение можно сформулировать следующим образом: «Если операция сложения задана аксиомами Пеано, тогда гипотеза Гольдбаха имеет математический смысл, Великая теорема Ферма доказана и т. д., и т. п.».

Такой подход позволяет обратиться к другой идее С. Крипке, а именно, к теории жёстких десигнаторов. Выражения, называемые Крипке жёсткими десигнаторами, выполняют функцию кросидентификации объектов в системе возможных миров и противопоставляются описаниям (нежёстким десигнаторам), которые могут иметь разные значения в различных возможных мирах. Так, например, описательное выражение «изобретатель бифокальных очков» не является жёстким десигнатором, поскольку, хотя в действительном мире им был Бенджамин Франклин, «нетрудно себе представить, что мир мог бы быть и не таким, какой он есть, и что при других обстоятельствах это изобретение сделал бы кто-то другой... значит выражение «изобретатель бифокальных очков» является нежёстким десигнатором, и понимать это следует в

том смысле, что при одних обстоятельствах изобретателем таких линз мог бы быть один человек, а при других обстоятельствах им мог бы быть другой человек» [4, с. 351]. Но имя «Бенджамин Франклин» является жёстким десигнатором, поскольку, если бы даже Бенджамин Франклин в одном из возможных миров не изобрёл бифокальных очков, он всё равно бы оставался Бенджамином Франклином. Кришке пишет: «Что я имею в виду под «жёстким десигнатором»? Я имею в виду термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [4, с. 351].

Возможный мир Кришке понимает как контрфактическую ситуацию. И различие между жёсткими и нежёсткими десигнаторами наиболее отчётливо проявляется при описании таких контрфактических ситуаций, что даёт простой интуитивный способ их различения:

Когда мы говорим о контрфактической ситуации, в которой, по нашему предположению, Никсон поступил бы по другому, мы всё же считаем, что мы говорим о Никсоне. Мы говорим: «Если бы Никсон дал взятку определённому сенатору, он смог бы добиться назначения Карсвелла» – и считаем, что мы относим имена Никсон и Карсвелл к тем же людям, к которым они относятся в действительном мире. И кроме того, мы по-видимому, не можем сказать: «Никсон мог бы быть другим человеком, а не тем, кто он есть на самом деле»... Никсон не мог бы быть в буквальном смысле слова другим человеком, не тем, кто он есть на самом деле, а вот тридцать седьмым президентом США мог бы быть и Хэмфри. Значит, выражение «тридцать седьмой президент» – это нежёсткий десигнатор, а «Никсон», – по-видимому, жёсткий десигнатор [4, с. 357].

При этом подразумевается, что при описании различных контрфактических ситуаций (возможных миров) выражения используются в одном и том же смысле, т. е. если используется русский язык для описания действительного мира, то и для описания контрфактических ситуаций используется тот же самый язык, а не похожий на него фонетически или грамма-

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

тически. Так выражение «тридцать седьмой президент» во всех случаях должно подразумевать тридцать седьмого президента, а, например, не изобретателя бифокальных очков. Кроме того, предполагается, что объект жёсткого десигнатора не обязательно должен существовать во всех возможных мирах, поскольку, например, вполне мыслима контрфактическая ситуация в которой Никсон бы не существовал.

Описание контрфактической ситуации в виде условного высказывания позволяет вернуться к указанной выше проблеме. Действительно, если при описании того, как функционируют математические операции, чтобы придать им смысл, мы используем выражения вроде: «Если операция сложения задана аксиомами Пеано, тогда гипотеза Гольдбаха имеет математический смысл, Великая теорема Ферма доказана и т. д. и т. п.», тогда вполне мыслима и контрфактическая ситуация, в которой используется операция отличная от сложения. Представленную Крипке скептическую ситуацию в виде коллизии сложения и квожения можно тогда интерпретировать в виде коллизии условных высказываний, одно из которых описывает контрфактическую ситуацию, а именно: «Если под + подразумевается сложение, тогда $58 + 65 = 125$ », «Если под + подразумевается квожение, тогда $58 + 65 = 5$ ». Тогда вполне возможен вопрос, является ли + жёстким десигнатором? Конечно, может возникнуть возражение, что десигнация математических объектов может быть принципиально иной в силу их интеллигибельного характера. Однако Крипке не даёт физическим объектам какого-то привилегированного положения, поскольку считает, что математические объекты также могут обозначаться жёсткими десигнаторами, в частности, он пишет:

Независимо от эмпирических фактов мы можем арифметически доказать, что квадратный корень из 25 – это на самом деле число 5, а поскольку мы это доказали математически, то доказанное нами является необходимым. Если числа вообще можно считать сущностями – давайте, по крайней мере для целей нашей лекции, предположим, что это так, – тогда выражение «квадратный корень из 25» не-

обходимо обозначает определённое число, а именно 5. Такое выражение я называю жёстким десигнатором [4, с. 351].

Можно также добавить, что определение понятия числа в стиле Фреге-Рассела в конечном счёте сводит числа к физическим объектам [5]. Кроме того, эта цитата из Крипке снимает и другой вопрос, касающийся различия жёсткой десигнации и описания. Приведённые выше примеры относительно Франклина и Никсона свидетельствуют о том, что жёсткая десигнация связывается прежде всего с собственными именами. Но в приведённых выше условных высказываниях математическая операция задаётся в антецеденте через описание с помощью аксиом. Можно ли тогда приписать жёсткую десигнацию не только собственным именам, но и описаниям? Является ли математические выражения жёсткими десигнаторами? Ведь жёсткий десигнатор – это прежде всего имя, тогда как в заданном контрфактическом высказывании они фигурируют скорее как дескрипции, поскольку для их определения используется совокупность аксиом. Здесь нет каузальной референции к объекту, что является отличительной чертой жёстких десигнаторов, но имеет место описание. Но, оказывается, с точки зрения Крипке, как показывает эта цитата, – можно.

Ещё одно возражение связано с тем, что + относится не к субсистентным предметам, а к операциям. Может ли обозначение операции являться жёстким десигнатором? Здесь опять обратимся к Крипке. Он считает, что жёсткими десигнаторами могут выступать обозначения абстрактных объектов. Например, «красное» – является жёстким десигнатором, поскольку красный цвет, согласно принимаемым им условиям остаётся одним и тем же во всех возможных мирах [4, с. 356]. Но если обозначение универсалий, для которых, в конечном счёте, используются предметно-истинностные функции, считаются жёсткими десигнаторами, почему бы не считать жёсткими десигнаторами и обозначения предметно-предметных функций, каковым являются математические операции. И Крипке даёт для этого основание. Так, например, он пишет: «Мы можем сказать, что изобретателем бифокальных очков мог бы быть

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

кто-нибудь другой, а не тот человек, который *в действительности* изобрёл такие очки. Однако мы не можем сказать, что квадратным корнем из 81 могло бы быть другое число, а не 9, как в действительности, так как иным это число быть не может» [4, с. 356]. Т. е. описание «квадратный корень из 81» с точки зрения Крипке является жёстким десигнатором и этот десигнатор указывает на единственное число. Но если данный десигнатор, являясь жёстким, указывает на единственное число, то и операции, с помощью которых он построен, также должны быть таковыми. Действительно, если бы операция извлечения корня каждый раз давала бы различные результаты, то и объект, на который указывает данное описание, каждый раз был бы другим. Таким образом, описание операции, с помощью которых строится определённое число, также должно быть жёстким десигнатором. И это касается не только операции извлечения корня, но и любой другой операции. Таким образом, + должен быть жёстким десигнатором.

Что отсюда вытекает? Если + является жёстким десигнатором, то здесь должна срабатывать та же ситуация, что и с Никсоном. В контрфактической ситуации Никсон может давать или не давать взятку, но он не может не быть Никсоном. То же самое должно относиться к +. Если в действительности мы определяем + с помощью аксиоматики Пеано и при этом + является жёстким десигнатором, то в любой контрфактической ситуации он должен оставаться тем, что он есть, т. е. обозначать операцию сложения, а не квожения или какую-то другую. Операции, если они обозначаются жёсткими десигнаторами, должны быть однозначно определены, и однозначно определены в том смысле, что определение любой операции, выходящий за рамки аксиоматики Пеано, будет определять не плюс, но какую-то другую операцию.

Таким образом, Крипке как скептик не согласуется с Крипке как сторонником жёсткой десигнации. Если мы выбираем одну из теорий, то следует отказаться от другой. Однако здесь есть одно возражение, которое касается определения самих жёстких десигнаторов. Действительно, с точки зрения приведённой выше аргументации, + является жёстким десиг-

натором. Но являются ли жёсткие десигнаторы полностью доопределёнными. Ведь если следовать аргументации Крипке-скептика, то и сами аксиомы требуют доопределения значения входящих в них математических терминов. В этом случае даже жёсткая десигнация не может гарантировать полной определённости и скептическая проблема так и остаётся нерешённой. Здесь работает аргумент, высказанный М. Кушем относительно собственных имён [8, с. 133-136]. Собственные имена действительно являются жёсткими десигнаторами, но жёсткий десигнатор не обязательно должен быть полностью доопределён. Каузальная теория значения не может однозначно предполагать (вернее, не может задать однозначный критерий), что наречение именем какого-то объекта гарантирует, что во всех последующих ситуациях это имя будет применяться именно к этому объекту. Ведь вполне возможно, что имя «Ричард Никсон», применяющееся неопределённое число раз к определённому объекту, на некотором этапе начинает обозначать Бенджамина Франклина. Подобные аргументы применимы и к обозначению математических операций. Действительно, смысл математической операции задаётся совокупностью аксиом, но насколько полностью определены сами аксиомы? В данном случае полностью определённым оказывается только сам скепсис. Однако, если не принимать эту крайнюю позицию, то основной вопрос относительно скептического аргумента Крипке касается доопределённости жёстких десигнаторов. Если мы принимаем, что математические операции полностью доопределены системой аксиом (аргументированное положительное решение см. [1]), то скептический аргумент должен блокироваться теорией жёстких десигнаторов. В противном случае прав Крипке-скептик, и найти прямое решение сформулированного им скептического аргумента крайне затруднительно.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Проблема Крипке и её прямое решение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. №4(12). 2010. С. 5-14.
2. *Доксиадис А.* Дядя Петрос и проблема Гольдбаха. М.: Аст, 2002.
3. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010.
4. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 340–376.
5. *Рассел Б.* Введение в математическую философию. Новосибирск: Сиб. унив. Изд-во, 2007.
6. *Сингх С.* Великая теорема Ферма. М.: МЦНМО, 2000.
7. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
8. *Kush M.* A Sceptical Guide to Meaning and Rule: Defending Kripke's Wittgenstein. Acumen Publishing Limited, 2006.

Д.Э. Гаспарян

ДЕСКРИПТИВИЗМ VS АНТИДЕСКРИПТИВИЗМ И ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ В СТРУКТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

This paper aims to demonstrate some clue difficulties of meaning and naming problem in two contrasting approaches: descriptivism and causal theory of reference and then suggests another option which descends to structural linguistics. Due to the structural point of view the author tries to clarify some underlined causes of this two approaches` argument which is still in process. According to structural version the meaning is not a self-identical entity and therefore it is nor a name, neither a description.

Ключевые слова: *теория значения, теория номинации, дескриптивизм, антидескриптивизм, каузальная теория референции, структурная лингвистика*

Keywords: *meaning, naming, descriptivism, theory of descriptions, causal theory of reference, structural linguistics*

В настоящей работе мне бы хотелось сравнить два известных подхода к определению природы значения: «дескриптивизм» и «антидескриптивизм», указав на их принципиальные трудности, и затем предложить вариант установления значения, принятый в структурной лингвистике. Как мне кажется, структурный подход позволил бы, во-первых, лучше прояснить причины возникающих трудностей в дескриптивизме и антидескриптивизме, а именно, как возможно субстантивировать значение объекта, и, во-вторых, показал бы, почему данные трудности являются принципиально неустранимыми. Именно последнее положение мне бы хотелось попробовать отстаивать.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

* * *

Подход С. Кришке, предлагаемый им в работе «Тождество и необходимость», является одним из возможных решений следующей проблемы: *как устанавливаются значения, а именно, является ли значение совокупностью определенных признаков или значение есть только произвольная отсылка к конкретному объекту?* Первый подход принято называть *дескриптивизмом* (Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Сёрл), а второй – *антидескриптивизмом* (С. Кришке, Х. Патнэм, К. Донелан).

Предмет дискуссии дескриптивизма и антидескриптивизма состоит в традиционном вопросе философии: как соотносятся понятия и предметы? Почему вода обозначается словом «вода»? С точки зрения дескриптивизма, под именем «вода» мы подразумеваем набор определенных признаков, на основании знания о которых мы можем распознавать прочие объекты в реальности, и которые наделены данным набором признаков. Конкретная жидкость в стакане обозначается словом «вода», поскольку она обладает признаками, подводимыми под понятие «вода». В каком-то смысле, эта позиция наилучшим образом согласуется со здравым смыслом. Антидескриптивизм, в свою очередь, решает проблему установления значения по-другому: понятие соединяется с объектом совершенно произвольно, в процессе первоначального «знакомства». При этом никакие признаки объекта во внимание не принимаются. Чтобы лучше представить различие между первым подходом и вторым, можно сравнить то, как будут даны определения некоторому объекту по версии дескриптивизма и антидескриптивизма. По логике первого подхода следует сказать, что «вода – это жидкость, имеющая определенный химический состав и физические свойства». По логике второго, достаточно сказать «вода – это вода». Ясно, тогда, что для дескриптивизма определение будет выступать в субъект-предикатной форме, где предикатом будет дескрипция, а для антидескриптивизма определением будет тавтология. Или по-другому, в дескриптивизме план содержания имеет логический приоритет над планом выражения, а в антидескриптивизме – наоборот. На

первый взгляд, может показаться, что поскольку антидескриптивизм представляется скорее контринтуитивным, то предпочтение следует отдать дескриптивизму. Однако мы сразу увидим проблемы дескриптивистского подхода, как только поставим следующий вопрос. Допустим, в ходе глобальной литературоведческой экспертизы выяснилось, что Шекспир не написал ни одного из приписываемых ему произведений, а все они были созданы его сестрой. Будет ли это означать, что имя «Шекспир» отныне не означает англичанина Шекспира, т.к. настоящий Шекспир – это автор, по меньшей мере, «Гамлета»? Наши лингвистические инстинкты подсказывают нам, что мы будем продолжать называть Шекспира Шекспиром, хотя и испытаем некоторое разочарование. Очевидно, что сохранение имени возможно только потому, что, по-настоящему, мы никогда не определяли Шекспира как автора «Гамлета», а определяли его через тавтологию «Шекспир это Шекспир». Представим теперь, что такое же «разоблачение» произошло с объектом, обозначаемым не единичным именем (Шекспир), а с общим, например, с объектом «вода». Скажем, в ходе дальнейших научных открытий, вскрылось, что состав воды имеет несколько иную формулу, а его воздействие на организмы имеет несколько иной характер, чем думали раньше. Что произойдет в этом случае – будет ли «вода» теперь обозначать нечто иное, а не тот объект, которым мы утоляем жажду. Здесь ответ уже не так очевиден – с одной стороны, можно настаивать, что мы сохраним имя «вода» за определенным объектом, а с другой, и она представляется в данном случае более естественной, что название должно будет измениться. Трудность теперешней ситуации, однако, в том, что установление значений общих понятий, в отличие от единичных, предполагает развернутое определение (дескрипцию), в противном случае, мы «расписываемся» в том, что не знаем, с чем имеем дело в случае именованых объектов, и каждый раз имеем дело с неким подобием «черного ящика». Такое положение дел легко можно принять в случае имен собственных (Сола Крипке зовут «Сол Крипке» только потому, что все зовут его так; я могу

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

не знать ничего о нем как человеке, но продолжать называть его этим именем), но существенно сложнее в случае таких имен как «человек», «животное», «кошка», «золото», «вода», «тепло» и др., т.к. предполагается, что мы понимаем содержание этих объектов, каждый раз, когда даем им имя.

В истории данного вопроса предпринимались попытки установления разных правил номинации для разных классов объектов. В случае единичных имен предлагалось использовать технику антидескриптивизма (имена не меняются даже в том случае, если меняется весь набор отличительных признаков), а в отношении общих имен – технику дескриптивизма (изменение содержания значения должно привести к смене имени). Однако, это решение несколько упрощает ситуацию. Дело в том, что позиции как дескриптивизма, так и антидескриптивизма могут быть распространены на всю область значений, как единичных, так и общих понятий. Так, в рамках дескриптивистского анализа имена собственные могут быть объяснены как скрытые дескрипции. Например, имя «Париж» имеет для нас смысл только в том случае, если мы понимаем, что это столица Франции. В свою очередь, антидескриптивизм всегда может апеллировать к тому, что даже, если речь идет об общих понятиях, было бы абсурдным требование знать об объекте все для того, чтобы его как-то назвать. Например, все о воде мы не знаем *с самого начала*, но все же находим возможным как-то назвать ее в акте «предварительного знакомства».

Крипке также считает, что дело не в разности правил и не в том, что единичные имена функционируют в языке не так, как общие. Позиция Крипке, как кажется, состоит в том, чтобы выработать общую теорию номинации и показать как проблема «плавающих» значений может быть устранена. Его решение состоит в том, чтобы удостоверить существование таких имен, «жёстких десигнаторов», которые обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах. Очевидно, что жёсткими десигнаторами будут все единичные имена, т.к. например, под понятие «наименьшее натуральное число» может быть подведен только один объект и так *должно быть* во всех возможных мирах. Не так легко дело обстоит с общими поня-

тиями, внутри которых Крипке выделяет т. н. «естественные виды». Он показывает, что в их отношении тоже действует жёсткая десигнация, т.к. независимо от того знаем ли мы, что вода это H_2O , а тепло – движение молекул, если эти утверждения истинны, вода всегда (во всех возможных мирах) будет означать H_2O , а тепло – движение молекул.

Центральная проблема антидескриптивизма состоит в том, чтобы определить, *что задает идентичность обозначаемого объекта*, несмотря на любые изменения его отличительных признаков; *что* делает объект идентичным самому себе, даже если все его свойства изменяются. В определенном смысле антидескриптивизм пытается обнаружить объективный коррелят «жёсткому десигнатору» - имени, обозначающему один и тот же объект в любом из возможных миров. Такая постановка задачи, по сути, совпадает с традиционной философской проблемой обнаружения *эссенциальных* качеств объектов, известных со времен классической метафизики. Однако Крипке позиционирует свой метод не как *метафизический эссенциализм*, а как *научный эссенциализм*, указывая на то, что обнаружение жёсткой десигнации возможно лишь в отношении (помимо имен) естественных видов, а именно объектов научного познания. Уточнение этой его позиции, как нам кажется, состоит в том, что эссенциальным признаком предмета будет лишь тот, который будет (истинно) установлен в ходе научного исследования.

Нам, в свою очередь, представляется, что «научный эссенциализм» Крипке правильнее было бы охарактеризовать как *лингвистический эссенциализм*, т.к. крипкевский эссенциализм становится возможным только благодаря самому факту именованя. *Имя как таковое, само означающее придает идентичность объекту*. В свою очередь, Крипке, как кажется, исходит из того, что идентичность объекта задается не именем, а скорее истинным положением дел, и наличие жёсткого десигнатора только отражает этот факт. Ниже мы попытаемся обосновать непосредственную роль имени в обеспечении идентичности объекта, ссылаясь на определение значения в

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

структурной лингвистике, а также попутно объясним, почему 1) непротиворечивый эссенциализм значения недостижим; 2) проблема, которую дескриптивизм и антидескриптивизм пытаются решить, возможно, не имеет решения.

Для этого нам необходимо будет развернуть антиэссенциалистский подтекст значения в структурной лингвистике, который мы назовем *принципом десубстантивации значения*. Он заключается в том, что вопреки классическому представлению об объекте, как о некоей вещи, физической или идеальной, объект не есть вещь – нечто, на что можно точно указать. Объекты не являются сущностями или субстанциями в классическом понимании. Чтобы понять суть этого принципа, следует задаться вопросом: что определяет значение объекта? Если кто-то спросит «что такое стол?», у нас есть два способа ответить на этот вопрос. Первый: указать пальцем на некий ближайший стол со словами «вот это и есть стол». Второй: дать определение «столу», причем такое, с помощью которого спросивший меня безошибочно сможет опознать «стол» в любом другом соответствующем предмете. Первый способ не может считаться удовлетворительным, поскольку указать на конкретный «стол» еще не значит указать на *сущность* «стола». Когда мы спрашиваем о значении некоего объекта, нас интересует такое определение, которым можно воспользоваться как собирательным для идентификации всех прочих *экземпляров одной сущности*. В таком случае, что значит дать определение столу? Если мы не можем просто показать на него, то мы должны его описать или охарактеризовать. И то, и другое можно сделать только средствами языка, иначе говоря, мы должны говорить о столе, как о *понятии*. Теперь, спрашивая о значении стола, мы должны спрашивать о *значении* понятия «стол». И тогда нам надо разобраться, как формируются и распределяются значения в языке.

Чтобы, в свою очередь, ответить на этот вопрос, попробуем зафиксировать процесс означивания в языке на самых простейших его уровнях. А именно, попробуем обнаружить, что образует значение самого минимального элемента языка – фонемы (буквы). К примеру, нас интересует значение буквы

«А». Равно, мы можем спросить: какова сущность буквы «А»? Простота этого объекта не должна нас смущать – если объект есть, у него должна быть и сущность. Итак, что означает быть таким объектом, как буква «А»? Мы хорошо понимаем, что буква «А» может быть начертана чернилами на бумаге или написана мелом на доске, она может быть изображена в синем цвете, а может в красном, она может иметь разную форму начертания, например, такую «А» или такую «А», но во всех этих случаях, мы опознаем ее как одну и ту же букву «А», а не множество разных объектов. Например, хорошо известные и широко используемые тесты Тюринга, призванные отличить компьютерного робота от человека, построены именно на эффекте разнообразного начертания символов (букв или цифр): человек справляется с задачей идентификации объекта, а компьютер – нет. При этом способность человека в своей обыденной речевой практике распознавать знаки независимо от способа их исполнения выглядит почти чудом, и, во многом, структурная теория значения призвана дать рациональное объяснение этому «чуду». Чем же является сущность буквы «А», если ни форма, ни цвет, ни условия записи или произношения (как акустический объект буква «А» также может быть произнесена кратко или нараспев, тихо или громко, мужским или женским голосом и т. д.) к этому не причастны? Структурная лингвистика дает нам следующий ответ – *значение фонемы определяется ее местом в системе. Это место есть то же, что функция, способ употребления*¹, или возможность суб-

¹ Соссюровская концепция значения хорошо согласуется с Витгенштейновской концепцией значения как «языкового способа употребления». Например, у слова «ходить» нет субстанциального значения. Если мы скажем: «ходить – значит перемещаться в пространстве с помощью ног», то такие выражения как «в море ходят пароходы», «поезда ходят нерегулярно», окажутся бессмысленными. Между тем они имеют смысл. Если же мы уточним данное нами определение и скажем: «ходить – значит перемещаться в пространстве», то спасем два вышеуказанных выражения от обесмысливания, но вновь столкнемся с трудностями в случае выражения «часы ходят как новые». Эти примеры призваны пояснить идею Витгенштейна – значения некоторого понятия есть не что иное, как конкретная совокупность случаев его употребления в языке.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

ституирования (замещения) другой фонемой из данной системы фонем. Буква «А» есть не более чем возможность быть любой другой буквой из всей совокупности букв русского алфавита. То, что буква «А» *не-есть* ни буква «Б», ни буква «Ш» и составляет ее суть. Как говорит основатель структурной лингвистики, Ф. де Соссюр в этой связи: *«отличие знака от других и есть все то, что его составляет»*. Отметим еще раз: у знака нет ничего вешного (сущностного, субстанциального), что отличало бы его от «сущности» иного знака. Отличие происходит не по *содержательному*, а по *формальному* принципу – знак «А» является знаком «А» потому, что он не есть знак «Б» («В»... «Я»). Таким образом, «сущностью» знака является его отличие от прочих, которое, по сути, и создает этот знак как отдельный. В общем виде лингвистическая модель предлагает такой взгляд на сущность вещи (ее значение), когда она определяется не своим позитивным содержанием, а негативно (дифференциально) – через отношение к сущностям других вещей (их значениям). Таким образом, «быть некоторой вещью» равносильно «иметь некоторое значение» (поскольку сущность вещи в первую очередь отвечает на вопрос «что это такое?»), а значение в свою очередь есть не качество, но референтная процедура, оно не является этикеткой вещи, но противопоставляет одни знаки другим. Речь идет об эффекте взаимного субституирования (замещения) – значение есть то, что замещает собой отсутствие прочих значений, и потому каждый конкретный объект наделен значением ровно в той мере, в какой он может быть заменен иным.

Это положение может быть пояснено примером из лингвистического анализа. Так в предложении: «человек умеет говорить», каждое из слов могло бы быть субституировано некоторой альтернативой. Например, «человек (птица/рыба) умеет (может/хочет) читать (петь/плавать)». Именно благодаря этому явлению, каждое из слов несет определенное значение. В свою очередь, окончание «-ть» неопределенной формы глагола в данном предложении не может быть заменено, поскольку это привело бы к искажению грамматической конст-

рукции предложения, и в этом смысле оно не обладает значением.

Рассмотрим еще несколько примеров для пояснения сказанного. Излюбленной иллюстрацией самого Соссюра являлись шахматы, поскольку их природа приближена к природе языка – это замкнутая система, состоящая из конечного числа элементов и ограниченного числа правил их употребления. Попробуем обнаружить, в чем заключается сущность некой шахматной фигуры. Допустим, нам надо обнаружить сущность «ладьи». Чем она могла бы быть? Ясно, что всякая шахматная фигура может быть изготовлена из самого разнообразного *материала* – дерева, стекла, льда, воска или шоколада. Следовательно, субстрат не есть сущность фигуры. Тогда, возможно, специфическая *форма* фигуры выступает в качестве таковой? Однако, так ли важна форма ладьи – существует большое разнообразие фигурного исполнения шахмат, не говоря уже о том, что мы вполне могли бы занять себя игрой в шахматы, просто подписав маленькие клочки бумаги и расположив в соответствующем порядке на шахматной доске. Следовательно, и форма не определяет сущность фигур. Тогда, что значит «быть ладьей?» Не что иное, как определенное расположение в системе шахматных фигур, т. е. отличие от всех остальных, каждая из которых, в свою очередь, также противопоставляется прочим. Такая методика «во-первых, отказывается трактовать члены отношения как независимые сущности и, напротив, принимает в качестве основы своего анализа отношения между ними; и, во-вторых, она вводит понятие системы, беря за основу требование ее самозамкнутости» [1, с. 64].

Таким образом, принцип десубстантивации отказывается трактовать объекты как независимые сущности, но принимает в качестве основы отношения между ними. В этом смысле субстанции не существует, если под ней понимать некоторое фиксированное и автономное содержание, взятое само по себе, но существуют значения – величины, дифференцированные относительно друг друга.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Вернемся теперь к исходному примеру со столом. В десубстантивистской логике Соссюра о значении понятия «стол» мы должны сказать: это понятие имеет значение не в силу неких качественных характеристик, ему присущих, но в силу того, что «стол», как понятие, противостоит всем остальным единицам словаря понятий данного конкретного языка. Понятия, таким образом, также «чисто дифференциальны и определяются не своим позитивным содержанием, а негативно через их отношение к другим частям системы» [2, С. 102-103].

Таким образом, согласно принципу десубстантивации следует вообще отказаться от риторики субстанциальности в применении к значениям. Значения не являются такими же сущностями как объекты физического мира. Их существование не субстанциально, а «дифференциально», как принято говорить в структурной лингвистике.

Как сказанное соотносится с вопросами, поставленными выше? Можно предположить, что, приняв во внимание дифференциальный и внеэссенциальный характер значения (если принять положения, формулируемые структурной лингвистикой), мы можем сказать, что идентичность объекта во всех возможных мирах обеспечивается только тем, что у этого объекта вообще есть имя. Главный фокус здесь будет в том, что *имя появляется не после появления объекта, а сам объект появляется после имени (именования)*. Имена создают вещи, а не крепятся к ним в качестве вторичной процедуры означения. Тогда вполне естественным будет то, что одно и то же имя будет обозначать один и тот же объект во всех возможных мирах – ведь само имя не меняется, а как только оно появляется, оно «тащит» за собой и объект, образуемый этим именем. Этот ход во многом подобен кантовскому вопрошанию «как возможна» наша убежденность в необходимости некоторых синтетических суждений? Ответ Канта состоит в том, что это возможно благодаря тому, что мы изначально сами задаем форму опыта (синтетического знания), которая и дает искомую аподиктичность. Структурный подход использует эту же аналогию – аподиктическое тождество объекта и имени связано с тем, что мы изначально задали объект самим именем. Это обстоятель-

ство гарантирует нас в том, что во всех возможных мирах некоторое имя будет обозначать один и тот же объект (иметь одно и то же значение).

Из этого соображения можно сделать также вывод о трудноразрешимом характере той проблемы, которую обозначает дескриптивизм и антидескриптивизм. В рамках и одного, и второго подходов ставится задача обнаружить то *ничто*, что придает идентичность объекту. Это может быть конкретное интенциональное содержание, т. е. набор неизменных предикаций (в случае дескриптивизма) или экстенциональная каузальная связь, приводящая нас к *initial baptism*, связавшему имя и объект (в случае антидескриптивизма). Однако если принять во внимание, структурную теорию значения, в котором значением оказывается не что-то содержательное и позитивно-предметное, а только лишь *место* в системе означений, т. е., по сути, чисто *структурный эффект*, то трудность нахождения однозначного решения проблемы идентичности, как в дескриптивистки, так и антидескриптивистских стратегиях, становится более прозрачным. Возможно, отсутствие устраивающего всех решения связано именно с *предметным* подходом обоих направлений. Ищется или *качество* (эссенциальная дескрипция) или *имя* (жесткий десигнатор). Однако может оказаться, что в условиях структурно заданного значения не имеет смысла искать что-то предметное, а, следовательно, задача, поставленная общей теорией номинации, может не иметь решения. Напротив, если согласиться с тем, что значение не является позитивной сущностью, в проблему номинации можно внести некоторую дополнительную ясность. Окончательным ответом на вопрос «что обеспечивает идентичность значения?», с точки зрения структурной лингвистики, будет следующее утверждение: «идентичность» задается не пучком дескрипций и не конкретным именем, но всей совокупностью системы языка, образующей значение посредством процедуры взаимного дифференцирования и замещения своих элементов. Парадоксальность такого ответа заключается в том, что «идентичность» здесь можно, разве что заключить в кавычки, т.к. она

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

традиционно вводится как нечто субстанциальное (эссенциальное). В случае же структурного подхода, мы можем иметь «идентичность» («стол» будет означать стол для всех носителей русского языка), но никакого субстанциального качества стола мы не найдем. Так происходит потому, что сам «язык является не субстанцией, но формой» [2, с. 107]. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от другого, исчерпывает все его содержание, и таким образом, именно различие создает значение и удерживает его ровно в той степени, в какой сам язык сохраняет свою форму.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
2. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.

П.С. Куслий

ИНДИВИДУАЦИЯ ОБЪЕКТОВ И ПРЯМАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ*

The article discusses one argument in favor of descriptive theory of reference of proper names against the theory of direct reference which appeals to a famous example of the ship of Theseus. The author defends the latter theory by means of distinguishing the object of direct reference and its principles of individuation. The argument is discussed with reference to the works of H. Chandler, L. Linsky, S. Kripke, N. Salmon and other theorists.

Ключевые слова: *референция, дескрипции, значение, семантика*

Keywords: *reference, descriptions, meaning, semantics*

В статье исследуется известный с античных времен пример о постепенно перестраиваемом корабле Тесея, как содержащий аргумент против теории прямой референции. Проводя различие между объектом прямой референции и принципами его индивидуации, автор пытается защитить теорию прямой референции от критики, содержащейся в упомянутом аргументе. Исследование осуществляется на материале работ Х. Чендлера, Л. Линского, С. Крипке, Н. Сэлмона и др.

1. Метафизическое возражение против теории прямой референции

Известный с античных времен пример с кораблем Тесея, который, направляясь из пункта А в пункт В, перестраивается

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 11-03-00608а.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

моряками настолько, что к моменту прибытия в пункт назначения не содержит уже ни одной из своих исходных деталей, как кажется, может послужить одним из оснований для построения контраргументов против теории прямой референции. Изначально данный пример использовался в метафизических спорах применительно к проблеме самотождественности объектов (см., напр., [1, с. 172]), поэтому в данной статье я буду называть основанное на нем возражение против теории прямой референции «метафизическим возражением». В случае же с критикой дескриптивной теории референции, критическая аргументация может сводиться к утверждению том, что, если бы выполнялось ключевое условие теории прямой референции и имена собственные указывали на свой денотат (т. е. объект, изначально поименованный в момент крещения), то любое имя корабля в подобном примере (пусть таким именем будет «Анаксимандр») должно было бы обозначать совсем не судно, прибывшее в пункт В. В лучшем случае (хотя и это весьма сомнительно) такое имя могло бы обозначать старые детали исходного судна, разбросанные по океану, или вообще ничто в данном мире, если мы признаем, что исходное судно прекратило свое существование.

Однако наша языковая практика, похоже, говорит нам об обратном: мы называем Анаксимандром судно, прибывшее в пункт В. И поэтому может создаться повод для утверждения о том, что семантическим содержанием имени «Анаксимандр» должен быть не сам исходный материальный объект в пункте А, а скорее некоторая дескрипция (или кластер дескрипций): «судно, выполнившее путешествие из пункта А в пункт В», «судно, на котором перевозится такой-то груз» или «судно, выполняющее такое-то и такое-то задание» и т. д. При таком подходе ситуация, как может показаться, перестает быть проблематичной: мы называем Анаксимандром тот материальный объект, который в нужный момент выполняет условие соответствующей дескрипции, и из каких бы деталей судно ни состояло, оно может называться своим исходным именем (см., напр., [4]).

Данное возражение, само по себе, по-видимому, не может быть признано совершенно некорректным, даже если мы не хотим отказываться от теории прямой референции и пытаемся отыскать способы защитить ее от описанной контраргументации. Мы, действительно, можем согласиться с тем, что наша языковая практика допускает случаи, когда с именем корабля ассоциируется то судно, которое выполняет условие той или иной заданной и ассоциирующейся с этим именем дескрипции. Ничто не мешает нам в конкретной ситуации сказать, что с именем *a* мы будем ассоциировать тот единственный объект, который удовлетворяет такому-то условию. При этом в разных ситуациях именем *a* могут обозначаться разные объекты. Однако следует ли из этого, что теория прямой референции оказывается неприменимой для анализа подобных случаев?

2. Объекты и индивидуирующие принципы

Прежде чем отвечать на данный вопрос обратимся еще раз к приведенному примеру с кораблем. Следует сказать, что вообще примеры такого рода изначально относятся не к семантическим, а к метафизическим дискуссиям о самоидентичности объектов во времени. Описанная ситуация может осуществляться в рамках одной конкретной истории, и здесь нет рассмотрения целого набора возможных альтернативных историй. Точно также здесь нет и анализа значения термина в контрфактических ситуациях (возможных мирах). И для того, чтобы «вернуть» данное обсуждение в более привычный семантический формат, следует понять, в каком смысле здесь речь идет о модальностях.

Кажется, что наиболее подходящей переформулировкой является следующая: мы имеем набор возможных миров, в первом из которых имеющийся корабль отличается от исходного лишь одной замененной деталью, второй – еще одной и так далее, пока мы не получим возможный мир с кораблем, полностью состоящим из совершенно новых деталей. И тогда возникает следующий ряд вопросов: являются ли исходный корабль и корабль в первом возможном мире тождественными? Иными словами, можно ли их обозначать одним и тем же

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

именем? Если мы отвечаем да и продолжаем рассуждать подобным образом, то постепенно возникает вопрос о том, можно ли обозначать одним и тем же именем исходный корабль и тот, который полностью состоит из новых деталей. Данная формулировка проблемы представляется более продуктивной по причинам, которые станут понятны ниже.

Теперь же попробуем рассмотреть описанную ситуацию с точки зрения теории прямой референции. Сторонники теории прямой референции утверждают, что когда объект нарекается тем или иным именем, то имя дается именно *самому* объекту, а не какому-то его пространственно-временному состоянию или же тому набору свойств, которым он обладает в ситуации именованя. Данное понимание референции имен собственных восходит к *Системе логики* Дж. С. Милля, в которой Милль представил первую версию теории прямой референции имен собственных. Так Милль пишет:

Имена собственные не являются коннотативными: они обозначают индивидов, называемых ими; однако они не указывают (*indicate*) и не имплицитуют, что этим индивидам присущи какие-либо атрибуты. Когда мы называем ребенка Полом или собаку Цезарем, эти имена являются попросту метками, позволяющими делать соответствующих индивидов субъектами дискурса [9, р. 36].

Известное миллевское пояснение данной позиции воспроизводит и Крипке, представляя свою концепцию жёстких десигнаторов. Речь идет о городе Дартмуте, получившем свое название в силу расположения в устье реки Дартмут. Однако само это обстоятельство еще не означает, что в семантическое содержание имени собственного входит свойство обозначаемого им объекта быть расположенным в устье указанной реки, ведь если река пересохнет или землетрясение изменит ее русло и город перестанет располагаться в ее устье, то он от этого не изменит своего названия (см. [6, р.26]).

Если так, то, возвращаясь к примеру с кораблем Тесея, можно сказать, что, согласно теории прямой референции, в том случае, если объект утрачивает те или иные свойства (ока-

зывается в другом возможном мире, где он ими не обладает) мы все равно можем говорить о *нем же*, а не о каком-либо новом объекте, и использование имени собственного обуславливает эту возможность: имя напрямую обозначает сам объект.

Возникает вопрос: а что такое сам объект? Что может являться его основанием или сутью, если ею не может быть то или иное свойство? В средневековой философии, в частности, со времен Иоанна Дунса Скотта, известен термин «этовость» (*haecceitas*), который обозначал именно суть объекта, не представляемую тем или иным свойством¹. Говоря о сути объекта или о его индивидуальном принципе, теоретики прямой референции зачастую указывали на то, что речь шла о том куске материи, который получил соответствующее имя. Это, конечно, не вполне является аналогом этовости Дунса Скотта. У Кришке такими критериями являются происхождение и материальная составленность предмета. Иногда создается даже впечатление, что он рассматривает эти два компонента в рамках одного и того же принципа. Так, он пишет:

Как может человек, произошедший от других родителей, вышедший из совершенно иных сперматозоида и яйцеклетки, быть *этой же самой женщиной*? Если эта женщина имеется в качестве *данного*, то можно вообразить множество вещей, которые могли бы приключиться с ней в жизни... Однако сложнее вообразить ее, родившейся от других родителей. Мне представляется, что все, что имеет иное происхождение, не будет этим объектом.

В случае со столом мы можем не знать, из какого куска дерева он произошел... И хотя мы можем вообразить производство некоторого стола, внешне тождественного данному, и из другого куска дерева и даже изо льда, ... мне кажется, что это *не* значит вообразить *этот* стол, как сделанный из дерева или льда, а скорее это значит вообразить

¹ Дунс Скотт пишет: «Этовость не может пониматься как нечто универсальное, поэтому она не заключает в себе и природу вида, поскольку данная этовость сама по себе есть «эта вот»» («О принципе индивидуации», 23. Цит. по: Блаженный Иоанн Дунс Скотт. Избранное. М., 2001. С. 436.)

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

другой стол, *похожий* на этот во всех внешних деталях, но сделанный из другого куска дерева или даже из льда [6, р.113-114].

Однако, как бы то ни было, рассмотренный нами пример с Анаксимандром, похоже, опровергает данное утверждение: в порт В прибывает уже совсем другой «кусочек материи», имеющий совсем другое происхождение, который при этом именуется все тем же именем. Если сказанное верно, то может создаться впечатление о том, что контрпример с кораблем оказывается сильным доводом в пользу дескриптивной теории референции, ибо исходные индивидуирующие принципы и соответствующий им объект как бы отпали, а имя «Анаксимандр», обладающее референтом, как бы осталось.

3. Развитие контрпримера в пользу теории прямой референции

Прежде чем исследовать доводы в поддержку концепции прямой референции применительно к рассматриваемой проблемной ситуации следует заметить, что даже если таковые и будут обнаружены, то это само по себе вовсе не должно автоматически служить доводом против концепции дескриптивной теории референции. Сформулированное разработчиками теории прямой референции (С. Крипке, К. Доннелана и Х. Патнэма) противопоставление референциальной функции имен собственных и определенных дескрипций вовсе не обязательно имплицитно подразумевает то, что указанные теории являются взаимоисключающими.

Кажется, первым аналитическим философом, считавшим, что имена собственные должны обязательно интерпретироваться только как сокращенные дескрипции или же только как метки объектов в духе Милля, был Б. Рассел. Здесь имеется в виду его усмотрение того обстоятельства, что в отрицательных экзистенциальных предложениях анализ значения имен собственных в терминах исключительно обозначаемых ими объектов, приводил к парадоксальным результатам (см. [10, р.59]). Однако то обстоятельство, что те или иные слова не могут об-

ладать функцией прямой референции в одних контекстах, еще не значит, что они не могут обладать ею в других контекстах (подробнее об этом см. [2]). Более того, это не значит, что не существуют контексты, в которых имена не могут проявлять, как одну, так и другую референциальные функции.

Исходя из сказанного, представляется, что в ситуации с кораблем Тесея мы вполне можем признать адекватность дескриптивного подхода и попытаться отыскать доводы в поддержку теории прямой референции, не предполагая, тем самым, опровергнуть дескриптивную теорию². Поэтому вопрос, который стоит перед нами в данный момент можно сформулировать так: можно ли представить доводы в поддержку теории прямой референции, несмотря на адекватность дескриптивного подхода в указанной проблемной ситуации?

Кажется, что такие доводы представить можно. Рассмотрим следующий пример в продолжение уже изложенной ситуации с кораблем Тесея. Допустим, что кто-то смог собрать все выброшенные моряками детали и сконструировать из них корабль по исходной схеме. В таком случае перед нами, похоже, будет судно, сделанное по исходному плану и из исходных деталей. Будут ли у нас основания утверждать, что имя «Анаксимандр» все же указывает на этот восстановленный корабль, а не на тот, который прибыл в порт В? Кажется, что ситуации, в которых подобное утверждение будет вполне оправданным, оказываются вполне возможными.

Нэйтен Сэлмон со ссылкой на Дэвида Каплана предлагает аналогичный пример:

Допустим, например, что *a* – исторически значимый корабль, скажем, *Нинья Колумба*, и что определенный недобросовестный философ получает правительственное задание разобрать этот корабль, перевезти его разобранные части в Смитсоновский институт в Вашингтоне, и собрать его там через довольно длительный отрезок времени. Допустим также, что, имея недобрый умысел, этот субъект,

² Обоснование возможности унифицированного подхода к анализу референции единичных терминов представлено мной в статье [3].

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

разбирая корабль, аккуратно заменяет каждую его доску на новую. Затем он тайно перевозит оригинальные доски в Вашингтон с тем, чтобы там их заново собрать, считая, что настоящая *Нинья* осталась у него в гараже. Если бы власти узнали о произошедшем, то они с удовольствием бы позволили этому глупому мошеннику оставить корабль у себя в гараже. Ибо он является лишь *копией* подлинной *Ниньи*, которая хоть и в разобранном состоянии, но находится в Вашингтоне в ожидании сборки [11, р. 221].

Таким образом, получается, что вполне могут быть основания считать настоящим кораблем исходный корабль, даже если он не собран, и тем более, если собран. И, если так, то, значит, возможны и ситуации, в которых судно, прибывшее в пункт В, все же не будет подлинным денотатом исходного имени. Оно не будет *тем* Анаксимандром, даже если также будет носить имя «Анаксимандр». В лучшем случае имеющуюся ситуацию мы будем вынуждены объяснить в терминах омонимии.

4. Конкуренция индивидуирующих принципов

Возвращаясь к нашему примеру, мы, в результате, имеем одну ситуацию, в которой обладаем основаниями использовать имя «Анаксимандр» применительно к судну, прибывшему в порт В, и другую ситуацию, в которой используем этот термин для обозначения судна, восстановленного из старых деталей.

В первом случае судно, находившееся в пункте А, и судно, оказавшееся через некоторое время в пункте В, связаны тем, что иногда называется пространственно-временной непрерывностью. И индивидуирующим принципом здесь будет именно наличие непрерывной пространственно-временной связи.

Во втором случае, два судна связаны отношением *быть сделанным из одного и того же материала по одному и тому же плану*. Складывается впечатление, что решая вопрос о том, какое же судно на самом деле является Анаксимандром, мы оказыва-

емя в ситуации конфликта или конкуренции индивидуирующих принципов. При этом важную роль для целей данной статьи здесь играет ответ на вопрос о том, можно ли сказать, что *подлинным*, т. е. необходимым, критерием идентичности для того или иного судна или, вообще, объекта является пространственно-временная неразрывность или составленность из оригинальных деталей? Я считаю, что так сказать нельзя.

Иными словами, такое, например, предложение, как

(1) Необходимо, что индивидуирующим критерием объекта является его материальная составленность

равно как и предложение

(2) Необходимо, что индивидуирующим критерием объекта является пространственно-временная непрерывность

вряд ли можно признать истинным.

Из сказанного, по-видимому, автоматически следуют лишь негативные выводы для теорий тех или иных эссенциальных свойств. Ведь если указанные предложения, и все им подобные ложны, то, значит, единого индивидуирующего критерия для бытия Анаксимандром нет. Также вряд ли можно убедительно говорить и об иерархии или приоритетности таких критериев, как это пытается делать Чендлер [4], по тем же самым причинам: ни одно предложение о необходимости приоритета того или иного критерия нельзя будет признать истинным. Наше рассмотрение примера с кораблем Тесея показало, что выбор индивидуирующих свойств скорее осуществятся в пользу того или иного свойства, в зависимости от той или иной ситуации и, по-видимому, тех интересов, которые мы в ней имеем, тех задач, которые решаем и тех целей, к которым стремимся.

И, если мы, исходя из одних целей, задач и интересов принимаем в качестве индивидуирующего свойства для корабля его пространственно-временную непрерывность, то мы можем считать именно это свойство индивидуирующим критерием *самого* корабля. И поэтому имя «Анаксимандр» будет обозначать корабль в пункте А, а корабль в пункте В будет

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

считаться *этим же* кораблем. И, исходя, таким образом, из такой заданной самости корабля, мы сможем использовать имя «Анаксимандр», как указывающий на *него* во всех возможных мирах, в которых его индивидуирующее свойство будет сохраняться. Мы сможем говорить о *нем же*, даже если он будет утрачивать одни свойства и обретать другие – любые, кроме индивидуирующего.

Если меняется индивидуирующее свойство, то тогда либо следует признавать, что объект прекращает свое существование, и мы уже имеем дело с новым объектом, либо мы должны признать, что изменили свой изначальный принцип индивидуации для конкретного объекта. Поэтому если нашим изначальным индивидуирующим принципом является составленность, согласно такому-то плану из таких-то материальных объектов, то нарушение этого принципа означает прекращение существования исходного объекта в текущем возможном мире. А соответствующее имя не обозначает ни один существующий в текущем возможном мире объект. Но если такое нарушение состоялось, а мы все равно продолжаем использовать все то же имя собственное, как обозначающее некоторый объект в действительном возможном мире, то это означает, что мы изменили принцип индивидуации объекта.

5. Зачем нужна прямая референция?

Однако означает ли негативный вердикт для теорий эссенциональных свойств, автоматически аналогичное заключение и относительно теории прямой референции? В процитированном выше труде Н. Сэлмон показал, что эссенциализм не является необходимым следствием теории прямой референции. А, если так, то это значит, что отказ от эссенциализма не может автоматически приводить и к отказу от теории прямой референции. Для нас же здесь более важным является показать, что прямая референция возможна и вполне востребована и без метафизического эссенциализма.

Само существование в нашей языковой практике модальностей демонстрирует, что она такова, что мы нередко обсуж-

даем те или иные объекты в различных возможных ситуациях, не считая при этом, что говорим уже о других объектах³. Иными словами, наша речевая практика демонстрирует то, что мы говорим о самих объектах, независимо от тех или иных свойств, которыми они могут обладать. Наш дискурс, а, по видимому, также и наше мышление, не будут теми же самыми, если мы исключим из них способность говорить об этоности объектов. А именно эта возможность, как кажется, и обеспечивается с помощью жёстких десигнаторов. Именно её и призвана отображать теория прямой референции.

Однако в пользу оправданности теории прямой референции существуют и более теоретические доводы, которые приводит сам Крипке, когда рассматривает случаи использования имен собственных как жёстких десигнаторов. Обычно эти доводы принято разделять на три группы аргументов: модальные аргументы, эпистемологические и семантические аргументы. Примером аргумента первого вида являются условные высказывания типа:

(3) Если Аристотель существовал, то он был учеником Платона и учителем Александра.

Согласно подходу Крипке, если мы, опираясь на Фреге и Рассела, рассматриваем значение имени собственного «Аристотель» как сводящееся к определенным дескрипциям «учитель Платона и учитель Александра», то данное утверждение должно быть необходимо истинным. Однако очевидно, что (3) не представляет необходимую истину: вполне могло сложиться бы так, что Аристотель не оказался учеником Платона и/или учителем Александра, но при этом он не перестал бы быть самим собой. Таким образом, свойства быть учеником

³ В этом отношении теория двойников Д. Льюиса, несмотря на ряд ее важных достоинств, представляется, по крайней мере, контринтуитивной, что осознавал и сам ее автор, даже обсуждавший отдельно то, что он называл «изумленным взглядом» (the incredulous stare), в качестве одной из реакций на его теорию (см. [7, p.133]).

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Платона и учителем Александра являются случайными для Аристотеля.

Суть эпистемологических аргументов демонстрируется на таком же примере, как (3), с той лишь разницей, что, если фреге-русселловский анализ значения имен собственных верен, то (3) должно представлять не только необходимую, но и априорную истину. Однако очевидно, что (3), в отличие от, скажем,

(4) Если Аристотель существовал, то он был Аристотелем
не является априорной истиной.

Наконец, аргумент семантического типа, также иногда называемый аргументом от незнания, представлен примерами, подобными следующему. Допустим, наш современный, обладающий примерно теми же знаниями об античной философии, что и мы, утверждает

(5) Фалес считал, что все состоит из воды.

При этом если в результате новых исторических свидетельств вдруг выяснится, что Фалес, на которого ссылались Аристотель и Геродот, никогда не считал, что все состоит из воды, но при этом этого мнения придерживался некий другой его современник, ведший отшельнический образ жизни и тоже именовавшийся Фалесом, то будут ли такие свидетельства означать, что наш современник, высказывая (5) говорил ложь? Кришке утверждает, что да, и с ним сложно не согласиться, ведь некто не становится философом, считающим, что нечто состоит из воды лишь в силу того, что его зовут Фалес. Поэтому в описанной нами ситуации имя «Фалес» в (5), несмотря на совпадение с именем подлинного автора концепции о том, что все состоит из воды, будет указывать не на того индивида и, следовательно, (5) будет ложно.

Многие современные философы⁴, сторонники теории прямой референции, считают, что представителями дескриптивной теории референции (например, Л. Линским [8]) были

⁴ Такие как [11], [12], и др.

представлены достаточно убедительные доводы против модальных и эпистемологических аргументов, но не против семантических. Здесь, как правило, речь идет о введении понятия «ригидифицированных дескрипций» (*rigidified descriptions*), таких как «ученик Платона и учитель Александра в действительном мире», использование которых разрешает затруднения, поставленные в двух упомянутых аргументах. При этом считается, что группа семантических аргументов остается неуязвимой для такой критики.

Применительно к сказанному хотелось бы заметить лишь то, что введение ригидифицированных дескрипций, по всей видимости, если и решает проблемы, поставленные перед дескриптивной теорией референции, то слишком высокой для этой теории ценой. Принятие ригидифицированных дескрипций фиксирует их значение на конкретном индивидуальном объекте, независимо от того, какими свойствами он может обладать в других возможных мирах. Однако такое «решение» сформулированной проблемы превращает дескриптивную теорию референции в совсем не то, чем она изначально являлась, а скорее в то, что представляет собой теория прямой референции. Ведь оператор ригидификации, будучи сочетаемым с определенной дескрипцией, больше не позволяет ей делать того, что являлось её отличительной особенностью, а именно обозначать именно тот объект, который обладает упоминаемыми в ней свойствами, независимо от того, остается он одним и тем же при переходе из одного возможного мира в другой, или заменяется каким-то другим объектом, выполняющим условие, выражаемое дескрипцией.

Сказанное не только, как мне представляется, не позволяет считать операцию ригидификации удовлетворительным ответом на модальный и эпистемологический аргумент против дескриптивной теории референции, но и в известной степени возвращает нас к теме, с которой был начат данный раздел. Классическая дескриптивная теория референции не учитывает той роли, которую играет в языке только прямая референция.

6. Индивидурующий принцип как дескрипция

Обсуждение индивидуующего принципа наводит на еще одно возможное возражение со стороны сторонников дескриптивной теории референции. Если мы говорим о таком-то или таком-то индивидуующем принципе, выражающем упомянутую выше *этовость* объекта, то почему нельзя выразить именно его как ту самую дескрипцию, ассоциируемую с тем или иным именем собственным, выражающую его семантическое содержание. Действительно, почему нельзя возразить Крипке, сказав, что если происхождение является необходимым свойством обозначаемого именем объекта, то «человек, произошедший из такой-то яйцеклетки и такого-то сперматозоида» не может быть той дескрипцией, которую следует ассоциировать с именем данного человека?⁵

Первая проблема, на которую я хотел бы указать в связи с сформулированным возражением, заключается в кажущейся неизбежной угрозе бесконечного регресса. Ведь если индивидуующая дескрипция будет сама состоять исключительно из определенных дескрипций, то она утратит свой специфический статус. Конкретно: в приведенной выше дескрипции фраза «такой-то яйцеклетки» должна также напрямую указывать на некоторую конкретную яйцеклетку, в противном случае (т. е. если указание будет не прямым, а дескриптивным) роль требуемой яйцеклетки смогут выполнять разные яйцеклетки, что здесь недопустимо. Соответственно, если мы фиксируем эту *такую-то яйцеклетку* также посредством дескриптивно формулируемого индивидуующего принципа, то наша проблема лишь сдвигается, не снимая при этом необходимости достижения конечной точки. Но такая конечная точка достигается лишь при прямом указании того или иного термина, являющегося частью индивидуующего принципа,

⁵ Несмотря на то, что данное возражение сформулировано мной, исходя из представленного в данной статье рассуждения, следует заметить, что сходные идеи на независимых основаниях высказывались и ранее сторонниками дескриптивной теории референции. См., например, [5].

П.С. Куслий. Индивидуация объектов и прямая референция

на конкретный объект. А это, в свою очередь, снимает изначальное требование понимать индивидулирующий принцип как дескрипцию.

Второй аспект, который я хотел бы упомянуть, заключается в том, что теория прямой референции является семантической теорией, а это значит, что способы конституирования объектов, являющихся денотатами языковых выражений, не являются областью исследования этой теории.

Полагаю, что приведенные доводы против указанного возражения являются не единственными возможными, однако, здесь я хотел бы ограничиться лишь ими.

Заключение

Проведенный анализ был призван показать, что используемый аргумент корабля Тесея не может послужить основанием для опровержения теории прямой референции. Возможность объяснения ситуации, описываемой в данном аргументе, в терминах дескриптивной теории референции не значит опровержение теории прямой референции. В ряде случаев указанные теории могут сосуществовать, не исключая друг друга. Однако теория прямой референции демонстрирует важный аспект, присущий нашей языковой практике, а именно возможность выражения *de re* установок сознания. Попытки экспликации этих установок в терминах дескриптивной теории референции не приводят к удовлетворительным результатам.

Литература

1. Гоббс Т. Основ философии. Часть первая. О теле // Томас Гоббс. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989.
2. Куслий П.С. Референциальная функция имен // Логос. 2009. №2 (70). С. 67-83.
3. Куслий П.С. Референция единичных терминов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2009. №4 (8). С. 5-21.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

4. *Chandler H.S.* Rigid Designation - *The Journal of Philosophy*. 1975. Vol. 72., No. 13. pp. 363-369
5. *Jackson F.* Reference and Description Revisited. *Nous*. 1998. Vol. 32, pp. 201-218.
6. *Kripke S.* Naming and Necessity. Cambridge, 1980.
7. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford, 1986.
8. *Linsky L.* Names and Descriptions. Chicago, 1977.
9. *Mill J.S.* System of Logic. NY, 1874.
10. *Russell B., Whitehead A.N.* Principia mathematica. Cambridge, 1910.
11. *Salmon N.* Reference and Essence. 2nd Edition. NY: 2005. (Первое издание книги: Princeton, 1982).
12. *Soames S.* Reference and Description: The Case Against Two-Dimensionalism. Princeton, 2005.

О.И. Невдобенко

ЗАМЕЧАНИЯ О СПЕЦИФИКЕ НЕКОТОРЫХ САМОПРИМЕНИМЫХ КОНСТРУКЦИЙ

This paper draws attention to the usually ignored process of the very build-up of a given self-referential construction. The following question turns out to be worth investigating: what constitutes self-referentiality of an expression, what the crucial (necessary / sufficient) properties of the procedure are. Some unusual properties of such constructions follow from the analysis. The main conclusion can be summed up as follows: (at least some) self-referential exemplars fail the standard sign-designate-denotate relation. For instance, the identity principle, which forbids to distinguish between realizations of a given symbol (or a composition of symbols), is violated.

Ключевые слова: самоприменимость, самоприменимые конструкции, принцип тождества

Keywords: self-referential construction, identity principle

Самоприменимые конструкции можно типизировать по-разному. Во-первых, по тому, какого типа лингвистическая конструкция ссылается на себя (какова ее семантическая категория): предложение, предикат или дескрипция (т. е. выражение категории s , или $s/n_1/\alpha_1, \dots, n_m/\alpha_m$, или категории n/α). Затем, среди самоприменимых дескрипций можно выделить а) те, денотатом которых является класс некоторых лингвистических объектов среди которых и сама дескрипция (скажем, *то выражение русского языка, которое содержит не меньше четырех слов*); б) те, которые денотируют себя опосредованно, через цепочку ссылок, но так, что начало цепочки и конец совпада-

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

ют (например, (1) *то выражение, которое находится на следующей странице, [на следующей странице]* (2) *то выражение, которое находится на следующей странице, ..., (k) то выражение, которое напечатано k-1 страниц назад*; при желании можно организовать эту цепочку так, что выражение (k) будет реферировать (1); в денотатом дескриптивного выражения считается только оно само (таковым может оказаться, скажем, такое: *выражение на этой странице, -* разумеется, если обеспечить ряд условий (наличие страницы, определенность дескрипции)).

Аналогично можно рассмотреть несколько типов самоприменимых конструкций-высказываний, в зависимости от того, какого типа содержащаяся в них дескрипция – а, б или в (только теперь дескрипция задает не дескрипцию / дескрипции, а предложение / класс предложений). Помимо них автореферентность могут содержать предложения с кванторами (типа *Все предложения русского языка содержат больше двух слов.*)

Здесь мы рассмотрим примеры наиболее наглядного случая самоприменимого предложения, а именно когда дескрипция в нем задает только само это предложение. В таком случае предложение задается некоторой дескрипцией $\text{ixP}(x)$. В самоприменимой конструкции $Q(\text{ixP}(x))$ часть $\text{ixP}(x)$ описывает объект $Q(\text{ixP}(x))$.

Рассмотрим такой вариант:

Предложение на этой странице, напечатанное жирным шрифтом, ложно.

Пусть это предложение рассматривается как самоприменимое. Тогда его дескрипция обязана обладать следующими свойствами: 1) до акта предикации она *должна быть пустой* (в противном случае утверждение относилось бы к другому предложению, на которое указывала наша дескрипция до предикации); 2) *после* акта предикации дескрипции автоматически становится *непустой* (причем именно в силу предикации к данной дескрипции). Обратим внимание, что дескрипция становится непустой при предикации *любого* свойства, с единственным ограничением: это свойство должно быть набрано

жирным шрифтом. Причем это (необходимое) ограничение иррелевантно любому предизируемому семантическому или синтаксическому свойству Q («ложно», «состоять из такого-то количества букв» и т. д.) и работает с предикатом как со знаком постольку, поскольку тот является и материальным объектом.¹

Рассмотрим такую ситуацию. Пусть имеется две страницы, на каждой из которых написано / набрано жирным шрифтом «Предложение на этой странице, напечатанное жирным шрифтом, ложно». Можно ли сказать, что есть одно «абстрактное» самоприменимое предложение такого вида, у которого может быть сколько угодно материальных реализаций, в частности, вот на этих двух страницах? Какой объект задает дескрипция с первой страницы «предложение на этой странице, напечатанное жирным шрифтом»? Может ли она обозначать *любое – самоприменимое* - предложение такого типа?

Для аккуратности условно изобразим так:

Стр.1 **Предложение на этой странице, напечатанное жирным шрифтом, ложно.**

Стр.2 **Предложение на этой странице, напечатанное жирным шрифтом, ложно.**

Если считать, что дескрипция с 1-й страницы задает предложение со второй, тогда предложение на стр.1 сразу утрачивает автореферентность. Для того чтобы оно стало самоприменимым надо в качестве его денотата выбрать предложение с первой страницы, т. е. самоприменимая конструкция есть не просто «абстрактное» предложение с каким угодно числом графических равных реализаций, самоприменимая

¹ Подобная же ситуация, например, с конструкцией «Предложение, написанное на этой странице красными чернилами, ложно». При соблюдении понятных требований оно может рассматриваться как самоприменимое, и опять эти требования связаны со свойствами знаков как материальных объектов, а не носителей смыслов или синтаксических свойств.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

конструкция есть в нашем примере в обязательном порядке материальный объект, отдельные части которого есть являются знаками и которые композиционно образуют знаковый объект (предложение). Дело не изменится, если кто-то заметит, что может существовать несколько экземпляров того, что выше названо страница 1. Для каждого экземпляра дескрипция, находящаяся на нем, должна денотировать именно то предложение, которое находится на данном экземпляре, *если* нам хочется иметь автореферентную конструкцию. Тем самым для самоприменимых конструкций в приведенном примере нарушается принцип тождества (все материальные реализации одного знака отождествляются, запрещено различать). А значит, для этого примера, вообще говоря, не проходит тривиальная подстановка (x вместо x).

Рассмотрим еще один известный вариант самоприменимой конструкции.

Предложение на этой странице в рамке – ложно.

Если на странице нет других предложений в рамке, то данная конструкция может восприниматься как однозначно самоприменимая. Дескрипция «предложение на этой странице в рамке» ($\text{ixP}(x)$) не пуста и определена, если на странице (идентифицируемой как «эта») в точности одно предложение в рамке. Допустим, это так. Опять проходит мысленный эксперимент с несколькими экземплярами таких страниц, из которого видно, что под $\text{ixP}(x)$ в данном случае понимается ровно одна материальная реализация предложения. Но в этом примере имеем и нечто большее. Конкретная реализация данного предложения будет самоприменимой, только если само предложение находится в рамке. Как только мы его из нее вынимаем (скажем, стираем рамку), дескрипция становится пустой, а предложение теряет автореферентность (причем стираем *именно тот* материальный объект – «рамка», в котором находится рассматриваемая материальная реализация предложения; удаление рамки в любой другой реализации не

уничтожает самоприменимость рассматриваемого (экземпляра) высказывания.) Но это означает, что в таком случае референтом дескрипции $\lambda xP(x)$ является даже не данная реализация предложения «Предложение на этой странице в рамке ложно», но объект, *графически идентичный* вот этому (только расположенный выше):

Предложение на этой странице в рамке – ложно.

Т. е. объект - материальная реализация данного предложения (внутри которого находится данная реализация дескрипции $\lambda xP(x)$) + материальный объект «вот эта» рамка. Именно вся та графика является в данном случае самоприменимой конструкцией. Поэтому *удаление материального, не знакового объекта – рамки – уничтожает автореферентность предложения.*

Резюмируем. Дескрипция $\lambda xP(x)$ в самоприменимых предложениях 1) идентифицирует само предложение $Q(\lambda xP(x))$ по синтаксическим признакам (кол-во букв и т. д.), либо по материальным признакам знаков (жирный шрифт, цвет букв, местонахождение, время возникновения² и т. д.), а также 2) содержит индексные выражения определенного вида. Важно, какого рода индексные выражения могут встречаться в самоприменимых предложениях (сформулированных в естественном языке). К таким относятся: *я, здесь, сейчас, это (этот, эта)*. Замена *я* на *ты/он/она*, *здесь* на *там*, *сейчас* на *тогда*, *это* на *то* сразу лишают предложение непосредственной автореферентности. (Оно может ссылаться тогда на себя только через некоторую цепочку предложений).

Ср. *Это предложение ложно.* – при желании можно понять как самоприменимое (без дополнительных проверок других

² Ср. *Предложение, которое я сейчас произношу, содержит существительное.* (Отметим заодно, что ни одно написанное предложение такого вида не может быть самоприменимым; самоприменимость может обеспечиваться только произнесением данного высказывания, - причем - *сейчас*.)

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

предложений.) *То предложение – ложно. Автореферентность потеряна.*

Предложение, которое я сейчас произношу, – истинно. – Предложение, которое он сейчас произносит, – истинно. – Предложение, которое я тогда произносил, истинно. Тот, кто читает это предложение, – идиот. Тот, кто тогда читал это предложение, – идиот. Аналогично.

Здесь я оставляю без анализа эти типы индексов.

Обычно варианты самоприменимости в естественном языке приводят как пример внутренне противоречивых предложений. И на это делается ударение: самоприменимость может влечь самопротиворечивость, что является основанием для пристального изучения самоприменимости. Различные подходы берут такие конструкции как данность и проблема разбирается в ключе приписывания им истинностных значений. Рассмотренные примеры показывают, что предметом пристального рассмотрения стоит делать саму технику конструирования автореферентности, поскольку она нарушает (может нарушать) стандартный формат отношений знак – денотат – десигнат.

Д.П. Суровягин

КРИПКЕ И КАРНАП О ЗНАЧЕНИИ

In the article «Kripke and Carnap about Meaning» we have dissected some aspects of the work «Identity and Necessity» by Saul Kripke, taking into account the critical notes which Rudolf Carnap has expressed with regard to the method of the name-relation in the research «Meaning and Necessity». Firstly, we show that in the process of building the method for the analysis of meaning Kripke follows the principles which Carnap called the principles of the name-relation, viz. – the principle of univocality, the principle of subject matter and the principle of interchangeability. As long as Kripke's conception of the rigid designators contemplates making use of the increased principles of univocality and interchangeability, we call Kripke's method the method of the rigid name-relation. Secondly, we pay attention to the fact that Kripke's method though overcomes the antinomy of the name-relation still keeps difficulties specific for the name-relation semantics: the duplication of names and an ambiguity. In our view, this method is not developed enough to stand in opposition to Carnap's criticism however historico-philosophical reasons of its popularity remain still interesting objects for philosophical analysis.

Keywords: Rudolf Carnap, Saul Kripke, semantics, meaning, method of the name-relation, rigid designator, method of the rigid name-relation, duplication of names, ambiguity

Ключевые слова: Рудольф Карнап, Сол Крипке, семантика, значение, метод отношения именованя, жёсткий десигнатор, метод жёсткого отношения именованя, удвоение имён, неоднозначность

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Здесь мы попытаемся проанализировать некоторые аспекты статьи Сола Крипке «Тождество и необходимость» с учётом тех критических замечаний, которые высказал Рудольф Карнап по поводу метода отношения именованя в своём исследовании «Значение и необходимость». В этой связи мы собираемся обратить внимание на несколько проблем теории референции Крипке, а также поставить несколько вопросов, долженствующих очертить горизонт этой проблематичности. Прежде всего, мы посмотрим, придерживается ли Крипке при построении своего метода анализа значения тех принципов, которые Карнап называет принципами отношения именованя. Далее проследим, распространяются ли критические замечания Карнапа на семантический метод Крипке. И наконец, попробуем сделать несколько выводов относительно приемлемости и полезности проделанной работы.

Карнап считает, что логик или философ пользуется методом отношения именованя (далее условимся использовать аббревиатуру МОИ) тогда, когда он (явно или неявно) формулирует следующие три принципа [1, с. 160-163]:

- 1) принцип однозначности, согласно которому каждое выражение, употребляемое в качестве имени (в определённом контексте), является именем только одного объекта (номината выражения);
- 2) принцип предметности удовлетворяется в том случае, если предложение говорит о номинатах входящих в него имён;
- 3) принцип взаимозаменяемости может встречаться в двух версиях: а. если два выражения именуют один и тот же объект, то истинное предложение остаётся истинным, когда одно из этих выражений заменится в нём другим, и б. если предложение тождества истинно, то два аргументных выражения взаимозаменяемы (повсюду).

В своей статье Крипке занимается поиском аргументов и примеров, подтверждающих его позицию относительно проблемы необходимых утверждений тождества. Именно в контексте этой аргументации он вводит своё знаменитое понятие

«жёсткий десигнатор», которое употребляется для описания термина, обозначающего один и тот же объект во всех возможных мирах [2, с. 350-351]. Нетрудно заметить, что понятие Крипке «жёсткий десигнатор» выполняет ту же функцию, что и понятие «имя», с той лишь разницей, что имя обозначает один объект в определённом контексте, а жёсткий десигнатор – один объект «во всех возможных мирах», т. е. в различных контекстах¹. Поэтому использование понятия жёсткий десигнатор предполагает использование принципа однозначности, поскольку для жёсткого десигнатора имеется один обозначаемый объект («номинал» в терминологии Карнапа). Далее, следование Крипке принципу предметности также можно констатировать. В частности, сравнивая имена с дескрипциями, Крипке заявляет, что «референция имён редко или практически никогда не фиксируется с помощью дескрипций» (в подтверждение этого тезиса он приводит многочисленные примеры), и что имя не является синонимом дескрипции, а употребляется как жёсткий десигнатор для референции к называемому им объекту (даже при описании контрфактических ситуаций) [2, с. 366]. Здесь Крипке неявно утверждает обязательное наличие для жёсткого десигнатора обозначаемого им объекта, следовательно, предложение, содержащее жёсткий десигнатор, непременно предметно, т. е. говорит о номинатах входящих в него имён. Сложнее дело обстоит с принципом взаимозаменяемости. Крипке часто ссылается на «закон подставимости тождественного» или «закон Лейбница» [2, с. 340, 345]. От принципа взаимозаменяемости он отличается тем, что речь в нём идёт о взаимозаменяемости не тождественных выражений, а тождественных объектов: «для любых объектов x и

¹ «Возможный мир» в понимании Крипке (или «контрфактическая ситуация») здесь не отождествляется с термином «контекст». Но, как нам интуитивно кажется, возможность использования жёсткого десигнатора для описания контрфактической ситуации, на которой настаивает Крипке, предполагает использование другого контекста, следовательно, жёсткий десигнатор может встречать в более чем одном контексте.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

у, если x тождественно y и обладает определённым свойством F , то этим же свойством обладает и y » [2, с. 341]. По сравнению со скромным принципом взаимозаменяемости Карнапа, сформулированным в лучших традициях номинализма, закон подставимости тождественных выглядит более философским, т.к. покушается на «любые объекты». По мнению Крипке, необходимое утверждение тождества говорит не об утверждениях, но именно об объектах. Однако заметим, что под любыми объектами могут скрываться как физические тела, обладающие свойствами, так и утверждения, т. е. абстрактные объекты или объекты семантики, о которых толкует Карнап. Поэтому третий принцип отношения именованья можно рассматривать как частный случай закона тождества. Т. о. Крипке использует то, что Карнап называет методом отношения именованья, т. е. когда Крипке занимается семантическим обсуждением (говорит о выражениях и их значениях), он придерживается принципов однозначности, предметности и взаимозаменяемости. Этот факт не покажется нам удивительным, если мы вспомним, что тем же методом пользовались Фреге, Куайн, Чёрч и Рассел (именно этих мыслителей Карнап приводит в пример и рассматривает их методы в третьей главе книги «Значение и необходимость»). Чтобы отличать МОИ в варианте Крипке (т. е. метод с усиленными первым и третьим принципами), мы назовём его методом жёсткого отношения именованья (МжОИ), по аналогии с жёстким десигнатором. Нам кажется, что такое название, несмотря на свою неблагозвучность, могло бы понравиться Крипке, коль скоро он отдаёт решительное предпочтение именам перед дескрипциями.

К основным недостаткам МОИ относятся, по мнению Карнапа, неоднозначность и ненужное удвоение имён [1, §§ 25, 26]. Неоднозначность заключается в следующем. Если мы используем для семантического исследования МОИ, то признаём, что у каждого имени есть номинат, т. е. обозначаемый именем объект (любой природы). Однако зачастую определённый десигнатор в естественном или символическом языке может рассматриваться как имя для двух семантических сущностей. Например, если мы имеем дело с предикатором, то,

согласно МОИ, можем понимать его либо как имя класса, либо как имя свойства (предложение « x белый» в таком случае имеет два перевода « x принадлежит классу “белый”», и « x имеет свойство “белый”»); если перед нами индивидуальное выражение, то мы в затруднении, понимать ли его как имя индивида, или как имя индивидуального концепта (например, выражение «Карл Маркс» может пониматься как имя конкретного человека, либо как имя, обозначающее понятие «человек, написавший “Капитал”»); и т. д. по аналогии для других десигнаторов. Т. о., основной термин МОИ «быть именем» оказывается неоднозначным, хотя и интуитивно ясным. Как следствие, чтобы избежать двусмысленности, во многих системах, где используется МОИ (например, в системе «Principia Mathematica» Рассела и Уайтхеда, и в системе «Mathematical logic» Куайна), содержатся различные имена для свойств и соответствующих классов. Необходимость удвоения имён вытекает из принципа предметности и принципа однозначности (если предложение говорит о некотором объекте, то оно должно содержать его имя; если оно говорит о двух объектах, то содержит два имени, соответственно). Но если на первом уровне различие делается между именами свойств и именами классов, то на втором уровне необходимо уже различать четыре вида предикаторов: имена классов классов, имена свойств классов, имена классов свойств, имена свойств свойств. Иначе говоря, на уровне n будет 2^n различных видов предикаторов в пределах одного типа. Вытекающая из этого необходимость допущения 2^n видов объектов наводит на мысль о неадекватности МОИ. По мнению Карнапа, если применять МОИ без каких-либо ограничений (как к экстенциональным, так и к неэкстенциональным контекстам), это ведёт к противоречию, которое он предлагает называть антиномией отношения именованности [1, с. 205]. С этой антиномией сталкивались Фреге, Рассел и Куайн (когда замечали, что принцип взаимозаменяемости в его применении к обычным номинатам имён не имеет силы для косвенных контекстов). Мы попытаемся установить, преодолевает ли метод Крипке антиномию отношения именованности и вышеупомянутые трудности.

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

Приведём пример антиномии для индивидуальных выражений в модальном контексте «необходимо, что ...». Допустим, мы утверждаем (1) «Необходимо, что человек, написавший «Капитал», умел писать». На основе тождества (2) «Карл Маркс есть человек, написавший “Капитал”» и принципа взаимозаменяемости образуем предложение (3) «Необходимо, что Карл Маркс умел писать». Это предложение, в отличие от (1), уже не кажется истинным, поскольку Карл Маркс мог бы, в силу случайных обстоятельств, остаться необразованным. Нет никакой логической необходимости в том, что он всё-таки научился писать. Поэтому верно следующее предложение: (4) «Не необходимо, что Карл Маркс умел писать». Противоречие (3) и (4) составляет антиномию. Примеров, подобных этому Кришке приводит много. Его решение, как известно, состоит в отстаивании той точки зрения, что «утверждения тождества являются необходимыми, а не случайными» [2, с. 350], если они истинны. Т. е., согласно его позиции, предложение (2) мы должны поместить в модальный контекст необходимости – «необходимо, что (2)». В таком случае истинность предложения (3) не будет вызывать сомнений, а предложение (4) не может быть образовано. Собственно говоря, любое истинное утверждение с жёстким десигнатором должно рассматриваться как необходимо истинное. Антиномия устранена, причём весьма изящно, и на этом основании семантический метод Кришке можно поставить в один ряд с методами Фреге, Рассела, Куайна и Карнапа, однако несколько открытых вопросов остаётся. Заметим, что Рассел также строил антиномию относительно индивидуальных выражений, однако у него собственные имена рассматриваются как сокращения дескрипций, а последние не встречаются при записи в исходных символах, но являются неполными символами, лишёнными самостоятельного значения [3, р. 479-493]. У Рассела имена и дескрипции можно заменить контекстуальными определениями. Но в МжОИ такого сделать нельзя. Кришке признаёт за именами значение, причём совершенно независимое. По его мнению, «референция имён редко или практически никогда не фиксируется с помощью дескрипций» [2, с. 366], однако в целом, отношение

между такими семантическими категориями как имя и дескрипция остаётся неясным, и мы можем только догадываться о том, насколько сложна природа этого отношения. Поскольку аргументация Крипке основана на анализе различных языковых случаев, мы также позволим себе несколько иллюстраций. Например, чем нужно считать выражения типа «Большой Змей», «Хитрая Лисица» или «Шаткий Тростник»² – собственными именами индейцев, или дескрипциями, которые одновременно описывают какие-то качества человека и называют его? Или, в случае, когда мы впервые видим незнакомый предмет и, ещё не придумав для него имени, произвольно называем его выражением «Нечто странное», нужно ли считать это выражение дескрипцией или жёстким десигнатором на том основании, что другого десигнатора для этого предмета у нас пока нет? Далее, остаётся неясным, к какой семантической категории в конкретном случае может относиться жёсткий десигнатор – к индивиду, или к индивидуному концепту. Скажем, как быть с выражением «Иисус Христос»? Для историка оно означает собственное имя человека, историческое существование которого можно доказать или поставить под сомнение, и в этом случае это выражение есть пример жёсткого десигнатора, обозначающего конкретного индивида, но для христианина это имя может быть связано с понятием из Символа Веры («сын Бога») или с его личными эмоциональными переживаниями. Т. е. на наш взгляд, сторонник Крипке не имеет иных критериев, кроме интуитивного, во-первых, для различения собственных имён и дескрипций, во-вторых, для установления номината собственного имени. Отчасти эти проблемы, конечно, обусловлены сложностью естественного языка, а не спецификой метода Крипке, однако исследователь, использующий МжОИ, столкнётся с трудностями также и при изучении искусственных семантических систем. Если в такой системе жёсткие десигнаторы определить путём простого перечисления, или задать правило их образования, то едва ли

² Примеры имён из романа Дж.Ф. Купера «Последний из могикан».

Часть 1. Жёсткие десигнаторы и проблема индивидуации

полученный таким образом список имён будет иметь те же референциальные свойства, что и множество жёстких десигнаторов в естественном языке. В таком случае ставится под сомнение сама необходимость термина «жёсткий десигнатор». Кроме того, при возможном приспособлении этого термина к искусственному языку проблемы МОИ (неоднозначность и удвоение имён) остались бы на своих местах, поскольку жёсткий десигнатор имеет все свойства имени.

Критическую характеристику МОИ даёт Карнап: «Этот метод имеет разные формы у разных авторов. Большинство авторов, употребляющих понятие отношения именованного, по видимому, не даёт себе отчёта в связанной с ним антиномии и не развивает метода в достаточно явной форме, которая позволяла бы нам видеть, как они избегают противоречия и избегают ли они его вообще. Все процедуры, предлагавшиеся для устранения антиномии, имеют серьёзные недостатки; некоторые из этих процедур ведут к большим усложнениям, другие значительно ограничивают область применения семантического анализа значения. Таким образом, сомнительно, является ли метод отношения именованного подходящим методом для семантического анализа» [1, с. 219]. В результате рассмотрения статьи Сола Кришке «Тождество и необходимость» мы определили его метод анализа значения как вариант метода отношения именованного, назвав его методом жёсткого отношения именованного. На наш взгляд, этот метод не развит в достаточной степени, чтобы аргументировано противостоять критике Карнапа. Более того, требуется определённое волевое усилие, чтобы при изучении статьи «Тождество и необходимость» не впасть в скепсис и не воскликнуть по поводу главного новшества этой статьи:

Wo Begriffe fehlen,
Da stellt zur rechten Zeit ein Wort sich ein³.

³ «Коль скоро недочёт в понятиях случится, // Их можно словом заменить». – Гёте, *Фауст*. Русск. перев. Холодковского.

Мы, однако, далеки от того, чтобы критиковать метод Крипке или отстаивать метод экстенционала и интенционала, который предлагает Карнап. Мы лишь пытаемся по-новому взглянуть на проблемы, поднятые Крипке. Можно обоснованно утверждать, что Крипке не был обязан учитывать результаты Карнапа в своём исследовании; что высказанные им идеи дали толчок к развитию аналитической философии и лингвистики на другом, новом уровне, а поиск ошибок и непоследовательностей здесь методологически неоправдан; что решение проблемы референции само по себе важно, тогда как философская компаративистика в этой области не даёт формулируемых результатов. Мы согласны с этим, но считаем, что такая позиция исключает из области рассмотрения интересные и важные историко-философские аспекты. История аналитической философии не менее разнообразна и достойна изучения, чем её проблемы. Беглое сравнение семантических подходов двух разных мыслителей, предпринятое в этом очерке, позволяет предположить глубокую разницу философских предпосылок, из которых они исходили в своём понимании языка и проблемы референции. Вполне возможно, что исторические причины такой разницы являются также причинами состояния современных исследований в этой области аналитической философии. Однако выявление этих причин остаётся пока делом будущего.

Литература

1. *Карнап Р.* Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
2. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. М., 1982.
3. *Russell B.* On denoting // *Mind*, 14, 1905.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Е.Г. Драгалина-Черная

КРИПКА КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ: АПОСТЕРИОРНЫЕ ТАВТОЛОГИИ ВИТГЕНШТЕЙНА*

This paper sketches two approaches to the color exclusion problem provided by Ludwig Wittgenstein in «Tractatus» and «Some Remarks on Logical Form». Colors possess, according to Wittgenstein, logical structures because their relations supposed to be internal (formal) ones.

According to «Tractatus», the only way color ascriptions can be logically interdependent is if they are not elementary. In «Some Remarks on Logical Form» Wittgenstein is interested in studying what he calls the «logical structure» or the «logical form» of «phenomena». A color-incompatibility claim is a tautology and «does not express experience», however, being result of «logic investigation of the phenomena themselves», it is, as Wittgenstein pointed out, «in a certain sense a posteriori». The objective basis for the necessity of the color-incompatibility claim is geometry of logical space of color representation as part of the method of projection. The phenomenological character of the approaches to the color exclusion problem provided by «middle» Wittgenstein is argued for.

Ключевые слова: тавтология, а posteriori, логическое пространство

Keywords: tautology, a posteriori, logical space

Инициированная «всесокрушающим» Кантом критика *гекагона оппозиций* «априорное – апостериорное – аналитическое –

* Индивидуальный исследовательский проект № 10-01-0005 «Формальные онтологии: от феноменологии к логике» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

синтетическое – аподиктическое – контингентное» привела к проблематизации практически всех составляющих его дихотомий. Долгие годы сохраняла свою методологическую репутацию дихотомия апостериорного и аподиктического. Первопроходцем, поставившим под дискредитирующее сомнение и эту дихотомию, принято считать С. Крипке. Именно он ровно сорок лет назад подметил то обстоятельство, что метафизическое понятие необходимого не является тривиально тождественным эпистемологическому понятию априорного. Если понятия априорного и необходимого «равнообъемны, то это, – пишет Крипке, – можно установить только путем философских доказательств. Они... относятся к разным областям философии. Одно из них имеет отношение к познанию: что можно узнать о действительном мире и какими путями? Второе имеет отношение к метафизике: каким мог бы быть мир, мог ли бы он в чем-то быть не таким, каким он нам дан? Для меня неоспоримо, что ни один из этих двух классов утверждений не содержится в другом» [5, с. 58]. Распространяется ли, однако, скептицизм Крипке в отношении тривиальной тождественности априорного и необходимого на такой привилегированный подкласс аподиктического, как логически необходимое? Поскольку классическое (скажем, табличное) определение логической истинности в принципе исключает какую-либо «метафизическую» апелляцию к устройству мира или способу его данности, аргументация Крипке кажется нерелевантной для логической необходимости. Задача данной статьи – интерпретация феноменологического проекта Л. Витгенштейна, намеченного в работах 1929 года «Некоторые замечания о логической форме» и «Беседы, записанные Ф. Вайсманном», как предвосхищения концепции апостериорной необходимости С. Крипке в её наиболее радикальной версии, не исключающей из сферы аподиктического апостериори сильную необходимость логических тавтологий.

Центральное место в «Некоторых замечаниях о логической форме» занимает проблема адекватной репрезентации логической формы атомарных высказываний. Принципиальный подход к решению этой проблемы афористически зада-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

ется максимой «Атомарную форму нельзя предвидеть» [3, с. 323]. Такой подход восходит к «Логико-философскому трактату», где проблема логической формы атомарных высказываний самым непосредственным образом связана с одним из наиболее эзотерических трактатных постулатов - о логической структуре цвета.

«Поскольку существует только логическая необходимость, - утверждает в «Логико-философском трактате», - постольку также существует только логическая невозможность (6.375). Например, для двух цветов невозможно находится одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета (6.3751)» [2, с. 210]. Цвет обладает, по Витгенштейну, логической структурой, поскольку отношения цветов рассматриваются им как отношения структур, то есть внутренние или, иначе говоря, формальные отношения. «Мы можем, - полагает он, - говорить в некотором смысле о формальных свойствах объектов и атомарных фактов, или о свойствах структуры фактов, и в этом же смысле - о формальных отношениях и отношениях структур (Вместо «свойство структуры» я также говорю «внутреннее свойство», вместо «отношение структур» - «внутреннее отношение» ...) (4.122)» [2, с. 92 - 94]. Витгенштейном предлагается эксплицитный критерий принадлежности свойства или отношения к классу формальных (внутренних), которому удовлетворяют, в частности, цветовые отношения. «Свойство, - пишет он, - является внутренним, если немислимо, что объект им не обладает. (Этот голубой цвет и тот стоят *eo ipso* во внутреннем отношении более светлого и более темного. Немислимо, чтобы эти два объекта не стояли в этом отношении друг к другу.) (4.123)» [2, с. 94]. Иначе говоря, отношение является формальным, если невозможно даже помыслить отсутствие этого отношения между данными объектами. Пространство возможностей, задаваемое внутренними отношениями, пусть и отношениями таких на первый взгляд далеких от логики свойств как «голубой», «светло голубой» или «темно голубой», является для Витгенштейна логическим пространством. Следовательно, для него пары высказываний

«Предмет А красный» и «Предмет А голубой», «Предмет А светло голубой» и «Предмет А темно голубой» логически исключают друг друга.

Признавая это, Витгенштейн сталкивается, однако, с серьезным системным затруднением. Дело в том, что принципиальная для него позиция, состоящая в утверждении о взаимном исключении элементарных высказываний о цветовых свойствах, входит в противоречие одним из фундаментальных принципов «Трактата» - принципом независимости элементарных высказываний, которые, согласно трактатной идеологии, не могут исключать друг друга. Витгенштейн осознает и эксплицитно фиксирует эту трудность. «Ясно, - пишет он, - что логическое произведение двух элементарных предложений не может быть ни тавтологией, ни противоречием. Утверждение, что точка в поле зрения в одно и то же время имеет два различных цвета, есть противоречие (6.3751)» [2, с. 212]. Прямым следствием этой коллизии является то, что Витгенштейн, настаивающий на логическом характере взаимного исключения цветов, не может считать высказывания о цветовых свойствах типа «Предмет А красный» элементарными. Однако, если в «Трактате» он еще придерживается принципа независимости элементарных высказываний, то уже в «Некоторых замечаниях о логической форме» приносит его в жертву, настаивая на элементарности взаимозависимых высказываний о цветовых свойствах. Жертва эта дается ему нелегко, поскольку принцип независимости элементарных высказываний тесно связан со стратегическим для раннего Витгенштейна признанием априорности логики, его уверенностью в том, что «логика должна сама о себе позаботиться (5.473)» [2, с. 148]. Почему же «средний» Витгенштейн все же идет на эту жертву, что оказывается для него более значимым?

Итак, в «Некоторых замечаниях о логической форме» Витгенштейн прямо заявляет об ошибке, допущенной им в «Трактате». «Взаимное исключение неразложимых высказываний о степени, - признается он, - противоречит мнению, которое было опубликовано мною несколько лет назад и которое с необходимостью обуславливало, что атомарные высказыва-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

ния не могут исключать друг друга» [3, с. 327]. Исправляя эту ошибку, Витгенштейн развивает новый, феноменологический, по существу, проект. Теперь он уверен, что к корректному анализу логической формы атомарных предложений можно прийти «только посредством того, что можно было бы назвать логическим исследованием самих феноменов, т. е. в определенном смысле *a posteriori*, а не строя предположения о возможностях *a priori*» [3, с. 322]. «Логическое исследование самих феноменов», программу которого намечает Витгенштейн, должно включать разнообразные формы пространственных и временных объектов, «вроде цветов, звуков и т. д. с их градациями, непрерывными переходами и соединениями в различных пропорциях, все из которых мы не можем охватить нашими обычными средствами выражения» [3, с. 324].

Атомарные предложения представляют, по определению, «первичную связь», то есть такое первичное, непосредственное соединение терминов, которое "нельзя разорвать, не разрушая пропозициональную форму как таковую» [3, с. 322]. Принципиальным новшеством Витгенштейна является введение числовых характеристик в структуру атомарных предложений. Он полагает, что высказывания, приписывающие степень некоему качеству, атомарны, то есть неразложимы и выражают внутреннее (формальное) отношение различия степеней. Однако эти высказывания включают в качестве неустранимых компонентов своей формы числа. «По моему мнению, - настаивает Витгенштейн, - вхождение чисел в формы атомарных предложений - это не просто особенность специального символизма, а сущностная и, следовательно, неизбежная черта репрезентации. И числа должны будут входить в эти формы, когда - как мы сказали бы в обычном языке - мы имеем дело со свойствами, которые допускают градацию; т. е. с такими свойствами, как длина расстояния, высота тона, яркость или краснота цветового оттенка и т. д. Отличительная черта этих свойств именно в том, что одна их степень исключает любую другую. Один цветовой оттенок не может иметь две различные степени яркости или красноты, тон не может иметь две различные силы и т. д. И важный пункт здесь за-

ключается в том, что эти замечания не выражают опыт, но в некотором смысле являются тавтологиями» [3, с. 322 - 326].

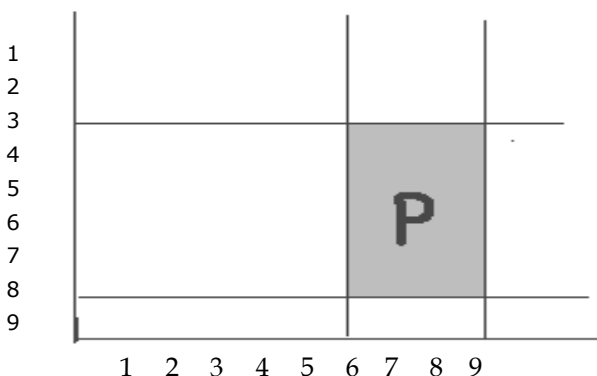
Таким образом, утверждение о взаимном исключении различных степеней цветовых оттенков является, по признанию Витгенштейна, *тавтологией* и «не выражает опыт», однако, будучи результатом «логического исследования самих феноменов», получается «в определенном смысле *a posteriori*». На мой взгляд, *апостериорные тавтологии* Витгенштейна, не выражающие опыт в его обычном понимании, имеют источником своей истинности геометрическую организацию пространства цветности. Однако, в отличие от Канта, апелляция к геометрии не означает для Витгенштейна синтетичности соответствующих высказываний. Все дело, думается, в том, что пространство цветности как *пространство возможностей* является для него логическим пространством.

Хотя Витгенштейн предпочитает говорить не о взаимном противоречии, а о взаимном исключении атомарных высказываний о степени, это исключение характеризуется им как логическое. Очевидно, причину такой характеристики следует искать в том, что для Витгенштейна существует только логическая невозможность. Однако логическая невозможность одновременной истинности атомарных высказываний о степени отличается все же от обычного логического противоречия. Витгенштейн поясняет это различие, используя забавную аналогию со стулом, на который одновременно пытаются усесться два человека. Возьмем, предлагает он, высказывание, утверждающее существование цвета R в определенное время T в определенном месте P нашего визуального поля. Будем записывать это высказывание как «RPT», тогда «BPT» будет утверждать, что цвет B находится в месте P во время T. RPT и BPT взаимно исключают друг друга. Как замечает Витгенштейн, RPT & BPT – это «своего рода противоречие (а не просто ложное высказывание)» [3, с. 327]. «Ибо, – поясняет он, – если предложение содержит форму сущности, о которой оно говорит, тогда возможно, чтобы эти два предложения сталкивались в самой этой форме. Каждое из предложений «Браун сейчас сидит на этом стуле» и «Джонс сейчас сидит на этом стуле»

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

пытаются, в некотором смысле, усадить свое подлежащее на этот стул. Но логическое произведение этих предложений усаживает их обоих здесь и сейчас, а это ведет к столкновению, к взаимному исключению этих терминов» [3, с. 328].

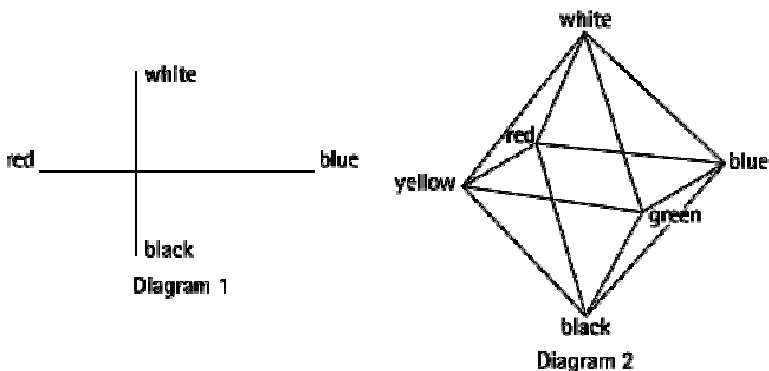
Вместе с тем, если обычное противоречие устраняется стандартным табличным определением логических связей, то это определение, безусловно, не дает оснований для взаимного исключения атомарных высказываний о цвете. Витгенштейн пытается описать структуру таких высказываний, помещая цветовые пятна в систему координат следующим образом:

«Простым примером, – пишет он, – была бы репрезентация пятна Р посредством выражения «[6-9, 3-8]» и репрезентация предложения об этом пятне, например, Р есть красное, посредством символа «[6-9, 3-8] R», где R – это еще не проанализированный термин («6-9» и «3-8» обозначают непрерывные интервалы между соответствующими числами)» [3, с. 324-325]. При этом Витгенштейн настаивает на том, что система координат не является чем-то сугубо внешним по отношению к репрезентации высказываний о цветовых пятнах, помещенных в данную систему. «Система координат здесь, – подчеркивает он, – это часть способа выражения; она является частью метода проекции, посредством которого реальность отображается в наш символизм» [3, с. 325].

В «Беседах, записанных Ф. Вайсманном» в том же 1929 году, Витгенштейн предполагает, что высказывания о цвете могут быть представлены в геометрических терминах с помощью приписывания им определенных позиций на цветовых осях. «Каждое высказывание о цвете, - замечает он, - может быть представлено посредством таких символов. Если мы скажем, что достаточно четырех элементарных цветов, я назову эти символы одного статуса *элементами репрезентации*. Эти элементы репрезентации есть "объекты"» [9, p. 43].

Основываясь на замечаниях Витгенштейна, можно представить геометрию пространства цветности, например, следующими диаграммами (см. [8, p. 49]).

Эти диаграммы открывают возможность, опираясь на метрические свойства пространства цветности, задавать числовым образом цветовые оттенки и их степени. Скажем, оранжевый цвет, располагающийся между базовыми цветами репрезентации - желтым и красным, может быть более желтым или более красным в зависимости от его смещения по оси «желтый - красный» в октаэдре 2, и этой его интенсивности может быть приписано определенное число. Очевидно, что место в пространстве цветности, заданное некоторым числом, не может быть задано другим числом. Таким образом, развивая витгенштейновскую аналогию со стулом, можно сказать, что высказывание не может одновременно приписать два раз-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

ных оттенка цвета одному и тому же объекту, подобно тому, как невозможно одновременно усадить человека на два стула в разных углах комнаты. Таким образом, взаимное исключение атомарных высказываний о степени объясняется метрикой логического пространства цветности.

Апелляция к метрике цветового пространства может, однако, навести на неприятную аналогию с «постулатами значения» Р. Карнапа, расширяющими сферу аналитического с помощью словарных конвенций. Действительно, если задать словарными определениями свойства цветовых осей (скажем, оранжевый цвет по определению будет находиться между желтым и красным), то высказывание «Этот предмет красный и оранжевый» будет аналитически ложным ровно в том же смысле, что и «Этот холостяк женат». Однако такая тривиализирующая интерпретация не кажется мне адекватной феноменологическому замыслу Витгенштейна, который упорно настаивал на логической природе пространства цветности, на том, что система цветовых координат – это часть способа выражения, метода проекции, а её базовые цвета – элементы репрезентации.

Как подчеркивал Ф. Рамсей в комментариях 1923 года к «Логико-философскому трактату», «Витгенштейн признает, что точка в зрительном пространстве *не может* быть и красной, и синей. Действительно, в противном случае, поскольку он считает, что индукция не имеет логического основания, у нас не было бы причин считать, что мы не можем достичь визуальной точки, которая является и красной, и синей¹. Следовательно, он говорит, что «Это и красное, и синее» есть противоречие» [6, с. 326]. По мнению Рамсея, Витгенштейн сводит затруднение с формальной несовместимостью цветов к «затруднению с *необходимыми* свойствами пространства, времени, материи или чего-то еще. Он явно ставит это в зависимость от

¹ Примечательно, что Н.А. Васильев, например, допускал гипотетическую достижимость подобной точки в «воображаемом» мире, апеллируя именно к логической (эпистемологической) неубедительности индуктивных обобщений (см. подробнее [4]).

невозможности частицы быть в двух местах одновременно» [6, с. 326]. Действительно, аналогии, к которым прибегает Витгенштейн для прояснения логического характера взаимного исключения цветов, могут спровоцировать *иллюзию* апелляции к физически необходимым свойствам «пространства, времени, материи или чего-то еще». Так, хорошо известно его замечание, на которое ссылается Рамсей, призванное иллюстрировать трактатный тезис о логической невозможности для двух цветов одновременно находится в одном и том же месте в поле зрения. «Рассмотрим, - предлагает Витгенштейн, - как изображается это противоречие в физике. Примерно так: частица не может в одно и то же время обладать двумя скоростями, то есть она не может быть в двух местах в одно и то же время, то есть частицы в разных местах в одно и то же время не могут быть тождественными (6.3751)» [2 с. 211 -212]. К этому комментарию примыкает и «физическая» аналогия со стулом из «Некоторых замечаний о логической форме». Не сводится ли, таким образом, феноменологический проект Витгенштейна к дискредитированной уже Кантом абсолютизации эвклидовой геометрии и ньютоновской физики, которым теперь вдобавок придается ни много ни мало статус логической аподиктичности? На мой взгляд, опасения такого рода не являются обоснованными. Ведь главное, что пытается прояснить своими аналогиями (возможно, не всегда удачными) Витгенштейн, - это несовместимость цветов не в «физическом», а в «зрительном» пространстве, в «поле зрения». Поэтому ключом к адекватному пониманию интенций Витгенштейна - феноменолога мне представляется не понятие пространства, истолкованное неким «физическим» образом, а феноменологическое понятие феноменального поля.

Феноменальное поле отличает от «физического» пространства *не* его «субъективность». По замечанию М. Мерло-Понти, «феноменальное поле не есть вовсе «внутренний мир», «феномен» - это не какое-то «состояние сознания» или «психический факт», феноменальный опыт не сводится к интроспекции и интуиции в бергсоновском смысле» [7, с. 90]. Феноменологическая установка не погружает нас в «потемки внут-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

ренного мира», но меняет «само понятие непосредственного: таковым будет уже не впечатление, не объект, который совпадает с субъектом, но смысл, структура, спонтанное упорядочение частей» [7, с. 91]. Рассмотренное как феноменальное поле, витгенштейновское пространство цветности предстает как пространство *смысла*. Именно потому, что элементарные высказывания о цвете помещены *внутри* определенного пространства цветности с его собственной системой координат, они логически исключают друг друга (элементарные высказывания о цвете, соотнесенные с различными системами координат, *не могут* противоречить друг другу). При этом непосредственная данность структуры (формы) этого пространства не означает, однако, её *априорности* в каком-либо смысле абсолютного предшествования. «Наше восприятие, – подчеркивает Мерло-Понти, – признает за «формой» исключительную роль вовсе не *оттого*, что она представляет собой некое состояние равновесия, разрешает предельную проблему и определяет, в кантовском смысле, возможность мира, она есть не условие возможности мира, а его явленность, она есть зарождение нормы, а не реализация нормы, она есть не проекция внутреннего на внешнее, но идентичность того и другого» [7, с. 94-95]. Внутренние (формальные) свойства и отношения, к числу которых принадлежат отношения цветов, относятся Витгенштейном к феноменальной сфере явленного, показываемого. «Существование внутреннего свойства возможного положения вещей, – настойчиво подчеркивает он уже в «Трактате», – не выражается предложением, но оно выражает себя в предложении, изображающем это положение вещей, посредством внутреннего свойства данного предложения (4.124)» [2, с.94]. В полном соответствии с замечанием Мерло-Понти, внутренние свойства и отношения – это не «проекция внутреннего на внешнее», а *часть* метода проекции. Система цветных координат – не априорное условие, а *часть* способа выражения. Отмеченная «печатью смысла» дихотомия априорного и апостериорного в целом утрачивает абсолютный характер, релятивизируясь относительно смыслового контекста. Не случайно именно неудовлетворенность собственным под-

ходом к проблеме взаимоисключающих высказываний о цвете, ограниченность которого предопределялась трактатным тезисом об априорности логики, якобы представляющей некий «сверх-порядок» «сверх-понятий», стала для Витгенштейна одним из главных стимулов к позднейшей глобальной ревизии ранних взглядов. Мостом, переброшенным от трактатного тезиса о взаимном исключении высказываний о цвете к рассмотрению природы таких высказываний в контексте «языковых игр», и стали, на мой взгляд, феноменологические размышления «среднего» Витгенштейна об апостериорных тавтологиях.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994, с. 323 – 405.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008.
3. *Витгенштейн Л.* Некоторые замечания о логической форме // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. . М.: Канон+, 2009, с. 321 – 329.
4. *Драгалина-Черная Е.Г.* Семантическое обоснование логики: истоки и перспективы // Логическая семантика: перспективы для философии языка и эпистемологии. М.: Креативная экономика, 2011, с. 37 – 54.
5. *Кришке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М.: Радуга, 1982, с. 340 – 376
6. *Рамсей Ф.П.* Критические замечания о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // Рамсей Ф.П. Философские работы. М.: Канон+, 2011, с. 310 – 336.
7. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.
8. *Beaney M.* Wittgenstein on Language: From Simple to Samples – The Oxford Handbook of Philosophy of Language, 2009, pp. 40 – 59.
9. *Wittgenstein L.* Conversations recorded by Friedrich Waismann – Ludwig Wittgenstein: Philosophical Occasions 1912–1951, Indianapolis, Hackett, 1993, pp. 162- 171.

И.Г. Гаспаров

НЕОБХОДИМОСТЬ ТОЖДЕСТВА

*The paper deals with the Kripke's argument for necessity of identity he offered in his seminal work «Identity and Necessity» (1971). Kripke defended the view, on which the relation of identity *de re* is absolutely necessary to the effect that contingent identity is impossible. The illusion of its possibility arises because we often fail to distinguish between our metaphysical and epistemological notions, i.e. that of necessity and that of apriority, on one hand, and between rigid and non-rigid designation, on the other. I argue that despite that the Kripkean distinctions are entirely appropriate, they on themselves do not provide the positive answer to the question whether the identity relation is necessary or not.*

Keywords: *metaphysics, epistemology, identity, necessity, contingency, apriori, aposteriori, rigid designator*

Ключевые слова: *метафизика, эпистемология, тождество, необходимость, контингентность, априори, апостериори, жёсткий десигнатор*

Настоящая статья посвящена аргументу, который американский философ Сол Крипке сформулировал в своей знаменитой статье «Тождество и необходимость» (1971). Крипке утверждает абсолютную необходимость тождества *de re* и отрицает возможность контингентного тождества, которое он считает иллюзией, возникающей из-за того мы пренебрегаем различием между необходимостью и априорностью, с одной стороны, и жёсткой и нежёсткой десигнацией, с другой. В своей статье я аргументирую, что несмотря на правильность вводимых Крипке различений, они не позволяют разрешить вопрос о модальном статусе отношения тождества.

В своей статье «Тождество и необходимость» С. Крипке утверждает невозможность контингентных суждений тождества и пытается объяснить, почему у нас возникает иллюзия, что они все-таки возможны [1; 6]. По мнению Крипке, корень иллюзии в том, что с одной стороны, мы не различаем между жёсткими и нежёсткими десигнаторами; а с другой, путаем эпистемологический и метафизический аспекты суждений тождества. Если бы мы не совершали этих ошибок, то сразу бы поняли, что контингентность тождества является иллюзией, а необходимость тождества стала бы нам очевидной. В дальнейшем я буду аргументировать в пользу того, что даже при учете тех дистрикций, которые вводит Крипке, вопрос о необходимости тождества остается открытым, как в смысле того, каково семантическое и метафизическое содержание необходимости тождества, так и в смысле того, как мы можем обосновать, что тождество обладает свойством необходимости.

В модальной логике нетрудно вывести, что если x и y тождественны вообще, то они тождественны необходимо. Для этого достаточно в качестве посылок принять закон подставимости тождественных и необходимость тождества каждого объекта самому себе. Идея доказательства восходит к Рут Баркан [3] и в статье Крипке приводится в следующем виде:

- (1) $\forall x \forall y (x = y \supset Fx \supset Fy)$
- (2) $\forall x \Box (x = x)$
- (3) $\forall x \forall y (x = y \supset (\Box (x = x) \supset \Box (x = y)))$
- (4) $\forall x \forall y ((x = y) \supset \Box (x = y))$

Формулы (1) и (2) принимаются за аксиомы. (3) выводится из (1) путем замены F на « $\Box x = \dots$ ». А формулу (4) можно получить, опустив в (3) « $\Box (x = x)$ », «поскольку оно является заданным» [1, с. 341].

С другой стороны, кажется, что существует целый ряд истинных утверждений тождества, которые носят контингентный характер. Примерами таких суждений являются

- (5) Фосфор = Геспер
- (6) Вода = H_2O

(7) Штирлиц = полковник Исаев.

Таким образом, на лицо парадокс: отношение тождества является доказуемо необходимым, но при этом существуют очевидные примеры контингентного тождества. Отношение тождества и необходимо, и контингентно.

Крипке утверждает, что мнимая контингентность (5), (6), (7) является результатом непонимания того, что термины, входящие в состав этих суждений, являются «жёсткими десигнаторами», то есть имеют один и тот же референт во всех возможных мирах. А также от того, что мы ошибочно полагаем, что модальный статус суждения зависит от способа установления его истинности. Иначе говоря, мы заблуждаемся, думая, что суждение является необходимым только в том случае, если оно познаваемо априори. Поскольку в отношении (5), (6), (7) это неверно, так как последние познаются нами апостериори, то на основании ложного предположения, указанного выше, мы делаем неверный вывод, что они являются контингентно истинными, и, следовательно, существуют контингентные суждения тождества.

Уже ближе к концу своей статьи Крипке пытается раскрыть механизм возникновения иллюзии контингентности тождества.¹ Насколько я его понял, она возникает приближи-

¹ Вот место, которое является, на мой взгляд, ключевым для понимания идеи Крипке [1, с. 369]: «... [О]ба термина – «тепло» и «свет» – употребляются как жёсткие десигнаторы для обозначения внешних явлений. Поскольку тепло в самом деле является движением молекул и десигнатор является жёстким, то, рассуждая так, как рассуждала, мы приходим к выводу, что тепло *необходимо* есть движение молекул. Иллюзия случайности возникает вследствие того, что мы идентифицировали тепло по тому случайному факту, что на нашей планете оказались существа – а именно мы с вами, – которые определенным образом его ощущают, то есть для которых движение молекул и тепло – это одно и то же. А это случайность. Значит мы пользуемся дескрипциями «*то, что вызывает такое-то ощущение*» или «*то, что мы ощущаем таким-то образом*» для того, чтобы идентифицировать тепло. Но при этом мы используем случайный признак тепла ... для его идентификации. Мы, таким образом, ... употребляем термин *тепло* ..., чтобы *жёстко* обозначить объекты,

тельно следующим образом. Некоторый субъект S фиксирует референцию к некоторому объекту O с помощью термина T. T функционирует как жёсткий десигнатор. При этом S идентифицирует O с помощью его случайного признака. Таким образом S переносит контингентность того признака, с помощью которого он идентифицирует O, на тождество самого O, которое на самом деле является необходимым фактом. Из-за этого переноса и возникает иллюзия контингентности тождества. Например, термин «вода», с одной стороны, обозначает один и тот же объект – воду – во всех возможных мирах, где последний существует. С другой стороны, мы обычно воспринимаем воду жидкой. То, что мы воспринимаем воду жидкой – это случайный факт. Она могла бы восприниматься и по-другому. Но, установив, что то, что воспринимается нами жидким, то есть вода, тождественно H_2O , мы установили необходимую истину, если установили истину вообще. Поэтому то, что в нашем восприятии случайно представляется жидким, в реальности является необходимо тождественным H_2O . Однако, мы путаем эти вещи, ошибочно полагая, что то, что кажется нам жидким, могло бы и не быть тождественным H_2O , поскольку между тем, что нечто тождественно H_2O , и тем, что нечто является жидким, нет необходимой связи.

По крайней мере две идеи, высказанные Крипке в статье «Тождество и необходимость», имеют огромную ценность и принимаются многими современными философами. Это идея – «жёстких десигнаторов» и идея «апостериорной необходимости». Хотя против них можно выдвинуть некоторые возражения, прежде всего, касающиеся самой осмысленности понятия необходимости *de re* или различения между познанием априори и апостериори, в целом, современные авторы редко подвергают их сомнению. В дальнейшем, я буду исходить из того, что необходимость *de re* не только имеет смысл, но и является одной из центральных проблем, поднятых

которые они замещают. Термин движение молекул, разумеется, также является жёстким десигнатором: он всегда обозначает движение молекул и никогда не обозначает другого явления».

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Кришке. Правильность различия между априори / апостериори и необходимостью / случайностью как категориями, относящимися к эпистемологии и метафизике соответственно, так же представляется мне несомненной. То же самое я могу сказать об идее жёсткой десигнации постольку, поскольку она касается семантики. Тем не менее, с собственно решением Кришке проблемы контингентного тождества существует несколько трудностей, связанных с метафизикой и эпистемологией тождества и необходимости. На мой взгляд, эти проблемы не решаются чисто логически, то есть как бы мы не изменяли логику тождества или необходимости, мы не получим удовлетворительных ответов на возникающие у нас вопросы. Эти ответы могут быть получены только в рамках метафизики или эпистемологии. На мой взгляд, таких вопросов, по крайней мере, три. Во-первых, какова природа необходимости тождества, то есть, что значит, что если x тождественен y , то x необходимо тождественен y ? Во-вторых, каков источник необходимости тождества, то есть, что делает x необходимо тождественным y , если x тождественен y ? В-третьих, откуда мы знаем о необходимости тождества, то есть, каким способом нами познаются модальные свойства тождества? Эти вопросы, уже неоднократно поднимались в современной философии, однако, я думаю, что основное их прояснение еще только предстоит [4].

Рассмотрим доказательство Баркан-Кришке. Его валидность не вызывает особых возражений, чего, однако, нельзя сказать об истинности его посылок. В литературе чаще всего можно встретить два основных возражения. Первое состоит в том, что необходимость тождества влечет необходимость существования. Второе ставит под сомнение, что закон Лейбница распространяется на модальные свойства.

На первое Кришке отвечает, что необходимость тождества можно понимать так, что объект необходимо тождественен самому себе только в тех возможных мирах, в которых он вообще существует, называя это необходимостью в слабом смысле [1, с. 342; 352-352]. Некоторые современные философы отвечают на него более радикально, принимая идею необхо-

димого существования объекта [11; 12]. Однако, и тот, и другой ответ по умолчанию предполагает понимание необходимости в терминах семантики возможных миров. С этим связано, как я полагаю, несколько трудностей, которые я попытаюсь пояснить ниже.

Если необходимость понимается в слабом смысле, то всякий объект необходимо тождественен самому себе в любом возможном мире, в котором он существует. Если же необходимость понимается в абсолютном смысле, то всякий объект, необходимо тождественный самому себе, должен существовать во всех возможных мирах. Очевидно, что идея понимания необходимости как противоположности контингентности интересна только, если предположить существование более одного возможного мира. В противном случае необходимость и контингентность совпадут и различия между ними не будет. Если же предположить существование более одного возможного мира, то дальше – если мы понимаем необходимость в слабом смысле – нужно исключить для каждого объекта существование только в одном возможном мире, поскольку в противном случае будет неясно, что для объекта значит быть необходимо, а не контингентно тождественным самому себе. Принятие всех этих допущений означает, что если тождество – это необходимое отношение, то тождество – это трансмировое отношение, то есть отношение, имеющее место между объектами, принадлежащим разным возможным мирам.

На мой взгляд, проблема состоит в том, что Крипке в своей аргументации в пользу того, что $\forall x \forall y ((x = y) \supset \Box (x = y))$, исходит из самоочевидности и не проблематичности того, что $\forall x \Box (x = x)$ [1, с. 341]. Я полагаю, что это не так, по крайней мере, если принимать, как это делает Крипке семантику возможных миров. Она исключает многие метафизические теории необходимости, например, теорию Д. Льюиса, согласно которой каждый объект существует только в одном мире [7]; обязывает нас либо к экцентризму в

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

его скоттовской разновидности², либо заставляет нас признать различие между сущностными и акцидентальными свойствами; и накладывает дополнительные ограничения на понятие слабой необходимости. Назовем это метафизической перегруженностью второй посылки Крипке. На мой взгляд, единственный выход из этой проблемы – аргументация в пользу того, что все эти положения в своей совокупности являются наилучшей метафизической теорией, объясняющей наши базовые интуиции, касающиеся необходимости тождества. Однако я сомневаюсь, что это простая и легко выполнимая задача. Поэтому нельзя считать крипкеанскую посылку о необходимости тождества объекта самому себе самоочевидной.

Начнем с первого пункта. Если понимать необходимость тождества объекта самому себе так, как это делает Крипке, то другие теории необходимости, например, теория Д. Льюиса, должны быть признаны тривиально ложными. Поскольку это не так, то посылка о необходимости самотождества объекта не может считаться самоочевидной. Крипке полагает, что необходимость следует понимать как истину во всех возможных мирах. Следовательно, выражение «*x* необходимо тождественен *x*» означает, что во всех мирах *x* тождественен *x*. Отсюда, *x* существует во всех мирах, или, по крайней мере, больше чем в одном из миров. Это несовместимо с позицией Льюиса, согласно которой каждый индивид существует только в одном из миров. Следовательно, необходимость самотождества объекта, понимаемая в духе Крипке, исключает

² Хэксейтизм – философская доктрина, согласно которой у каждого индивидуального объекта существует особое свойство индивидуальности, отличающее его от всех других индивидов. Традиционно эта доктрина приписывается Дунсу Скотту, который полагал, что индивидуальность состоит в бескачественном нумерическом отличии одного индивида от другого. Лейбниц же, признавая существование хэксейтических свойств, настаивал на их качественном характере. В современной литературе проблема эвонности также имеет не последнее значение в том числе и в связи вопросом о трансмировом тождестве [8; 10].

люйсовскую теорию модальности. И таким образом, одна из ключевых посылок Крипке не может быть принята в качестве очевидной.

Второй пункт не столь очевиден. Почему Крипке должен либо признать существование хэксциентических свойств, либо признать различие между сущностными и акцидентальными свойствами? Мой аргумент состоит в следующем. Если тождество – это трансмировое отношение, то каждый объект, существуя больше, чем в одном возможном мире, может обладать различными свойствами в различных мирах. Например, в w_1 x обладает некоторым свойством F , а в w_2 , отличном от w_1 , он лишен этого свойства. Тогда каким образом в каждом мире, в котором x существует, он может оставаться самим собой, если у него нет либо набора свойств, без которых он не был бы самим собой, либо свойства быть именно этим объектом, то есть скоттовского свойства этовости? На мой взгляд, без сущностных свойств или этовости это невозможно. Даже если я не прав, то моя неправота, не является очевидной, а следовательно, посылка Крипке также не является очевидной.

Третий пункт состоит в том, что понятие «слабой необходимости», на которую ссылается Крипке для того, чтобы не принимать необходимости существования, должно включать в себя, по крайней мере, одно дополнительное ограничение по сравнению с тем, как его определяет сам Крипке. И это дополнительное ограничение показывает, что эта так называемая слабая необходимость не более, чем маневр *ad hoc*. Каждый объект для того, чтобы быть необходимо тождественным самому себе в смысле Крипке, должен существовать не просто в тех мирах, в которых он существует, но в более, чем в одном мире. А это условие явно *ad hoc*.

Еще одно семейство проблем решения Крипке связано в большей мере с эпистемологией, нежели чем метафизикой необходимости. Крипке разорвал связь между необходимостью и априорностью. Но разорвав эту связь, он поставил себя же в крайне затруднительное положение. Если раньше априорность была надежным индикатором необходимости,

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

то что теперь является таковым? Или необходимость апостериори – это всего лишь необходимость второго сорта, производная от необходимости априори? Рассмотрим доказательство Баркан-Крипке. Обе посылки, из которых выводится необходимость тождества, являются априорными. К. Пикок полагает, что, несмотря на то, что тождество воды и H_2O было установлено апостериори, необходимость этого тождества производна от априорного принципа необходимости тождества [9, р. 742]. Я полагаю, что сама необходимость или контингентность тождества не зависит от способа его познания. В этом смысле я думаю, что я вполне согласен с Крипке. Другое дело, трудно понять, как если не априори, я могу познать, что всякое тождество является необходимым отношением? От этого вопроса следует отличать вопрос об источнике необходимости тождества. Кажется, что одна из проблем аргументации Крипке состоит в том, что он переносит аналитическую истину, что $x = x$, которую Лейбниц считал необходимой именно в силу ее аналитичности [2, с. 418], и выводимый из нее с помощью принцип необходимости тождества на совершенно другой вопрос: что, если вообще что-то, делает всякий объект необходимо тождественным самому себе? Смешав эти два вопроса, Крипке виновен в *petitio principii*. Вместо того чтобы как-то объяснить необходимость тождества, он предположил ее заведомо истинной. Дело в том, что Крипке, с одной стороны, полагает, что необходимость каким-то образом коренится в природе самих вещей, в их сущности. С другой стороны, доказывая необходимость тождества, он принимает по сути, что необходимость самотождества вытекает из его аналитичности. На это указывают как ссылка, что истина « $\Box x = x$ » очевидна, так и ссылка на некое определение тождества [6, р. 73]. Необходимость самотождества очевидна только для того, кто принимает лейбницево учение о необходимости как аналитичности. Вряд ли этой путь доступен для Крипке и хорошо совместим с его пониманием метафизической необходимости.

Попробую объяснить, в чем именно я вижу здесь проблему. Начнем с аналитичности. Во-первых, кажется, что

аналитичность – это свойство не столько конкретных объектов, сколько свойство пропозиций, может быть производное от свойств понятий, входящих в состав этих пропозиций. Предположим, что пропозиция p является аналитической, если ее истинностное значение зависит только от значений входящих в нее концептов. Во-вторых, кажется, что есть связь между аналитичностью и необходимостью. Если p – аналитическая истина, то p – необходимая истина. В этом смысле можно сказать, что если пропозиция « $\forall x (x = x)$ » – аналитическая истина, то « $\forall x (x = x)$ » – также и необходимая истина. Далее вывод, что $\forall x \forall y ((x = y) \supset \Box (x = y))$, – это дело техники. Однако, здесь возникают два вопроса. Во-первых, является ли переход от аналитичности к необходимости правомерным? Во-вторых, является ли необходимостью, которая следует из аналитичности, метафизической необходимостью в смысле Крипке? Я не буду рассматривать здесь первый вопрос, просто предположу, что на него можно как-то ответить положительно. Однако положительный ответ на первый вопрос сам по себе не гарантирует положительного ответа на второй. Почему? Во-первых, метафизическая необходимость – это скорее свойство самих вещей, чем пропозиций о них. Поэтому то, что может истинно приписываться последним, обязательно может быть перенесено на первые без потери истинности. Во-вторых, многие так называемые аналитические истины имеют скорее конвенциональную, чем метафизическую природу. Например, истина «Каждый находится в том месте, в котором он находится». В-третьих, связь между аналитичностью и необходимостью обеспечивается в конечном итоге тождеством или включенностью друг в друга концептов, входящих в состав аналитических суждений, тогда как метафизическая необходимость гарантируется только тем, что сама природа вещей не может быть иной. Если это так, то вывод Крипке, что если вода = H_2O , то необходимо, что вода = H_2O либо есть не более чем просто аналитическая истина, если принять, что все аналитические истины необходимы, либо нужно ответить на вопрос, что в реальности де-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

дает тождество необходимым отношением. Поскольку источником метафизической необходимости тождества не может служить определение тождества, так как, во-первых, существуют обоснованные сомнения, что можно дать ему определение [5, р. 99]. Во-вторых, если бы такое определение и существовало, то вряд ли оно содержало бы в себе понятие необходимости. В-третьих, если оно и содержало бы в себе понятие необходимости, то необходимость тождества была бы аналитической, а не метафизической.

Какие выводы можно сделать из предущего обсуждения? Доказательство Баркан-Крипке валидно, но это аналитическое доказательство, оно мало что говорит нам о метафизике или эпистемологии тождества, если мы не примем дополнительных постулатов, например, что из аналитичности следует необходимость, и что эта необходимость – необходимость метафизическая. Различение между априорностью и необходимостью совершенно правильное, но из него не следует, что существует необходимость апостериори. Необходимость тождества станет понятной только тогда, когда у нас будет объяснение того, как наши понятия связаны с вещами, понятиями которых они являются, как они связаны между собой, и как эти связи становятся нам эпистемически доступны.

Литература

1. Крипке С. Тождество и необходимость / Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 13. – М.: «Радуга», 1982. – С. 340-371.
2. Лейбниц Г.В. Монадология / Г. В. Лейбниц. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. – М.: «Мысль», 1982. – с. 413-429.
3. Barcan R. The Identity of Individuals in a Strict Functional Calculus of Second Order // Journal of Symbolic Logic. - № 12. – 1947. – pp. 12-15.
4. Hale B. & Hoffman A. (eds.) Modality: Metaphysics, Logic and Epistemology. – Oxford University Press, 2010.
5. Hawthorne J. Identity / M. Loux, D. Zimmerman (eds). The Oxford Handbook of Metaphysics. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – pp. 99-130.

6. *Kripke S.* Identity and Necessity / Kim, J. & Sosa, E. (eds.), *Metaphysics: An Anthology*. Oxford et. al.: Blackwell Publishing, 1999. – pp. 72-89.
7. *Lewis D.* On Plurality of Worlds. – N. Y.: Basil Blackwell, 1986.
8. *Loux M.* (ed.) *The Possible and the Actual* / M. Loux. – Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1979.
9. *Peacocke C.* The A Priori / F. Jackson and M. Smith (eds). *The Oxford Handbook of Contemporary Philosophy*. – Oxford University Press, 2005.
10. *Rosenkrantz G.* Haecceity. An ontological Essay. – Dordrecht, Boston, London: Kluwer Academic Publishers, 1993.
11. *Williamson T.* Existence and Contingency // *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volume LXXIII* (1999). – pp. 181-203.
12. *Zalta E., Linsky B.* In Defense of the Simplest Quantified Modal Logic / *Philosophical Perspectives* (ed. J. Tomberlin). – № 8 (1994). – pp. 431-458.

Л.Д. Ламберов

ЗНАЧЕНИЕ, ДВУМЕРНАЯ СЕМАНТИКА И КОНТИНГЕНТНОЕ АПРИОРИ

This paper concerns the status of a priori contingent propositions and its connecting to the notion of meaning. Two-dimensional semantics is an attempt to solve the cognitive problem with the notion of rigid designator. According to two-dimensional approach a priori propositions can be defined as propositions that are true at all diagonal cells of two-dimensional truth tableaux. There are some counterexamples, which show that apriority cannot be defined this way. The paper argues that the notion of necessity should be dismissed from the definition of a priori propositions and two-dimensional approach cannot provide a way to defining of apriority.

Ключевые слова: *значение, двумерная семантика, априори, контингентность, метафизика*

Keywords: *meaning, two-dimensional semantics, a priori, contingency, metaphysics*

1. Идея жёстких десигнаторов

Понятие «жёсткий десигнатор» принадлежит С. Крипке, хотя он не был первым, кто высказал подобную идею. Вероятно, самой первой эту идею высказала Р.Б. Маркус. Понятие С. Крипке «жёсткий десигнатор» отличается от понятия Р.Б. Маркус «тэг» тем, что тэгами у последней являются только собственные имена, а жёсткими десигнаторами у С. Крипке могут выступать как собственные имена, так и термины естественных видов, местоимение «я» и даже определенные дескрипции при условии того, что они индексированы по возмож-

ным мирам. Идея, стоящая за указанными терминами, состоит в том, что собственное имя (или другая соответствующая грамматическая сущность) обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах (где только этот объект существует). Суть заключается в том, что мы рассматриваем множество возможных миров и только один язык – язык действительного мира. Например, термин «Венера» обозначает во всех возможных мирах тот же самый астрономический объект, что и в действительном мире.

Поскольку термины «Фосфор» и «Геспер» являются жёсткими десигнаторами, то есть обозначают во всех возможных мирах один и тот же объект, постольку утверждение

(1) Фосфор \equiv Геспер

является необходимой истиной. Однако, несмотря на то, что (1) является необходимо истинным утверждением, оно не является априорным, так как истинность (1) устанавливается на основании опыта. Таким образом, понятия необходимости и априорности отделяются друг от друга и переходят в ведение, соответственно, метафизики и эпистемологии.

2. Когнитивная проблема

Идея жёстких десигнаторов кажется вполне адекватной. Однако она создает определенную проблему. С точки зрения Г. Фреге утверждение (1) отличается от утверждения

(2) Фосфор \equiv Фосфор

тем, что первое обладает определенной когнитивной ценностью. Различие между (1) и (2) Г. Фреге объяснял тем, что хотя термины «Фосфор» и «Геспер» обозначают один и тот же объект, они обладают разными смыслами. Имена, по Г. Фреге, связываются с обозначаемыми объектами косвенно, посредством смысла. Однако если рассматриваемые термины обладают разными смыслами, то может ли (1) быть необходимо истинным утверждением?

Чтобы прояснить эту проблему необходимо обратиться к концепции интенционала/экстенционала Р. Карнапа. Соглас-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

но Р. Карнапу, если два десигнатора эквивалентны, то они имеют один и тот же экстенционал, если же они необходимо эквивалентны, то они обладают одним и тем же интенционалом. Интенционал представляет собой функцию, которая связывает экстенционал и возможное положение дел. Пары понятий «смысл / значение» и «интенционал / экстенционал» функционируют весьма схоже: тот или иной термин может иметь одно и то же значение, но разные смыслы, точно также некоторый термин может обладать одним и тем же экстенционалом, но разными интенционалами.

Далее, если (1) является необходимым утверждением (то есть, (1) истинно во всех возможных мирах), то должен ли у терминов «Фосфор» и «Геспер» быть один и тот же интенционал? Если (1) необходимо, то должен, но если (1) обладает когнитивной ценностью, то нет.

Рассматривая пример с терминами «Св. Иоаким» и «отец Марии» в предложениях «У Св. Иоакима была дочь» и «У отца Марии была дочь», М. Даммит [2, pp. 47-50] указывает, что поскольку термины «Св. Иоаким» и «отец Марии» отличаются друг от друга в том, что первый является жёстким десигнатором, а второй не является таковым, постольку мы вполне можем утверждать «У Св. Иоакима могло не быть дочери», но мы не можем утверждать «У отца Марии могло не быть дочери». Он [С. Крипке, *уточнение мое – Л. Л.*] делает вывод, что «У Св. Иоакима была дочь» и «У отца Марии была дочь» выражают разные пропозиции. Само слово «пропозиция» ненадежно. Эти два предложения без модальных операторов разделяют одно ассерторическое содержание; [...] предложения без модальностей отличаются друг от друга ингредиентным смыслом, будучи (логическими) содержаниями предложений с модальностями. Разница между ними лежит *исключительно* в том, что они вносят разный вклад в предложения, получаемые на их основе путем добавления модальных операторов или отрицания; в языке без модальных операторов это различие не заметно [2, p. 48].

Согласно М. Даммигу, ассерторическое содержание – это, грубо говоря, условия утверждаемости того или иного предложения. Под ингредиентным смыслом же он понимает тот аспект значения предложения, который участвует в формировании ассерторического содержания сложных предложений, получаемых путем введения модальных операторов.

Учитывая, что «Фосфор» в действительном мире обозначает вторую внутреннюю планету Солнечной системы, рассмотрим утверждение

(3) Фосфор \equiv вторая внутренняя планета Солнечной системы,

не являющиеся необходимо истинными, так как «вторая внутренняя планета Солнечной системы» не является жёстким десигнатором (в Солнечной системе планет может вообще не быть). С точки зрения М. Даммита, (2) и (3) обладают одним и тем же ассерторическим содержанием, но у них разные ингредиентные смыслы.

Кажется естественным распространить понятия «ассерторическое содержание» и «ингредиентный смысл» и на другие грамматические категории, обозначив измененные понятия как «содержание» и «смысл» соответственно. Так, можно предположить, что жёсткие десигнаторы «Фосфор» и «Геспер» обладают одним и тем же смыслом, но разным содержанием; то есть, у них (если так можно выразиться) разные условия утверждаемости, но их вклад в значения содержащих их предложений одинаков. Проще говоря, термин «Фосфор» применяется в действительном мире к звезде, видимой утром, но не к звезде, видимой вечером, несмотря на то, что «Фосфор» и «Геспер» обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах.

3. «Золотой треугольник» и «Ножницы Крипке»

Альтернативой рассмотренному подходу М. Даммита является двумерная семантика. Д. Чалмерс [1] метафорически описывает возникновение двумерной семантики, рассказывая о «Золотом треугольнике». Вершинами этого треугольника

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

являются модальность, значение и основание (то есть, характер основания или причина принятия того или иного утверждения). По мнению Д. Чалмерса, И. Кант объединил модальность и основание, Г. Фреге – основание и значение, а Р. Карнап – модальность и значение. Соответственно, они сделали это при помощи понятий необходимость / априорность, смысл / когнитивная значимость, интенционал / необходимость. Таким образом, трудами означенных философов возник «Золотой треугольник», характеризующийся следующими допущениями:

(Кантианский тезис) Предложение S необходимо тогда и только тогда, когда предложение S априорно;

(Фрегеанский тезис) Выражения a и b обладают одним и тем же смыслом тогда и только тогда, когда утверждение « $a \equiv b$ » когнитивно не значимо;

(Карнапианский тезис) Выражения a и b обладают одним и тем же интенционалом тогда и только тогда, когда утверждение « $a \equiv b$ » необходимо.

Из этих тезисов Д. Чалмерс выводит новый тезис:

(Неофрегеанский тезис) Выражения a и b обладают одним и тем же интенционалом тогда и только тогда, когда утверждение « $a \equiv b$ » априорно.

Соответственно излагаемому в первой части статьи, идея жёстких десигнаторов разделяет понятия необходимости и априорности. Так, жёсткие десигнаторы выполняют роль «Ножниц Кришке¹, которые разрушают целостность «Золотого треугольника». Напомню, что, учитывая идею жёстких десигнаторов, получается, что существует множество необходимых, но апостериорных истин (например, (1) и проч.). Разрушение кантианского тезиса предполагает разрушение и неофрегеанского тезиса. То есть, поскольку (1) является необходимо истинным, то термины «Фосфор» и «Геспер» обладают одним и

¹ Сам Д. Чалмерс не использует метафору «Ножницы Кришке», она введена вашим покорным слугой для дополнительного драматизма.

тем же интенционалом, но поскольку (1) является апостериорным утверждением, расширяющим наше знание, то интенционалы совершенно не похожи на смыслы в терминологии Г. Фреге. Сам Д. Чалмерс заключает: «Грубо говоря, это принятый на веру в современной аналитической философии взгляд: значение и модальность связаны, но ни то, ни другое не связано с основанием» [1, р. 59]. Тем не менее, не всех такая ситуация удовлетворяет.

4. «Утверждение» Р. Столнейкера и два отношения к возможным мирам

Статья Р. Столнейкера «Утверждение» [4] представляет собой один из ее столпов. Именно в ней вводятся двумерные диаграммы, в которых столбцы обозначают возможные миры как контексты утверждения (то есть, то, что определяет содержание утверждения), а строки – возможные миры как содержания утверждения (то есть, то, что утверждение, фактически, означает в данных возможных мирах). Далее, диагональ от левого верхнего угла таблицы к правому нижнему углу выражает диагональную пропозицию (позже Р. Столнейкер перестал называть ее пропозицией), которая «истинна в [возможном мире] i для всякого i тогда и только тогда, когда то, что выражается в высказывании в [возможном мире] i , истинно в [возможном мире] i » [4, р. 81] (то есть, i каждый раз рассматривается в качестве действительного и контрфактического мира). В том случае, когда диагональная пропозиция всегда истинна, она является априорной. Таким образом, «априорная истина – это утверждение, которое хотя и не выражает необходимой истины, выражает истину во всяком контексте» [4, р. 83]. То есть, априорное утверждение – это утверждение, имеющее значение «истина» везде по диагонали, но по горизонтали имеющее как значение «истина», так и значение «ложь». Данное понятие позволяет прояснить идею С. Крипке о контингентных априорных утверждениях. Так, утверждение «Длина палки S в момент времени t_0 составляет один метр» будет априорно, так как оно представляет собой фиксацию референции жёсткого десигнатора «один метр» в мире произнесения

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

этого утверждения, и контингентно, так как в разных возможных мирах палка S будет иметь разную длину. Если для этого утверждения построить двумерную таблицу, то диагональная пропозиция будет истинна во всех возможных случаях, так как какую бы фактическую длину не имела палка S в возможном мире i , ее длина в i будет обозначаться жёстким десигнатором «один метр», чья референция зафиксирована именно для этого i :

	W_1	W_2	W_3
W_1	И	Л	Л
W_2	?	И	?
W_3	?	?	И

Тем не менее, позже Р. Столнейкер подверг сомнению возможность объяснения априорных контингентных утверждений с помощью двумерных диаграмм [4, pp. 12-16]. Например, выражение « $7+5=12$ » в некотором мире, в котором принята восьмиричная система исчисления, будет в соответствующей ячейке, принадлежащей диагонали двумерной диаграммы, иметь значение «ложь». Таким образом, «мы должны либо выделить основания для исключения таких возможных миров [...], либо найти другой способ ассоциации пропозициональных концептов с событиями высказывания» [4, p. 16]. Как бы то ни было, двумерные диаграммы позволяют внести ясность в примеры, используемые С. Крипке. Однако, и более того, если пример с « $7+5=12$ » демонстрирует, что априорные утверждения не являются истинными во всех ячейках диагонали, то это можно обернуть и наоборот – представляется, что можно предложить такой пример, который хотя и будет истинен во всех ячейках диагонали, не будет считаться нами интуитивно априорным [3, p. 9].

Как было указано в начале статьи, в отношении жёстких десигнаторов мы рассматриваем множество возможных миров и только один язык, язык действительного мира. Однако, мы

можем рассматривать множество возможных миров и для каждого из них соответствующий язык (эта позиция близка семантическому плюрализму). Точнее, мы занимаем особое положение по отношению к некоторому возможному миру: некоторый возможный мир принимает так, как если бы он был действительным. То есть, в первом случае мы рассматриваем некоторый возможный мир в качестве контрфактического мира, а во втором – как в качестве действительного мира. Например, термин «Фосфор» в действительном мире обозначает планету Венеру, референция этого термина фиксируется определенной дескрипцией «Звезда, видимая перед восходом Солнца». Термин «Фосфор» является жёстким десигнатором, то есть во всех возможных мирах он обозначает один и тот же объект. Однако термин «Фосфор» не синонимичен указанной дескрипции, поскольку в каком-то другом возможном мире звездой, видимой перед восходом Солнца, может оказаться не Венера, а, скажем, Марс. Эта интерпретация соответствует первому случаю (1). Тем не менее, предположим, что возможный мир, в котором дескрипция «Звезда, видимая перед восходом Солнца» обозначает Марс, является действительным миром, и в этом мире в рамках языка, используемого в этом мире, термином «Фосфор» была бы названа планета Марс. Тогда, в соответствии с принятым в этом возможном мире языком, *ceteris paribus* истинным будет утверждение «Фосфор является четвертой внутренней планетой Солнечной системы». Эта интерпретация соответствует второму случаю (2).

Таким образом, двумерная диаграмма читается так, что для некоторого утверждения, если мы заполняем диаграмму, строка соответствует тому, язык (или семантическая структура) какого возможного мира принимается для интерпретации терминов данного утверждения (или, точнее, строка соответствует тому, какой возможный мир принимается в качестве действительного), а столбец соответствует тому, в каком возможном мире эта интерпретация оценивается как истинная или ложная (или, точнее, столбец соответствует тому, какой возможный мир принимается в качестве контрфактического). Таким образом, получается, что когда мы рассматриваем неко-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

торый возможный мир одновременно в качестве действительного и в качестве контрфактического, то мы заполняем оценочной диагональную ячейку. Двумерная семантика призвана, таким образом, учесть оба указанных отношения к возможным мирам. Итак, в рамках двумерной семантики выделяется два «измерения» значения – первое измерение соответствует референту рассматриваемого выражения, второе же измерение соответствует тому, как в некотором данном возможном мире референция рассматриваемого выражения зависит от различных внешних (экстралингвистических) факторов (например, самой структуры мира).

Сам же терминологический аппарат двумерной семантики весьма разнообразен. Различие в терминологии соответствует (иногда несущественному) различию в семантических концепциях. Как бы то ни было, большинство разногласий возникают при интерпретации двумерной семантики. В качестве примера можно указать следующие альтернативы: характер и содержание, глубокая и поверхностная необходимости, первичный и вторичный интенционал и т. д. Одни говорят о том, что те или иные предложения выражают различные пропозиции, другие полагают, что мы имеем дело с двумя различными смыслами модальных понятий, третьи интерпретируют двумерную семантику как способ обнаружения разнородных интенционалов.

5. Двойственность контингентного априори

Каким же образом следует определить априорные утверждения? Можно вспомнить, что, например, И. Кант предполагал, что априорные утверждения истинны с необходимостью и известны нам до всякого опыта (или, говоря точнее, обоснование этих утверждений не требует обращения к опыту). Какую из этих двух характеристик подрывает возможность контингентных априорных утверждений? И как соотносится понятие необходимости в определении априорности с понятием контингентности в фразе «контингентное априори»?

Как было указано, контингентным априорным утверждением является такое утверждение, которое везде по диагонали

является истинными, но хотя бы в одной недиагональной ячейке является ложными. В рамках двумерной семантики (в след за С. Крипке) такое утверждение называется эпистемически необходимым в отличие от метафизически необходимого (то есть, истинного во всех ячейках по горизонтали, какими является (1)). Уже был приведен пример выражения « $7+5=12$ », которое, как кажется, не является необходимо истинным по диагонали.

Рассмотрим более внимательно рассуждения, которые заставляют нас отказать выражению « $7+5=12$ » в априорном характере. Основной причиной возникновения вопроса об априорности рассматриваемого выражения является то, что, казалось бы, априорные утверждения должны *в некотором смысле* быть необходимыми. В частности, контингентные априорные утверждения, как предполагается, необходимы в том смысле, что они истинны во всех диагональных ячейках. Напомню, что когда мы оцениваем некоторое утверждение и доходим до диагональной ячейки, то мы относимся к соответствующему возможному миру одновременно как к действительному и как к контрфактическому. Возможно это двойственное отношение к одному и тому же, если можно так выразиться, объекту (возможному миру) порождает определенную иллюзию. Термины « $5+7$ » и « 12 » являются жёсткими десигнаторами и их референция фиксируется в *нашем* действительном мире, но если некоторый *возможный* мир рассматривается как действительный, то поскольку в нем референция этих терминов *может быть* зафиксирована *отличным образом*, то в этом мире это утверждение *может оказаться* ложным. То есть, это утверждение ложно в том случае, когда возможный мир, в котором референция этих терминов зафиксирована в соответствии с восьмеричной системой исчисления, мы принимаем *в качестве* действительного. В диагональной ячейке, соответствующей принятию этого возможного мира *в качестве* действительного, будет стоять значение «ложь». Тем не менее, это справедливо не для всех априорных контингентных утверждений.

Рассмотрим специальный оператор «в действительности» (обозначим его как A):

(4) $A_p \rightarrow p$.

Приведенное утверждение может пониматься, например, так: «Если в действительности $5+7=12$, то $5+7=12$ ». Что означает, что если в действительном мире (т. е., в принимаемом в качестве действительного) $5+7=12$, то $5+7=12$. Очевидно, что это утверждение в некоторых недиагональных ячейках будет ложно, но оно будет истинно во всех диагональных ячейках по определению импликации.

Когда мы оцениваем некоторое утверждение, то в диагональную ячейку ставится истинностное значение, получаемое в ситуации, когда некоторый возможный мир одновременно принимается и как действительный, и как контрфактический. Однако когда мы говорим, что референция терминов « $5+7$ » и « 12 » может быть в некотором мире зафиксирована по-другому, мы утверждаем это исходя из *нашего* действительного мира. Представляется, что эта «раздвоенность» отношения к возможным мирам порождает ситуации когда утверждения, считающиеся априорными, на деле не являются истинными везде по диагонали. Говоря метафорически, поскольку метафизическая модальность (например, метафизическая необходимость) и эпистемическая модальность (например, эпистемическая необходимость) отражают друг друга будто бы в кривом зеркале, то точно также отражают друг друга действительный и возможный миры. Дело в том, что априорные утверждения априорны не по только своей форме, а также благодаря тому, как в том или ином возможном мире зафиксирована референция терминов, поэтому априорность (подобно значению) в некотором смысле зависит от самой структуры мира. Говоря более точно, можно выделить «иерархию» априорности – можно выделить утверждения априорные по своей форме и утверждения, которые по отношению к некоторым возможным мирам могут оказаться априорными. Строго говоря, последний тип априорных утверждений предполагает изгнание не только метафизической необходимости, но и необходимости эпистемической из определения априорности. Таким образом, представляется, что понятие априорности вряд

Л.Д. Ламберов Значение, двумерная семантика и ...

ли может быть эксплицировано в рамках двумерной семантики.

Литература

1. *Chalmers D.* The Foundations of Two-Dimensional Semantics. – in Garcia-Carpintero M., Macià J. Two-Dimensional Semantics. Oxford: Clarendon Press, 2006.
2. *Dummett M.* The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
3. *Garcia-Carpintero M., Macià J.* Introduction – in Garcia-Carpintero M., Macià J. Two-Dimensional Semantics. Oxford: Clarendon Press, 2006.
4. *Stalnaker R.* Context and Content. Oxford: Oxford University Press, 1999.

С.В. Данько

УСЛОВИЕ АПОСТЕРИОРНОГО ТОЖДЕСТВА

In the article position of S. Kripke, which is presented in his lectures "Identity and necessity", is considered. The thesis is proved that necessity of identity for names with strict reference will be carried out on the whole universum of such names, as non-descriptive names do not have their own sense. It excludes for them reference to various objects (or to classes of objects). The identity of non-descriptive names is possible only in a case poly-naming of the same object or of the same class of homogeneous objects (in case of a general non-descriptive name).

Ключевые слова: *тождество, необходимость, дескрипция, Крипке*

Keywords: *identity, necessity, description, Kripke*

В статье рассматривается позиция С. Крипке, представленная в лекции "Тождество и необходимость". Доказывается тезис, что необходимость тождества для имен с прямой референцией будет выполняться на всем универсуме таких имен, поскольку неописательные имена не имеют собственного смысла. Это исключает для них референцию к различным объектам (или классам объектов). Тождество неописательных имен возможно только в случае двойного именованя одного и того же объекта или одного и того же класса однородных объектов (в случае общего неописательного имени).

В лекции «Тождество и необходимость» [4] С. Крипке приводит ряд примеров, которые, как он полагает, доказывают необходимость некоторых апостериорных тождеств.

Обсуждая тождество имен «Геспер» и «Фосфор», Кришке приходит к выводу о необходимости этого тождества для всех возможных миров. Кришке считает эти имена тождественными в силу прямой референции имен к одному и тому же объекту. Поскольку это имена собственные, очевидно, сам язык ничего не сообщает об их отношении, и только благодаря опыту («непосредственному знакомству») можно узнать, что «Геспер» и «Фосфор» - одна и та же планета. Поскольку опыт изменчив, тождество может развалиться. Что же побудило Кришке отстаивать это тождество?

Я думаю, что аргументы Кришке можно понять следующим образом: дескрипции сохраняют свой смысл, независимо от совпадения, или даже самого существования их объектов (как в примере с главным почтмейстером США и изобретателем бифокальных очков). Имена с прямой референцией не имеют собственного смысла, и потому их употребление возможно лишь за счет строго определенных объектов, которые они именуют в определенной ситуации (при «непосредственном знакомстве»). Если дескрипции, утрачивая свою тождественность, сохраняют свой прежний смысл, то собственные имена, будучи оторваны от своих объектов, становятся просто *другими* именами, даже если их звучание и написание остается прежним. Поэтому, если в «нашем» мире имена Геспер и Фосфор — тождественны, то в любом из возможных миров они останутся тождественными, если же они перестанут быть тождественными, то это будут вообще другие имена. Тождество дескрипций не является необходимым, поскольку в некоторых возможных мирах их объекты могут совпадать, а в некоторых — быть различными, при том, что смысл дескриптивных выражений полностью сохранится и в этих мирах.

Возражение, что именем «Геспер» можно назвать и планету, и, например, собаку, несостоятельно: очевидно, что слово «Геспер» в перенесении на собаку не сохранит ничего, что ранее «крепило» его к небесному телу. Мы просто получим два разных имени, у которых кроме звучания и написания не будет ничего общего.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Если бы, например, количество скрипачей и трубачей сократилось до одного представителя от каждого класса и этим представителем оказался бы один и тот же человек, то «тождество» скрипачей и трубачей все равно было бы случайным: поскольку дескрипция допускает пополнение класса объектов, т. е. всегда может появиться еще один скрипач или трубач, и нет никаких *аналитических* гарантий, что тождество скрипачей и трубачей сохранится во всех возможных мирах. Но мы не можем сказать — появился еще один Бенджамин Франклин, или еще одна, та же самая, планета Геспер. Такие имена не предполагают расширения класса означаемых объектов. Как нельзя сказать «появился еще один *вот этот* (именно этот) предмет». Можно сказать — «появился точно такой же предмет», но нельзя сказать «появился еще один *этот* предмет».

Понятно, что тождества имен с прямой референцией к одному конкретному объекту не могут уточняться аналитически, поскольку общее логическое пространство не задает их отнесения к данному объекту. То есть у нас сохраняется свобода назвать конкретный объект произвольно, как нам вздумается. Но если мы уже это сделали, то за пределом своей прямой референции имя конкретного объекта не существует как знак, оно более ничего не означает, оно не сохраняет некий «субстанциальный смысл», позволяющий подводить под него иные объекты.

Для того чтобы установить тождество имен с прямой референцией требуется опыт, иначе говоря, надо просто знать, что они означают одно и то же. Но отсюда не следует, что такие тождества случайны в том смысле, в каком случайны «тождества» (совпадения объектов) дескрипций. С собственными именами дело обстоит так: если нам известно, что имена тождественны, то мы принимаем это тождество как необходимое для всех возможных миров (так как, такие имена не могут иметь *иных* предположительных значений, как это происходит в случае дескрипций). Если известно, что имена не тождественны, то они не будут тождественны для всех возможных миров (по тем же причинам, по которым они сохраняют однаж-

ды установленное тождество). Если о тождестве имен ничего не известно, то и говорить не о чем.

Критерий различия дескрипций и имен с прямой референцией довольно прост: под дескрипцию логически возможно подвести *другие* имена, иначе именуемые объекты, для которых свойства, описанные дескрипцией, будут случайными. Для имен с прямой референцией этого сделать нельзя. Относительно дескрипций имена естественных видов или общие имена функционируют так же, как собственные. Стол, стакан, птица, человек — не являются дескрипциями в том качестве, в каком ими являются имена «король», «скряга», «почтмейстер» и т. п. Я думаю, что Рассел не стал бы возражать, что ничто, кроме стола не может подводиться под класс столов (хотя сами столы могут подводиться под различные дескриптивные имена). Поэтому ни в одном из возможных миров имена «стол» и «стакан» не будут тождественны, хотя для их описаний уже возможно совпадение объектов, устанавливаемое при «непосредственном знакомстве».

Дескриптивные выражения сообщают о ситуации, о происходящем, и оставляют вакантным место для объекта, с которым это происходит. Имена собственные, и неописательные общие имена не сообщают о происходящем, а просто именуют объект, предполагая, тем самым, что непосредственное знакомство с их объектом или объектами (в случае общих неописательных имен) уже состоялось, поэтому они либо *уже* тождественны (в случае двойного наименования, например), или *уже* нетождественны и такими останутся для всех возможных миров.

Загадочность примеров, приведенных Кришке, происходит, возможно, из-за подмены одного вопроса другим. В его первом примере, если речь идет об *установленном* двойном именовании одного небесного тела, то тождество «Геспера» и «Фософора» действительно необходимо в силу прямой референции к одному объекту. Если же ставить вопрос о том, действительно ли то, что названо «Геспером» и то, что названо «Фосфором» — одно и то же небесное тело, то ни о каком тож-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

дестве нет и речи, мы имеем дело с фактом, который может иметь или не иметь места («а вдруг астрономы ошиблись?»).

Аналогично с тождеством «тепла» и «движения молекул». Здесь Кришке незаметно переходит от обсуждения «тепла» как физической реакции организма к «теплу» как физическому явлению, которое в физике, по мнению Кришке, можно определить как «движение молекул». В первом случае можно ставить вопрос о факте — действительно ли субъективное ощущение тепла вызывается движением молекул? Очевидно, только опыт может способствовать установлению тождества и положительному (как и отрицательному) ответу на этот вопрос. Во втором случае, если физика дает такое определение (насколько мне известно, это не так), мы снова получаем прямую референцию к одному объекту, тождество оказывается необходимым.

В последнем случае, когда речь заходит о психофизическом тождестве имен «боль» и «раздражение С-волокон» — факт взаимосвязи соответствующих явлений может обсуждаться, но тождество этих имен, действительно, отсутствует. Боль — индивидуальное состояние субъекта, который не говорит «я испытываю раздражение С-волокон» (равным образом в предыдущем примере нельзя сказать «я ощущаю движение молекул» или «у меня есть ощущение тепла» — в том смысле, в каком о «тепле» говорит физика). Различие словарей, различие способов описания явлений с позиции науки и с позиции индивидуальных состояний субъекта, видимо, исключает психофизическое тождество как результат очередного двойного именованя. Здесь речь может идти только о факте: «состояние боли у испытуемого совпадает по времени с наблюдаемыми процессами в его организме, с фиксацией раздражения нервных волокон». Наука может настаивать на необходимой связи этих явлений, но тождества здесь нет.

На мой взгляд, сказанного достаточно для прояснения мысли Кришке, но если, все же, ставить вопрос о необходимости тождества имен с прямой референцией хотя бы в одном из

возможных миров, то это потребует дополнительного пояснения.

Если, допустим, на столе лежит книга, мы можем, наблюдая это событие, считать данный факт установленным. Но из этого не следует, что книга *необходимо* лежит на столе, очевидно, она могла бы там и не лежать. С этим трудно не согласиться, но обратим внимание на логические условия отрицания данного факта, на логику предположения, что книга может и не лежать на столе.

Очевидно, дело не в природной необходимости или случайности, поскольку природа не знает, что такое «книга» или «стол». В «порядке *природы*» нахождение книги на столе можно зафиксировать как необходимое звено в цепи физических процессов (если только мы не придерживаемся квантовой теории), но книга будет не книга, а стол — не стол. Чем будет то и другое, нам скажет физика, которая будет, понятное дело, молчать об артефактах.

Переход к артефактам тоже не спасет положения: то, что книга могла оказаться на столе случайно (выпала из сумки), или не случайно (некто сознательно ее там разместил), позволяет, действительно, различать намеренные и случайные события, но Крипке, очевидно, не пытается апеллировать к такой интерпретации событий. Если, все же, учесть эту интерпретацию, то в обсуждении тождества имен речь пойдет исключительно о намерении, которое привело к тому или иному тождеству имен. Т. е., если в намерение какого-либо субъекта входило дать объекту несколько имен, тождество не является случайным, если такого намерения не было, оно случайно. Тогда тождество Геспера и Фосфора окажется случайным, поскольку в намерения субъектов, видимо, не входило создание этого тождества, а вот тождество, например, имен «Феликс», «Якоб», «Людвиг» и «Мендельсон-Бартольди» в применении к известному композитору можно считать не случайным, правда, лишь в той части, в какой последовательность одних имен пришла в сочетание с новым именем, связанным с рождением очередного представителя рода.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Итак, дело не в природной необходимости, поскольку природная необходимость описывается на другом языке (саму возможность и, условно говоря, способ этого описания мы тоже оставляем в стороне), и не в наличии или отсутствии намерения дать объекту несколько имен. Кришке явно тяготеет к особому рода *логической* необходимости обсуждаемых им тождеств (хотя и создает, невольно, интригу «метафизического» порядка).

Сделав допущение о чисто логической подоплеке рассуждений Кришке, вернемся к лежащей на столе книге, и поставим вопрос так: что в структуре самого языка позволяет считать это факт обратимым? На каком *логическом* основании мы вправе допустить, что книга могла бы и не лежать на столе? Очевидно, это основание заключается в том, что дескриптивное выражение «лежащее на столе» может не иметь такой референт как *книга*, или *данная книга*, а иметь другие референты (тетрадь, журнал, карандаш, селедка и т. п.) или вообще не иметь референта. Все это дает возможность помыслить контрфактическую ситуацию — книга может не лежать на столе (а находиться в другом месте), и то, что лежит на столе, может не быть книгой (быть чем-то иным).

Соответственно, если речь идет не о Геспере и Фосфоре, а о том, что *называется* Геспером и Фосфором, необходимого тождества не будет. Высказывание «то, что называется Геспером и Фосфором, могло бы не называться Фосфором» вполне корректно, но мы тут имеем дело не с «жесткими десигнаторами», а с дескрипциями. Референтом выражения «то, что носит имя Геспер» может быть как планета, так и собака, а может вообще не быть никакого референта, в то время как у имени Геспер всякий раз будет ровно один референт. Если, допустим, референта нет вообще, тогда Геспер не имя, а сотрясение воздуха или произвольная совокупность букв.

Если нам известны референты «Геспера» и «Фосфора», то под словом «Геспер» мы сразу же понимаем не «то, что называется словом Геспер», а строго саму планету, именно ее мы мыслим, точнее — воображаем «непосредственное знакомство», прямое наблюдение этой планеты. И точно так же будем

мыслить именно ее, эту же самую планету, произнося слово «Фосфор» (если считаем, что объект у них общий. Тогда допущение «Геспер не Фосфор» будет означать, что *эта планета* (Геспер) не является *этой же планетой* (Фосфор). Очевидно, так мы нарушим закон тождества, поэтому нельзя допустить, что Геспер мог бы и не являться Фосфором (т. е. эта планета могла бы не являться этой же планетой).

Рассуждения Крипке могут создать иллюзию, что тождество имен гарантирует истинность факта (хотя Крипке на это, скорее всего, не претендует). Я же стремлюсь показать, что идея Крипке работает только в случае *уже* установленного тождества имен, которое, увы, ничего не сообщает о происходящем, и сводится к самоожествственности объекта, к тому, что каждый предмет является самим собой. Логическая истина остается логической истиной, а не истиной факта.

Другой пример, приведенный Крипке, показался мне более любопытным, здесь, похоже, речь уже идет о необходимости факта: мог ли деревянный стол «с самого начала не быть деревянным»? Крипке утверждает, что это невозможно, получая еще один пример необходимого тождества. Я не буду здесь разбирать все его аргументы, поскольку вижу только один способ обоснования его позиции, который и приведу.

Прежде всего, хочу предостеречь от путаницы, которая может возникнуть в связи с картезианской интерпретацией вопроса, тем более, что Крипке ее упоминает с известными упущениями. Картезианское сомнение вполне применимо к *вот этим* объектам (Крипке считал иначе), оно допускает, что данный стол, на который указывает Крипке, может только казаться деревянным. Например, кто-то изловчился и подsunул в аудиторию стол, сделанный из льда. Любой картезианский скептик мог бы заявить — вам только кажется, что стол деревянный, всегда сохраняется возможность заблуждения. Тогда Эдвард Мур мог бы, условно говоря, выступить «в защиту» Крипке, и сказать «абсурдно сомневаться в том, что мы уже установили, это приведет к полному хаосу». В ответ на это Витгенштейн мог бы предъявить свою теорию следования правилу, и тогда вопрос «действительно ли этот стол сделан из

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

дерева, а не из замершей воды Темзы» на определенном этапе оказался бы бессмысленным: нет никакой возможности «продолжить исследование», практика уже показала, что стол не из льда, что еще мы можем сделать, распилить стол на части и продолжать сомневаться, что это куски дерева, а не льда? Правда, в этом случае вся «необходимость», о которой толкует Крипке, свелась бы к вопросу следования правилу, и к тому, как используются слова в ситуациях их употребления.

Я думаю, что эта воображаемая дискуссия по мотивам картезианского сомнения не имеет отношения к обсуждаемой проблеме. Когда Крипке ставит вопрос о том, мог бы этот стол не быть деревянным, он не имеет в виду возможность собственного заблуждения, и не важно, исключает он его или нет. В таком виде вопрос сводился бы, в конечном итоге, к тому, что мы еще не установили окончательно, каков этот стол. Но попытаемся понять другой вопрос: «мог ли этот деревянный стол не быть деревянным, при том условии, что с самого начала был деревянный». Могло ли так случиться, что именно этот стол был бы сделан из льда? Вопрос звучит, действительно, странно, и есть подозрение, что он бессмысленный, но его можно попытаться понять по аналогии с предложением «книга лежит на столе, но могла бы и находиться в другом месте».

Здесь мы переходим в область «ретроспективного» моделирования контрфактических ситуаций, и нам следует уточнить, как это происходит.

Нетрудно заметить, что ретроспективное моделирование практически не отличается от «перспективного»: мы просто «занимаем», мысленно, определенную позицию в прошлом, и с того момента начинаем «перспективное» моделирование событий. Например, можно мысленно перенестись на час назад и смоделировать «будущее недавнего прошлого», например, поход в кинотеатр вместо сидения за компьютером, или перенестись в 1410 год и переиграть Грюнвальскую битву. Здесь важно заметить, что все события «будущего» для каждой точки отсчета становятся «небывшими», как будто их не было вовсе. Как далеко мы можем зайти в этом процессе? Поставим вопрос: мог ли стол, который обсуждался Крипке, находиться

в другой комнате? Переносимся мысленно в прошлое, подхватываем стол до начала выступления Крипке и выносим в холл. Одновременно заливаем в форму воду Темзы, доставленную расторопным посыльным, замораживаем, покрываем термостойкой оболочкой, и красим под дерево. Этот предмет вносим в аудиторию, куда минуту спустя входит Крипке и начинает свою замечательную лекцию. Это не должно никого смущать, поскольку установленный в холле стол остался, как сказал бы Крипке, деревянным. Но если в таком духе рассуждать дальше, то все, действительно, сведется к «банальному» закону тождества: если этот стол деревянный, то он деревянный. Поэтому оставим деревянный стол на месте, заметив, что он мог быть перенесен в другое место, мог быть сломан, мог быть покрашен оранжевой краской и т. п. Однако все эти ретроспективные новшества требует выполнения одного очень важного условия: данный стол должен *уже существовать*, прежде чем с ним что-либо произойдет. Опустим вопрос возможности преобразования этого деревянного стола в этот же ледяной, для нас важнее ответить на вопрос: мог ли он, будучи с момента своего возникновения деревянным, с того же момента не быть деревянным?

Если исключить возможность преобразования дерева в лед, льда в дерево и т. п., то с определенных позиций, видимо, можно согласиться с Крипке: действительно, если стол сразу начал существовать как деревянный, а до этого ни в каком виде не существовал, то ретроспективное моделирование не может быть запущено до возникновения стола как деревянного. После его возникновения возможна любая контрфактическая ситуация, которая позволит нам в воображении учитывать именно этот стол, но единственный способ «отменить» деревянность стола в ретроспективном моделировании — признать, что с самого начала он не был деревянный. Если считать, что стол вначале своего существования был деревянным, то допущение, что он мог не быть деревянным, становится невозможным, поскольку предполагает существования стола до того, как он начал существовать. Равным образом нельзя допустить, что с самого начала он мог быть больше, чем был:

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

этот вопрос Крипке тоже отсылает нас к моменту его возникновения, и мы опять упираемся в необходимость постулировать существование предмета до того, как он начал существовать, приняв ту форму, которую принял в самом начале существования. Также мы не можем сказать, что этот стол мог быть изготовлен раньше или позже. Как у Августина - мир не мог быть создан раньше или позже, и действительно, не мог, поскольку время для него исчисляется только в пределах его существования. То, что верно для мира, верно для любой вещи: для того, чтобы признать, что этот стол мог быть изготовлен раньше или позже, придется помыслить его существование до того, как он начал существовать, или несуществование после того, как он начал существовать и до того, как прекратил существовать.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Лекция об этике // Историко-философский ежегодник. М., 1989.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. / Пер. с нем. Добронравова И. и Лахути Д., Общ. ред. Асмуса В. М., 1958.
3. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2.
4. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М.: Радуга, 1982, с. 340 – 376
5. *Рассел Б.* Философия логического атоизма. — Томск: Водолей, 1999.
6. *Рассел Б.* Исследование значения и истины / Общ. науч. ред. Е. Е. Ледникова. — М., 1999.
7. *Russell B.* On denoting – *Mind*, 14, 1905.

В.В. Горбатов

**УЯЗВИМЫЕ МЕСТА НЕОБХОДИМОГО ТОЖДЕСТВА,
ИЛИ «РОГАТКА» ДЛЯ КРИПКЕ**

The paper deals with the problem of identity in modal perspective. Two logical approaches – non-fregean logic (developed by R. Suszko) and rigid designation theory (developed by S. Kripke and others) – are compared. Despite of all their differences, these two theories treat the problem of identity in similar ways. So we can suppose that some vulnerable points of the former (namely, a problem connected with “slingshot argument” – a term coined by Jon Barwise and John Perry) are hidden in the later too. A variant of “slingshot argument” for kripkean theory is presented with a view to prevent a misinterpretation of main Kripke’s ideas.

Ключевые слова: тождество, жёсткий десигнатор, “аргумент рогатки”, Крипке, нефрегевская логика, Сушко

Keywords: identity, rigid designator, slingshot argument, Kripke, non-fregean logic, Suszko

1. Параллелизм между нефрегевской логикой и теорией жёстких десигнаторов

В 1970-е годы развитие неклассических логик привело к появлению нескольких концепций, претендующих на то, чтобы нетривиальным образом связать понятия тождества, необходимости и референции. В настоящей статье будут рассмотрены две такие концепции – нефрегевская логика Романа Сушко (NFL) и теория жёстких десигнаторов Сола Крипке

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

(RDT)¹. Нетрудно заметить, что между NFL и RDT существует определённый параллелизм. Обе эти концепции

1) идейно восходят к вигенштейновским интуициям по поводу значения и истины, противопоставляя их фрегеговской логико-семантической модели,

2) работают в рамках не трех-, а двухуровневой теории референции,

3) различают дескриптивное тождество и кореференциальность,

4) тяготеют к модализации тождества – причем, что важнее всего,

5) теоретические основы этой модализации напрямую связываются с демаркацией сферы онтологии, отграничением её от логико-эпистемологических построений (разделение «логического» и «онтологического» у Сушко, «эпистемического» и «метафизического» у Крипке)

Конечно, между рассматриваемыми концепциями имеются и серьезные различия: так, например, в NFL преимущественным объектом рассмотрения является пропозициональное тождество, в RDT – тождество индивидов; NFL предполагает онтологию ситуаций, RDT – онтологию объектов и свойств, и т. д. Однако перечисленные выше сходства достаточно точны, чтобы предположить, что уязвимые места одного из сравниваемых подходов могут коррелировать с таковыми в другом.

Главной целью данной статьи является демонстрация того, что против крипкевской теории жёстких десигнаторов, при принятии некоторых вполне естественных дополнительных посылок, может быть выдвинут аргумент типа «рогатки» – аналогично тому, как целая серия подобных аргументов («Рогатка Гёделя», «рогатка Чёрча», «рогатка Дэвидсона» и др. –

¹ Стоит отметить, что сам Крипке зачастую характеризует свои ранние взгляды на тождество, именование и референцию не столько как систему тезисов, задающих некую теорию в строгом смысле слова, сколько как определенную «картину» (*picture*).

см., напр., [6; 7; 11]) была выдвинута против нефрегевской логики.

Необходимо подчеркнуть, что объектом критики в данном случае выступает не столько концепция самого Крипке, сколько те «вольные» её интерпретации, которые можно встретить иногда в современной литературе по теории референции. Хотя сам американский логик, несомненно, давал поводы для подобных интерпретаций, последние, как мне кажется, могут и должны быть отброшены (при обнаружении в них скрытых противоречий) без ущерба для базовых тезисов кришкеанства в целом.

2. Проблема тождества в нефрегевской логике

В 1966 г. Р. Сушко, прочитав рукопись книги Б. Вольневича [15], посвящённую формальной реконструкции онтологии витгенштейновского *Трактата*, вдохновился на создание нового логического исчисления. Это исчисление, названное им «нефрегевской логикой» (NFL)², оказалось богато глубокими философскими интуициями и вызвало оживленные дискуссии как среди логиков (А. Чёрч, Р. Вуйцицкий, М. Омила, Дж. Барвайс), так и среди философов-аналитиков (Дж. Перри, П. Гич, Д. Фоллесдаль, М. Даммит и др.).

Несомненная заслуга Сушко и Вольневича заключалась в том, что они отошли от традиционных для аналитической философии пространных комментариев к Витгенштейну и предложили ряд строгих формальных систем, область применения которых простиралась далеко за пределы метафизики *Трактата*. Нефрегевская логика должна была во многом прояснить способы рассуждений, касающихся непрозрачных и интенциональных контекстов, путем отказа от некоторых скрытых предпосылок, содержащихся в общепринятой «классической» логике, но не являющихся, по существу, классическими.

² Основные идеи NFL были впервые озвучены им в мае 1967 г. на конференции по истории логики в Кракове.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Одной из таких предпосылок, по мнению Сушко, выступает принцип кореференциальности эквивалентных:

(CE) Если из A выводимо B и из B выводимо A , то A кореферентно B .

Как известно, в логике Фреге все истинные – равно как и все ложные – предложения имеют один и тот же денотат (истинностное значение). Сушко, вслед за Витгенштейном, предложил считать денотатами предложений не их истинностные значения, а *положения дел* (ситуации, события). Принцип (CE), по мнению польского логика, является сильным онтологическим допущением, суть которого в том, что он ограничивает универсум всего лишь двумя ситуациями, одна из которых объявляется актуальной, а другая – нет. Некритическое принятие (CE), считает он, нарушает принцип онтологической нейтральности логики, т. е. приводит к смешению логического и онтологического.

На синтаксическом уровне формальным аналогом (CE) обычно считается т. н. «фрегевская аксиома»:

(FA) $(p \leftrightarrow q) \rightarrow (p \equiv q)$,

суть которой в том, что связка \equiv , выражающая кореференциальность, оказывается неотличима от материальной эквивалентности \leftrightarrow . Соответственно, в NFL эта аксиома отбрасывается как не связанная напрямую со свойствами классического отношения выводимости (см. [13]), а связка \equiv , определяется независимо от \leftrightarrow – через аксиомы рефлексивности, симметричности, транзитивности и инвариантности³.

Вместо (FA) Сушко предлагает использовать гораздо более слабый принцип – так называемую «булеву аксиому»:

(BA) $\Box(p \leftrightarrow q) \leftrightarrow (p \equiv q)$,

³ Заметим, что в нефрегевских логиках материальная эквивалентность уже не является инвариантной, как в классике, – инвариантной оказывается лишь кореференциальность.

которая налагает структуру булевой алгебры на универсум всех ситуаций, но, в отличие от (FA), не ограничивает их число всего лишь двумя. (BA) делает строгую эквивалентность и кореференциальность эквивалентными (но еще не идентичными).

Таким образом, главной идеей NFL можно считать модализацию понятия тождества (кореференциальности) с целью отделить последнее от понятия обычной материальной эквивалентности. Но если на синтаксическом уровне такая процедура не вызывает особых возражений, то на семантическом (когда речь идет уже не столько о (FA), сколько о (SE)) она сталкивается с серьезными проблемами.

3. Рогатка Чёрча

Отбрасывание (SE) кажется вполне естественным, однако Алонзо Чёрч [5] привел убедительный аргумент в защиту фрегевских позиций. Рассмотрим утверждения:

- (1) Сэр Вальтер Скотт есть автор *Вэверлея*.
- (2) Сэр Вальтер Скотт есть человек, который написал все двадцать девять Вэверлеевских новелл.
- (3) Число, равное числу всех написанных Вальтером Скоттом новелл, есть двадцать девять.
- (4) Число, равное числу графств в штате Юта, есть двадцать девять.

Согласно принципу взаимозаменяемости, (1) и (2) кореференциальны, так как имя «автор *Вэверлея*» заменено другим с тем же денотатом. В силу той же причины кореференциальны (3) и (4). Что же касается (2) и (3), то они, пишет Чёрч, если не синонимичны, то во всяком случае «настолько близки друг к другу, что убедительным становится предположение о тождестве их денотатов». Таким образом, нам либо остается по транзитивности признать кореференциальными совершенно не связанные между собой утверждения (1) и (4), либо отказать в кореференциальности столь близким по смыслу утверждениям, как (2) и (3). И то, и другое выглядит контринтуитивным.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

За свою простоту эта аргументация получила название «рогатки Чёрча». Что может противопоставить ей нефрегевская логика? Один из вариантов решения проблемы сформулировал Р. Вуйцицкий в статье [1], где была представлена система ограниченной нефрегевской логики R-NFL, предлагающая некий компромисс между двумя описанными крайностями. Вместо (CE) там вводится более слабый принцип:

(RCE) Если из A выводимо B , из B выводимо A и $F(A) = F(B)$, то A и B кореференциальны (где « $F(\dots)$ » обозначает множество нелогических констант, встречающихся в формуле)

Одной из контринтуитивных особенностей NFL является то, что в ней любое предложение, по сути, кореференциально лишь *самому себе*⁴ Принцип (RCE) ослабляет понятие кореференциальности настолько, что соответствующее отношение не является больше тривиальным. В частности, (RCE) позволяет признать кореференциальными (2) и (3), но в то же время, запрещает отождествлять (1) и (4)⁵. Для обоснования R-NFL Вуйцицкий прибегает к понятию «стандартной интерпретации», при которой, например, можно отождествить ситуации « a муж b » и « b жена a » на чисто логических основаниях, а именно, в силу того, что отношения *муж* и *жена* являются конверсными, а нелогические константы « a » и « b » в этих высказываниях совпадают. Однако являются ли указанные основания для различия (2) и (3) на самом деле чисто логическими? Или же это сугубо семантический факт – то, что два различных по напи-

⁴ В своей работе Р. Вуйцицкий доказывает, что единственными тождествами в РС1 (первопорядковом фрагменте NFL) являются так называемые «тривиальные тождества», т. е. выражение вида $A \equiv B$, где A и B отличаются самое большее формой связанных переменных.

⁵ Более радикальное решение можно найти в статье Дж. Барвайса и Дж. Перри [2], которые, фактически, предлагают отказаться не только от принципа *перераспределения*, оправдывающего кореференциальность (2) и (3), но и от принципа *взаимозаменимости*, позволяющего переходить от (1) к (2), а от (3) к (4).

санию предложения мы признаем кореференциальными? В данном случае у нас нет никаких серьезных оснований предпочесть одну формализацию другой, а следовательно, надежным образом отделить логическую форму от семантической конвенции.

4. Понятие «действительного мира» в концепции Крипке

Представляется интересным проанализировать возможность использования аналогичного способа рассуждения в рамках концепции жёстких десигнаторов Крипке (RDT). Точнее, речь будет идти о RDT в том адаптированном виде, в каком её используют некоторые аналитические философы (Д. Льюис, Э. Залта, А. Плантинга и др.). В частности, упомянутые исследователи пытаются развить и/или прояснить крипкевскую семантику посредством экспликации понятий «возможного мира» и «действительного мира», которые у Крипке выступают в качестве метаязыковых.

Для Плантинги, например, возможные миры – это полные и непротиворечивые *положения дел* (похожее определение, кстати, можно найти в работах сторонников нефрегевской логики – см., напр., [10]). Другими словами, возможный мир *w* представляет собой такое положение дел, что для всякого положения дел *p* верно, что либо *p*, либо $\sim p$ *включается* в *w*. Впрочем, зачастую Плантинга сбивается на более привычное словоупотребление и говорит о мирах как о некоего рода «объектах» (что обусловлено неопределённым характером его онтологии, которая представляет собой смешение витгенштейнианской онтологии положений дел и аристотелианской онтологии объектов).

Залта и Льюис явным образом признают возможные миры *объектами* (различие лишь в том, что первый считает их абстрактными, второй – конкретными). Соответственно, при такой трактовке – когда возможные миры и положения дел оказываются сущностями разных типов, – главной особенностью возможных миров оказывается способность уже не *включать*

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

чать, а выполнять (\models) любое положение дел либо его дополнение.

Следуя духу традиции Залты-Льюиса, введем понятие «действительного мира» с помощью определения:

$$(AW) \quad AW(x) \leftrightarrow_{\text{df}} \forall p((x \models p) \leftrightarrow p)^6.$$

Нетрудно показать, что такой объект существует и является единственным – поэтому в дальнейшем для краткости действительный мир будет обозначаться константой w .

Пусть, далее, отношение $a \models p$ трактуется буквально как наличие у объекта a свойства, абстрагированного от пропозиции p :

$$(\models) \quad a \models p \leftrightarrow_{\text{df}} (\lambda x p)a$$

В качестве принципа, регулирующего действие оператора λ , возьмем:

$$(\lambda) \quad (\lambda x F(x))a \leftrightarrow F(x/a) \text{ (где } F(x) \text{ – формула, возможно содержащая свободные вхождения } x, \text{ а } F(x/a) \text{ – результат замены в формуле } F \text{ всех свободных вхождений } x \text{ на } a).$$

Важно, что принцип (λ) позволяет образовывать так называемые «пропозициональные свойства» и приписывать их любым объектам – даже тем, которые не упоминаются эксплицитно в формулах, из которых эти свойства образованы. Например, из предложения «Снег белый» мы можем с помощью оператора абстракции образовать свойство «быть таким, что снег белый». Это свойство (в отличие от *близны* как таковой), в случае истинности исходного предложения, будет присуще и

⁶ Понятие «возможного мира», соответственно, можно задать с помощью определения $PW(x) \leftrightarrow_{\text{df}} \diamond \forall p((x \models p) \leftrightarrow p)$, хотя это и порождает определенные теоретические трудности – см. статью Т. В. Пащенко в наст. изд.

траве, и Сократу, и Эвересту – в общем, любому существующему объекту.

Заметим, однако, что это ещё не приводит к автоматическому отождествлению снега, Сократа, травы и Эвереста на основании того, что все они существуют и обладают общим набором пропозициональных свойств. Дело в том, что, во-первых, набор свойств, присущих объектам, может широко варьироваться по мирам. Во-вторых, имеется определенная разновидность свойств, которые даже в рамках действительного мира присущи одним из указанных объектов и не присущи другим. В частности, это индивидуальные концепты, или пропозициональные свойства, образованные из предложений тождества типа « $\lambda x(x=y)$ »⁷.

Поскольку в последующих рассуждениях будет использоваться логика предикатов второго порядка, применение оператора абстракции может породить парадоксы, родственные парадоксу Рассела. Во избежание этого стандартным образом вводится типизация (см. напр., [11, p.447]) – для краткости в дальнейшем $(\lambda)^{\tau}$ будет означать принцип (λ) , удовлетворяющий требованию типизации.

Тогда $(AW) + (=) + (\lambda)^{\tau}$ дают нам следующее определение действительного мира:

$$(W) \quad \forall F((\lambda x F(x))w \leftrightarrow F(x)) \quad (\text{где } F(x) \text{ – формула, возможно содержащая свободные вхождения } x)$$

– действительным миром w называется такой объект, который выполняет все пропозициональные свойства, образованные с помощью $(\lambda)^{\tau}$ -принципа из истинных пропозиций.

Таким образом, возможные миры суть такие объекты, которые обладают пропозициональными свойствами, если и только если выполняют соответствующие пропозиции. Для

⁷ Действительно, Эверест является таким, что «Эверест = Эверест», но Сократ не является таким, что «Сократ = Эверест», хотя в обоих случаях мы имеем дело с приписыванием объекту x одного и того же пропозиционального свойства: «быть таким, что x тождественен Эвересту».

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

возможного мира обладать пропозициональным свойством $(\lambda xF(x))$ в точности означает выполнять соответствующую пропозицию $F(x)$. Для обычного же объекта x обладать пропозициональным свойством $(\lambda xF(x))$ в точности означает обладать (непропозициональным, обычным) свойством F .

4. «Рогатка» для Крипке

Таким образом, по всей видимости, мы получили вполне строгое и соответствующее исходным интуициям определение одного из центральных понятий крипкевской семантики. Но оказывается, что его введение чревато неожиданными последствиями для концепции жёстких десигнаторов.

Пусть обычное (дескриптивное) тождество объектов определяется в духе лейбницеvского принципа тождества неразличимых:

(LP) $a \approx b \leftrightarrow_{df} \forall F(F(a) \leftrightarrow F(b))$ – два объекта дескриптивно тождественны, если и только если (по определению) они обладают в точности одними и теми же свойствами;

а строгое (недескриптивное) тождество – как корелативность двух жёстких десигнаторов (будем обозначать обычным знаком равенства). Заметим, что для строгого тождества верна лишь односторонняя импликация: $a=b \rightarrow \forall F(F(a) \leftrightarrow F(b))$ или, что то же самое, $a=b \rightarrow a \approx b$.

Для формулировки более точной связи между \approx и $=$ будем использовать модальности⁸. Так, например, по определению жёсткого десигнатора⁹, имеем:

(RD) $a=b \leftrightarrow \Box(a=b)$

⁸ По умолчанию будет использоваться самая распространенная из нормальных модальных систем – S5.

⁹ «Что я имею в виду под “жёстким десигнатором”? – пишет Крипке. – Я имею в виду термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [3, с. 351].

(с дескриптивным тождеством такая эквивалентность не проходит - в то время как верно $\Box(a \approx b) \rightarrow a \approx b$, обратная импликация не имеет места). Исходя из общих интенций теории жёстких десигнаторов, разумно будет выразить соотношение \approx и $=$ с помощью следующей эквивалентности:

(КА) $a=b \leftrightarrow \Box(a \approx b)$, (два объекта тождественны, если и только если они с необходимостью обладают в точности одними и теми же свойствами).

Будем называть этот тезис «аксиомой Крипке», по аналогии с рассмотренной во второй главе «аксиомой Фреге». Именно (КА) станет объектом атаки для аргумента типа «рогатки», к формулировке которого я собираюсь теперь перейти. Суть его заключается в следующем: при наличии (W) и $(\lambda)^{\Gamma}$ имеет место импликация $a \approx b \rightarrow \Box(a \approx b)$, что делает тезис (КА) тривиальным, а $=$ и \approx - неразличимыми.

Лемма1: $F(a) \rightarrow \Box((\lambda x F(x))a \leftrightarrow (\lambda x F(x))w)$ (любое пропозициональное свойство, выполняемое каким-либо объектом a в мире w , с необходимостью выполняется этим объектом е. т. е. оно выполняется и самим миром w)

1. $F(a)$	(допущение)
2. $F(a) \rightarrow \Box(F(x/a) \leftrightarrow F(a))$	(подст., прав. Гёделя)
3. $\Box(F(x/a) \leftrightarrow F(a))$	(1, 2)
4. $F(a) \rightarrow \Box((\lambda x F(x))a \leftrightarrow (\lambda x F(x))w)$	(подст., прав. Гёделя)
5. $\Box((\lambda x F(x))a \leftrightarrow (\lambda x F(x))w)$	(1, 4)
6. $\Box(\lambda x F(x))a \leftrightarrow F(x/a)$	$(\lambda)^{\Gamma}$, прав. Гёделя)
7. $\Box((\lambda x F(x))w \leftrightarrow F(a))$	((W), прав. Гёделя)
8. $\Box((\lambda x F(x))a \leftrightarrow F(a))$	(3, 6)
9. $\Box((\lambda x F(x))w \leftrightarrow (\lambda x F(x))a)$	(7, 8)

По теореме дедукции, $\vdash F(a) \rightarrow \Box((\lambda x F(x))a \leftrightarrow (\lambda x F(x))w)$ ■

Теорема 1: $a \approx b \rightarrow a=b$ (если объекты a и b дескриптивно тождественны, то они строго тождественны)

1. $F(a) \& F(b)$	(допущение)
2. $F(a)$	(1)
3. $F(b)$	(1)
4. $\Box(\lambda x(F(x))a \leftrightarrow \lambda x(F(x))w)$	(2, Л1)
5. $\Box(\lambda x(F(x))b \leftrightarrow \lambda x(F(x))w)$	(3, Л1)
6. $\Box(\lambda x(F(x))a \leftrightarrow \lambda x(F(x))b)$	(4, 5)
7. $\Box(F(a) \leftrightarrow F(b))$	(6, $(\lambda)^{\uparrow}$)

По теореме дедукции, $\vdash F(a) \& F(b) \rightarrow \Box(F(a) \leftrightarrow F(b))$. *Mutatis mutandis* имеем также $\vdash \sim F(a) \& \sim F(b) \rightarrow \Box(F(a) \leftrightarrow F(b))$. Следовательно, $\vdash (F(a) \leftrightarrow F(b)) \rightarrow \Box(F(a) \leftrightarrow F(b))$. Отсюда $\vdash \forall F ((F(a) \leftrightarrow F(b)) \rightarrow \Box(F(a) \leftrightarrow F(b)))$, и, далее, $\vdash \forall F (F(a) \leftrightarrow F(b)) \rightarrow \Box \forall F (F(a) \leftrightarrow F(b))$. В силу (LP), получаем $a \approx b \rightarrow \Box(a \approx b)$, что, с учетом (KA), означает $a \approx b \rightarrow a = b$ ■

5. Заключение

Как уже было отмечено, приведенный аргумент не является опровержением теории жёстких десигнаторов. Ослабляя или отбрасывая некоторые из использованных в нем предпосылок, вполне можно сохранить исходные интуиции RDT. Мне видится здесь по крайней мере три возможности:

1) *Различение двух видов предикации.* При определении «действительного мира» (W) можно, как это делает Э. Залта [14], различать «кодирование» и «экземплификацию» (конкретные объекты экземплифицируют выражаемые предикатом свойства, а абстрактные – всего лишь кодируют их). Это позволит не смешивать возможные миры как абстрактные объекты с обычными объектами – как результат, Лемма 1 не будет иметь места.

2) *Различение двух видов модальностей.* При модализации определения (W) в Лемме 1 использовалось правило Гёделя. Однако есть основания усомниться в том, применимо ли оно в данном случае. Дело в том, что для левой части рассматриваемой эквивалентности существенно, чтобы она получала истинностную оценку именно в действительном мире, а не в любом из возможных миров. Вероятно, корректная модальная

версия (W) требует использования не оператора \square , а оператора «фиксированной актуальности» FA (который иногда ещё называется оператором «глубинной», или «априорной» необходимости (см. [9]). В таком случае можно будет утверждать, что дексприптивное тождество обязательно является априорным, но тезис о его необходимости уже не будет доказуем.

3) *Использование «ригидифицированных дескрипций»*. Сам Крипке признавал, что существуют дескрипции, удовлетворяющие условию жёсткости: таковыми являются ригидифицированные дескрипции типа «изобретатель бифокальных очков в действительном мире» (такие дескрипции выражают свойства, индексированные относительно какого-то из возможных миров вообще, или действительного мира в частности). Также он признавал дескрипции, обозначающее нечто, существующее с необходимостью (например, «наименьшее натурально число») – их он называл «сильно жёсткими десигнаторами» (*strongly rigid designators*). Важно, что ригидифицированные дескрипции не обладают прямой референцией. В некотором смысле ригидифицированные дескрипции можно отождествить с выражениями, содержащими каплановский оператор «dthat». Сторонники «ригидифицированного дескриптивизма» считают, что имена собственные и соответствующие ригидифицированные дескрипции синонимичны. Это позволяет им в значительной степени ослабить аргументы Крипке о необходимости тождества (очевидно, в таком случае отменяется принцип (KA), и Теорема 1 не имеет силы). Однако с такой точкой зрения не согласен, например, Скотт Сомс [12]: по его мнению, когда мы используем имя «Аристотель» в предложении «Аристотель был философом», мы вовсе не выражаем тем самым пропозицию о действительном мире.

Литература

1. Вуйцицкий Р. Формальное построение ситуационной семантики // Синтаксические и семантические исследования неэкстенциональных логик. М., 1989.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

2. Барвайс Дж., Перри Дж. Ситуации и установки // *Философия. Логика. Язык.* / Ред. Д. П. Горский и В. В. Петров. М., 1987.
3. Крипке С. Тождество и необходимость // *Новое в зарубежной лингвистике.* Выпуск XIII. М., 1982.
4. Сушко Р. Нефрегевская логика и теории, основанные на ней // *Неклассическая логика.* М., 1970.
5. Чёрч А. Введение в математическую логику. М., 1960
6. Шрамко Я. В. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны // *Логос*, №2(70) 2009.
7. Шрамко Я. В. Аргумент рогаки и нефрегевская логика // *Шестые Смирновские чтения по логике. Материалы международной конференции (Москва, 17-19 июня 2009 г.).* М.: Современные тетради, 2009.
8. Humberstone L. Two-dimensional adventures. – *Philosophical Studies* 118 (2004), pp. 17–65.
9. Humberstone L., Crossley J. The Logic of ‘Actually’. – *Reports on Mathematical Logic*, 8 (1977).
10. Omyla M. Possible worlds in the language of non-fregean logic. – *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 6(19) 2003.
11. Shramko Y., Wansing H. The slingshot argument and sentential identity. – *Studia Logica* (2009) 91, pp. 429-455.
12. Soames S. *Beyond rigidity.* Oxford University Press, 2002.
13. Suszko R. Abolition of the Fregean Axiom. – *Logic Colloquium. Symposium on logic held at Boston, 1972-73.* / Ed. by Parikh Rohit. Berlin: Springer-Verlag 1975.
14. Zalta E. Deriving and validating Kripkean claims using the Theory of Abstract Objects. – *Noûs*, 2006. 40/4, pp. 591-622.
15. Wolniewicz B. Rzeczy i fakty. Wstęp do pierwszej filozofii Ludwika Wittgensteina. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968.

К.А. Павлов

ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА И СИТУАЦИЯ НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТИ

The problematic status of «the identity» is considered from several points of view. We argue for the necessity to disqualify such notions as «the identity», «the truth» and some others from their role of fundamental inside-of-the-theory notions. Instead, the attention should be shifted to the schemas and procedures of dealing with underdetermined cases.

Ключевые слова: *недо-определенность, тождество, скептицизм*

Keywords: *under-determinacy, identity, skepticism*

Даже в рамках одной из самых точных и строгих наук, чистой математики, проблема тождества оказывается неразрешимой в общем случае. Это можно проиллюстрировать возможностью такой, вполне реальной ситуации. Если имеется две исследовательских группы ученых, оперирующих схожим теоретическим инструментарием и работающих над схожей проблематикой, то запросто может иметь место следующая ситуация. Одна группа ученых описывает некие закономерности с помощью последовательности операций $t(1), \dots, t(n)$, а другая – с помощью $q(1), \dots, q(k)$, получая при этом удивительно похожие результаты в каждой конкретной ситуации. Вполне естественно предположить, что эти ученые имеют дело с «одной и той же» схемой работы, которая реализуется, однако, двумя разными последовательностями стратегий. Тем не менее, даже если можно было бы установить, что обе исследовательских группы работают в рамках

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

теоретического инструментария, совокупность стратегий которого прекрасно описывается некоей алгебраической структурой, то даже при подобном – теоретически идеальном – раскладе в общем случае не существует никакой гарантии, что тождество схем когда-либо будет установлено (вследствие отсутствия общего разрешающего алгоритма в большинстве алгебраических объектов).

Невозможность установления тождества ни в строго формальных ситуациях, ни, тем более, в неформализуемых случаях, наводит на разного рода скептические размышления. Действительно, ведь если мы не можем знать со всей определенностью, является ли «то» и «это» «тем же самым», то как вообще тогда возможен строгий язык, строгая наука, эффективно контролируемое взаимопонимание? Как возможна какая-либо согласованность чего-либо с чем бы то ни было? Следует ли отсюда, что в общем случае нет никаких гарантий относительно возможностей науки и строгих способов рассуждения и что в человеческом распоряжении имеются лишь более или менее случайные способы установления тождества?

Ключевым моментом здесь является вопрос о том, как далеко может распространяться скептическая критика «тождества». В какой мере предельный скепсис в отношении понятия тождества вообще можно считать осмысленным? Можно ли установить точный смысл понятия «тождество» и, тем самым, выяснить точные границы применимости этого понятия, за пределами которых сам скепсис уже становится чем-то бессмысленным? Ведь, например, сомнение может возникнуть даже в следующих случаях: как возможно с уверенностью знать, что «я – это всегда именно я», или что я вот до сих пор печатаю на русском языке, а не на каком-то уже другом языке?

На наш взгляд, следует иметь в виду как положительные, так и отрицательные стороны устремленности к предельному скептицизму. Необходимо обрисовать возможные способы блокирования интенций к за-предельному скепсису, а также уточнить вопрос о том, что собой представляют проце-

дуры доопределения недоопределенных ситуаций и контекстов. С этой целью представляется важным обсудить следующие тезисы.

Тезис 1. Отметим в первую очередь, что скептицизм должен быть направлен на идею «тождества как такового» (например, символически репрезентируемого равенством $X=X$) и на соответствующий «язык тождества», от статуса которых зависит прочность многих современных теоретических построений. Дисквалификация «чистого тождества» как теоретически фундаментального понятия, якобы с необходимостью лежащего в основании (т. е. условиях возможности) самой теоретической деятельности, представляется на сегодняшний день вполне правомерным и давно назревшим философским ходом. Вместе с «тождеством», разумеется, требуется и соответствующая ревизия теоретической значимости понятия «истина». Однако следует учитывать то, что нет и не может быть никакой четкой, однозначно устанавливаемой границы между продуктивным (осмысленным) скепсисом и уже контр-продуктивным скепсисом. Нечеткость указанной границы с неизбежностью приводит к появлению псевдо-проблем: в этом – *и только этом* – и заключается отрицательный момент «предельного скептицизма». Это подводит нас ко второму тезису.

Тезис 2. Представляется маловероятным, чтобы *какая-либо* форма «предельного скептицизма» оказалась бы в состоянии парализовать теоретическую деятельность как такую и, соответственно, потребовала бы внедрения каких-то особых мер по спасению человеческой способности к теоретизированию (тем не менее, похоже, что, скажем, Крипке иногда склоняется именно к этой точке зрения). Дела обстоят ровно наоборот: «предельный скептицизм» только и позволяет ввести любую форму человеческой деятельности, включая теоретическую, *в область ее собственной легитимности и осмысленности*. Здесь мы подходим к третьему пункту.

Тезис 3. Стратегия скептика в общем случае заключается в методической постановке под вопрос того или иного «значения», «смысла», «тождества» и т. п. Такая стратегия автома-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

тически тянет за собой ряд презумпций, связанных с наличием *критериев осмысленности (легитимности) задаваемых скептиком вопросов*. Но тогда наш тезис и заключается в том, что полная совокупность условий осмысленности скептических вопросов в точности совпадает с основаниями для (ставящегося под вопрос) «отождествления», «приписывания значения» и т. д. Это означает, что стратегия защиты от «запредельного» (т. е. уже бессмысленного, контрпродуктивного) скептицизма заключается лишь в точной экспликации условий осмысленности задаваемых скептиком вопросов. Имеет смысл подчеркнуть, что на этом пути в результате защитной стратегии устанавливается не «тождество» (и тем более оно не «доказывается»), а только *основания для возможности отождествления*. Иначе говоря, затрагиваемые нами вопросы упираются не столько в идею «тождества как такового», сколько в разнообразные *процедуры отождествления* и внимательное отслеживание границ их легитимности.

Тезис 4. Следующий момент связан с вопросом о той мере, в какой конвенциональность присутствует в языке, в коммуникации, в теоретизировании. Представляется неверным считать, что существует некая «чистая конвенциональность», эквивалентная совершенному произволу. Как минимум сразу можно указать на то, что *условия возможности* конвенциональности сами по себе не являются конвенциональными. А поскольку эти условия возможности с необходимостью участвуют в любом коммуникативном или теоретическом процессе, то и отождествление конвенциональности с произвольностью представляется неправомерным. Иначе говоря: рассматривая конвенциональность в отрыве от условий ее возможности, мы выхолащиваем этот феномен до внутренне противоречивой и бессмысленной «концепции».

Тезис 5. В связи с тем, что нам, людям, с одной стороны, принципиально отказано *непосредственно* убеждаться в наличии тождества (даже там, где оно есть: см. алгебраический пример в самом начале), и с другой стороны, принципиально невозможно существовать в «чисто конвенциональном» мире, то возникает необходимость фундирования нашего языка

и наших теорий в таких подходах, которые бы позволяли учитывать указные трудности. Это означает, в частности, что за такими понятиями как «истина», «тождество», «значение» необходимо оставить лишь регулятивную значимость. В рамках той или иной теории такие понятия могут играть лишь роль *средства экономии* соответствующего языка. С чем же мы тогда остаемся? Какие феномены следует считать относящимися к действительным основаниям? На сегодняшний день ответ, по-видимому, должен звучать так: действительным основанием являются процедуры до-определения исходно недоопределенных ситуаций. Схематизм до-определения и должен быть поставлен во главу угла теоретического анализа современных представлений об «основаниях».

Часть 3. Имена вымышленных и абстрактных объектов

А.Ю. Нестеров

СЕМАНТИКА ВЫМЫСЛА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЗНАЧЕНИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОГО ЗНАКА

The author of the article considers the question about fiction and fictional sign. The meaning of fictional sign comes under review as a presentation, formed in correlation between the sense of sign and its pragmatic background.

Ключевые слова: *фикциональный знак, вымысел, значение*
Keywords: *fiction, sign, meaning*

Проблемы семантики, вероятно, являются наиболее сложными из всех философских проблем. В целом невозможно представить себе какое-либо содержательное обсуждение, которое не упиралось бы в то или иное решение вопроса о том, что такое семантика, как знак соотносится с незнаковым, где расположены значения, каков их эпистемологический статус и т. д. Под проблемами семантики в самом общем виде подразумевается обсуждение корреляции действительности как она есть сама по себе с языком и мышлением.

1.

В данном рассуждении нас интересует семантика вымысла, а именно анализ фикционального знака в свете эпистемологических оппозиций эмпиризм / реализм и реализм / идеализм. В качестве терминологической и методологической сре-

ды мы используем язык семиотики XX века, так что техническим результатом рассуждения должно стать прояснение способов соотношения семантики, синтаксиса и прагматики семиозиса вымысла для указанных эпистемологических позиций.

Семиотика понимает под семантикой комплементарное прагматике и синтаксису измерение семиозиса, раскрывающее отношение знака к обозначаемому объекту. Знак как таковой раскрывается через прагматическое отношение употребления его каким-либо субъектом в качестве знака, через синтаксический ряд регулярных оппозиций к другим знакам (в той же самой или иной прагматической среде), через семантическое отношение означивания некоторой наличной для субъекта действительности. Семантика знака не может быть обособлена от его прагматики и синтаксиса, вопрос здесь, как правило, заключается во временном порядке следования или учитывания субъектом (говорящим или слушающим) прагматических, синтаксических и собственно семантических правил в процессах кодирования и декодирования знака.

Семиотические абстракции, ведущие к семантическим теориям, разделяются как по количеству компонентов семантического отношения, так и по способу учитывания обозначаемой действительности. Наиболее простым является двухкомпонентное отношение, включающее собственно знак и обозначаемый данным знаком объект, это интуитивно принимаемая в качестве исходной экстерналистская точка зрения здравого смысла, которая при анализе сталкивается с непреодолимыми трудностями. Далее назовём сформулированное Ф. де Соссюром двухкомпонентное отношение означающего и означаемого [18], где означающее – это собственно знак, а означаемое – место данного знака в системе знаков: это антипсихологистская лингвистическая теория, впервые показавшая, что значение знака может формироваться за счёт реализации внутрисистемных, то есть синтаксических правил. Поскольку вопроса об обозначении как референции в каком-либо смысле эта теория не ставит, при её применении остаётся проблема стабильности референции как проблема стабильности праг-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

матического правила, связывающего синтаксис и объекты, выраженные через него. Третьим по количеству учитываемых компонентов следует сформулированное Г. Фреге отношение знака, смысла и значения [19], в котором наряду со знаком и смыслом (в терминах Соссюра это означающее и означаемое) учитывается значение как реальный референт знака. В рамках данного отношения возникает вопрос об эпистемологическом статусе значения или о том, как и чем опосредуется референция знаков языка, не снимается и вопрос о том, как возможна стабильная референции. Четвёртой в этом списке назовём модель семантики Ч.С. Пирса – Ч.У. Морриса [15], в которой к трём указанным компонентам добавляется интерпретанта в виде некоторого навыка, позволяющего знаку быть знаком, то есть осуществлять референцию. Сам по себе вопрос об интерпретанте серьёзно подрывает возможность какой бы то ни было формализации семантического отношения, поскольку требует решения целого ряда трудно формулируемых проблем, начиная с выявления объективных психофизиологических характеристик субъекта, способного в той или иной мере формировать такие условные рефлексы, как навыки означивания и интерпретации, и заканчивая характеристиками прагматических сред, подразумевающих возможность того или иного набора прагматических правил учитывания.

В дальнейшем мы будем пользоваться четырехкомпонентной моделью семантики, называя значением обозначаемый объект, смыслом – синтаксическое место знаковой (языковой или иной) системы, посредством которого значение задаётся (означивается), знаком – выраженный в некотором субстрате носитель функций обозначения и означивания, интерпретантой – условие возможности для знака осуществлять функции обозначения и означивания.

2.

Обыденное определение вымысла подразумевает такое семантическое отношение, в котором, если формулировать его в терминах наивной теории здравого смысла, наличествует

языковой знак, но фактически отсутствует значение. Аналогией так определённого вымысла могло бы служить определение непонимания в герменевтике XVIII века: если понимание после Августина [7, §1.1.] – это переход от знака к его значению, то непонимание – это отсутствие значения у знака или отсутствие мысли при говорении (И. Хладениус). Ещё одной наивной аналогией в терминах корреспондентской теории истины было бы банальное ложное высказывание: предложения, не соответствующие моему эмпирическому опыту, по определению не обозначают для меня никаких объектов, то есть интеллект есть, а вещей нет. Ложь, непонимание и вымысел – это ситуации, которые, с одной стороны, маркируют границу применимости наивных теорий, с другой, – с очевидностью выступают если не источником новых форм в семиосфере, то по меньшей мере причиной их появления.

Вымысел, определённый в четырёхкомпонентной модели семантики, включает в себя:

1) Интенциональный объект или субъективное представление, подлежащее принципу привилегированного доступа, то есть обладающее конкретным значением только для одного субъекта. Качественное отличие вымышленного объекта от объектов, формируемых чувственным восприятием, от предметов рассудка и от объектов, полученных рефлексией, заключается в том, что он не может быть представлен, визуализован или воображён двумя субъектами одним и тем же образом за исключением случаев подмены индивидуальной способности представления стабильными коллективными шаблонами. Семантическое правило в случае вымысла формулируется для всех типов знаков как ограничение стандартного правила: индекс, икона или символ обозначают здесь индивидуальные, далее не сообщаемые значения.

2) Порядок следования знаков, отличающийся от стандартного. Сказанное верно для простого случая художественного высказывания, где под художественным высказыванием понимается квазисуждение в смысле Р. Ингардена [28; 29] или псевдопредложение в смысле Р. Карнапа [4], то есть такое суждение или предложение, которое не является ни истинным, ни

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

ложным для корреспондентской теории. В смысле Ю. М. Лотмана синтаксическое правило художественного высказывания определяется как более сложный, нежели в обыденной речи, набор правил образования и преобразования, где под сложностью понимается включение дополнительных правил, маркирующих отличие художественной речи (дискурса вымысла) от обыденной [11; 12.]. Технически указанная сложность выражена в учёте синтаксических механизмов отрицания возможности суждения быть истинным или ложным. Поэтический или художественный синтаксис – это хорошо разработанный раздел теории литературы, подтверждаемый историей литературы и актуальной литературной практикой. Пример семантики вымысла может быть представлен логической структурой автореферентного отрицания [16]. Таким образом смысл знака, обозначающего вымышленный объект, – это тем или иным способом маркированное место в знаковой системе. Если маркирование осуществляется не синтаксически, то есть если имеет место не художественный, а иной вымысел, то маркирование осуществляется на уровне прагматики.

3) Собственно знак, обозначающий вымышленный объект. Субстрат семиозиса – это либо сугубо языковые структуры, либо структуры мышления или представления. В случае языковых знаков, описывающих реальный эмпирический опыт, трансцендентальные или логические структуры, не возникает серьёзных затруднений с тем, чтобы построить иерархию метаязыков, отделив для каждого уровня метаязык от языка-объекта¹. В случае вымысла сам объект как таковой не дан для анализа, так что его реальная структура включает в себя все компоненты не только обозначающего знака, но и обозначаемого знака, то есть чёткого логического разделения

¹ Сложности здесь если и возникают, то носят глобальный характер принятия или отрицания тех или иных метафизических предпосылок, например, в вопросе о том, допустимо ли применять теорию истины А. Тарского для языка-объекта, необходимо разрешить неразрешимый вопрос о том, являются ли объекты как таковые некоторым языком.

на план языка, знаки которого обозначают вымышленные объекты и план мышления (воображения, представления и т. п.), знаки которого обозначаются языком, построить нельзя. В этом существенное отличие привилегированного доступа к собственным эмпирически данным психофизическим состояниям, выступающих знаками тех или иных состояний организма от привилегированного доступа к вымышленным объектам. Субстрат языкового знака, обозначающего вымышленный объект, включает в себя и язык, и мышление (не выражаемую на естественном языке деятельность сознания). Это положение вещей определяет, в частности, сложности, возникающие при попытке технически точного определения художественного образа.

4) Особый навык распознавания, понимания или кодирования/декодирования знаков вымышленных объектов. Было бы существенно легче показать, чем прагматика семиозиса вымысла отличается от прагматики обыденной речи, если бы существовал внятный, построенный не по принципу логического круга ответ на вопрос, что вообще делает знак знаком или что такое знак. Пока такого рода ответа нет², можно довольствоваться диалектикой знака и фона, а именно некоторым правилом употребления знака в некоторой незнаковой среде, в соответствии с которым субъект должен располагать навыком обозначения отсутствующих в его эмпирическом или рефлексивном опыте объектов. Этот навык обычно формулируется как способность воображения (или представления), являясь после Канта вместе с эмпирическим опытом и трансцендентальными структурами источником нового познания. Опыт лжи, непонимания и вымысла показывает, что прагматический навык здесь более сложен и строится как снятие навыка обыденного означивания. Литературное высказывание, например, является более сложным, нежели ассерторическое суждение науки потому, что оно не обозначает действительность, но либо подражает ей, либо создаёт «действительность»

² «Знак» является категорией в том смысле, что содержание этого понятие не может быть раскрыто без герменевтического круга.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

в свете некоторой литературной нормы, выраженной набором эстетических и художественных кодов своей эпохи. Соответственно поэт и читатель нуждаются в более сложно устроенном навыке распознавания чего-либо в качестве знака, который включал бы в себя большее число опосредований (см. [35]).

В реальной коммуникации порядок учёта субъектом правил измерений семиозиса зависит от того, является ли он субъектом или реципиентом высказывания, соответственно вымысел может быть определён для каждой из позиций. Вымысел для говорящего – это ситуация нахождения синтаксического места в речи для наличного объекта субъективного представления, который как таковой возникает вместе с выражающим его синтаксисом: семантическое и синтаксическое правило реализуются одновременно, прагматическое правило здесь по сути совпадает с семантическим. Вымысел для слушающего – это ситуация, в которой на уровне реализации прагматического правила субъект должен решить, какого рода навык интерпретации ему следует применить: к обычным переходам (см. [30; 32; 17]) следует добавить наличие или отсутствие маркеров ложности/вымышленности (на прагматическом уровне это проще всего сделать с помощью детектора лжи); далее на уровне расшифровки синтаксического правила учитываются синтаксические маркеры (наличие или отсутствие известных реципиенту литературных или риторических приёмов), семантическое правило реализуется как представление реципиентом объекта, о котором идёт речь (например, В. Дильтей называл этот процесс ослабленным переживанием переживания поэта [2]). Видимо, наиболее значимым для семиозиса вымысла является соотношение смысла знака как синтаксического места в тексте и прагматического навыка использования знака для представления объектов: задача реципиента заключается в том, чтобы сформировать некоторый образ на основе читаемого текста.

В более общем плане это соотношение может быть сформулировано для текста или системы коммуникации безотносительно к субъекту или реципиенту конкретного сообщения.

Положение Ю. М. Лотмана о двойной активности текста и

слушателя [13] позволяет ввести текст как систему, навязывающую среде определённую систему кодов, так что для семиосферы, где релевантный набор прагматических навыков упорядочен, то есть представлен системно, вопрос о соотношении смысла фикционального знака и правила его употребления – это вопрос стабилизации употребления [9; 6] некоторого образа в его определённой семиотической реализации. Соответственно этот вопрос крайне значим как для теории, так и для практической работы с вымыслом, в том числе в области истории, планирования и идеологии.

3.

Таким образом определённый семиозис вымысла даёт возможность рассмотреть эпистемологический статус семантики вымысла для каждой из коммуникативных позиций, в данном рассуждении мы ограничимся анализом позиции реципиента фикционального знака.

Обоснованием истинности существенной части убеждений индивида является не эмпирический опыт, а отношение доверия («принцип доверия» или «*aequitas hermeneutica*» в «общей герменевтике» XVIII века), реализуемое им по отношению к знакам языка или по отношению к авторитетному субъекту высказывания. Это означает, что человек часто представляет или воображает значения, знаки которых он расшифровывает в речи. Соответственно сам процесс расшифровки или понимания высказывания приводит к созданию объектов, делающих данное высказывание истинным. Рассмотрим ситуации, где знаки языка интерпретируются реципиентом как ассерторические суждения уровня языка-объекта, обозначающего некоторые вымышленные объекты.

При реализации фикционального знака в ассерторических суждениях вопрос о вымысле – это вопрос о корреспондентской истинности или ложности суждения. В случае знания-по-описанию для реципиента возникает ряд стратегий, обусловленных его общей эпистемологической установкой, позволяющих разрешить этот вопрос, расширив границы ин-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

дивидуального опыта означивания. Под эпистемологической установкой реципиента подразумевается то место, в котором он располагает значения языка-объекта³. В оппозиции эмпиризм/реализм место значений лежит либо в эмпирическом опыте субъекта (обозначаются некоторые состояния организма той или иной глубины, возникшие в результате его контакта со средой), либо сами элементы среды. В случае оппозиции реализм/идеализм место значений – либо среда, осваиваемая эмпирическим опытом субъекта, либо особая идеальная среда, осваиваемая специфическим неэмпирическим опытом (например, процедурой припоминания Платона или ясновидением сторонников эзотерических доктрин). Для реципиента асерторического суждения, относящегося к эзотерическому дискурсу, например «мир состоит из семи базовых слоёв»⁴, сказанное подразумевает стратегии поиска значения, которые требуют либо 1) убедиться в его эмпирической ложности, освоив необходимые разделы экспериментальной физики, либо 2) убедиться в его идеальной истинности, освоив процедуру ясновидения, либо 3) допустить, что реальный мир таков, что реципиенту просто неизвестно (при отсутствии у него как навыков ясновидения, так и знаний по физике), состоит мир из семи слоёв или нет. При сохранении отношения доверия к субъекту подобного рода высказывания реалистская стратегия интерпретации подразумевает трансформацию его прагматического статуса из дескриптивного в перформативный: если я доверяю Максу Генделю и при этом не обладаю необходимыми для проверки знаниями и навыками, я должен согласиться с тем, что мир состоит из семи слоёв, что влечёт за собой создание в моём представлении такого объекта как «мир, состоящий из семи слоёв». Однако понятно, что при реализации перформативной функции язык перестаёт быть языком-объектом и становится вторичной моделирующей системой

³ В XX веке этот вопрос был системно представлен Венским кружком в споре о протокольных предложениях, а именно о том, где локализируются значения протокольных предложений. Обзор в [33].

⁴ Пример из книги Макса Генделя [1]

(термин берётся в смысле Ю.М. Лотмана [11; 12; 13]) или набором квазисуждений (в смысле Р. Ингардена [28; 29.]), то есть механизмом создания возможных миров. Вымышленный (ложный) объект для реципиента в этой ситуации – это такой, который он не в состоянии себе представить никаким способом, а поскольку мы не обсуждаем здесь когерентную теорию и связанную с ней синтаксическую противоречивость как условие ложности (которая действительно делает невозможным представление объектов, выраженных бессмысленными суждениями), то сформированные реципиентом в результате применения принципа доверия вымышленные объекты – это нормальное следствие реалистской эпистемологической установки, обеспечивающие, как легко убедиться на примерах истории науки, реальный рост знания.

Если мы теперь обратимся к суждениям, адресант которых формулировал их не как корреспондентски истинное обозначение интесубъективно данных объектов, но как обозначение изначально фикциональных знаков, то увидим, что реципиент – при том, что перед ним уже не стоит ни прагматического вопроса о применении/неприменении принципа доверия, ни проблемы выяснения корреспондентской истинности высказывания – оказывается в существенно более сложной ситуации. В. Дильтей обозначал её как ситуацию высшего понимания в противовес пониманию элементарному [23.]: если при элементарном понимании мы переходим от знака к его значению, то при высшем понимании мы как реципиенты должны от объекта, полученного элементарным пониманием, перейти к действительности, как она была дана говорящему в момент говорения. Невозможность зафиксировать эту авторскую действительность как таковую, то есть выйти в коммуникации за пределы индивидуального опыта, фиксировалась ещё Ф. Шлейрмахером в сформулированном в пику теоретикам Лейбнице-Вольфовской школы требованию понять автора так, как он сам себя понимал, тезисе о необходимости понять

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

автора лучше, нежели он сам себя понимал, и осознать эту задачу понимания как бесконечную⁵.

При наличии прагматических или синтаксических маркеров семиозиса вымысла реципиент по определению оказывается в ситуации, которая требует от него создать в представлении объект, который сделал бы «квазисуждение» корреспондентски «квазиистинным». Конкретная техника этого процесса достаточно хорошо описана в традиции рецептивной эстетики, излагать здесь её семиотическое выражение нет возможности. Отметим, что речь идёт о концепции «неопределённых мест» Р. Ингардена [28; 29.], получившей развитие в теории «пустых мест» В. Изера [27], в русскоязычной эстетике это во многом модель множественных перекодировок Ю.М. Лотмана [12]. И хотя вопрос об эпистемологическом статусе фикциональных объектов как таковой эстетике не интересен, для эпистемологии и теории коммуникации он имеет существенное значение, поскольку противопоставление эмпиризм/реализм/идеализм и связанные с ним интерпретационные стратегии получают здесь характер фона для фикционального знака. Наш тезис заключается в том, что *в случае фикционального знака, в субстрате которого по определению невозможно разделить план языка и план мышления, смысл соотносится со значением в свете эмпиристской, реалистской или идеалистской стратегии интерпретации, которая, будучи прагматическим фоном для синтаксического места знака в тексте, определяет эпистемологический статус деятельности вымысла и тем самым задаёт вполне ясные границы вымышленного значения.*

Фундаментальный результат структурализма заключался в обосновании и реализации техники синтаксического определения смысла, его известные проблемы связаны с невозможностью от смысла перейти к значению в рамках той же методологии, например, одно из последствий постмодернизма связано с некритическим применением перформативной функ-

⁵ Самая короткая формулировка этого положения дел, принадлежит, видимо, профессору Цаппу из романа Д. Лоджа «Мир тесен» и звучит так: «Всякое декодирование есть кодирование» [10.].

ции к знакам, фиксирующим исходные данные восприятия, так что стирается разница между возможным миром и действительным. Возникающая для участника этих миров проблема – проблема ориентации: если всё есть семиозис и всякий объект есть знак, то где заканчивается мир слов и начинается мир представляемых на основании слов объектов, как различить синтаксис и семантику? Вместо используемой при создании информационных систем технологии выстраивания семантических отношений по типу синтаксических (см. [20]), которая на деле вообще не использует значения, следует рассмотреть возможность сопоставления синтаксического места фикционального знака (как способа языковой данности вымышленного объекта реципиенту) и способа конструирования его значения субъектом в некоторой эпистемологически ясной перспективе, то есть в рамках границ, задаваемых прагматическим фоном. Понятно, что всякая конкретная методология здесь требует учёта историчности тех фактов, к которым она применяется.

Для эмпиристской перспективы знак, распознаваемый реципиентом на основе синтаксических и прагматических навыков как фикциональный, обозначает трансформированный языком эмпирический опыт автора, соответственно техника конструирования значения подразумевает перенос по аналогии, то есть помещения себя в ту ситуацию, в которой (реально или гипотетически) выраженные языком объекты были вообразены или представлены. Поскольку в эмпиристском смысле всякое знание-по-описанию сводимо к конкретному опыту индивида, то фикциональность сводима к переозначиванию переживаний физиологических состояний организма⁶. Соответственно и семантика всякого знака сводима здесь к ин-

⁶ Характерно, что именно к базовым эмпиристским ограничениям приходит постмодернистский литературный дискурс в попытках себя деконструировать, ср. например известную концовку романа И. Кальвино «Если однажды зимней ночью путник»: «Главный вывод, вытекающий из всех на свете историй, двояк: непрерывность жизни и неизбежность смерти» [3].

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

дексу, что позволяет увидеть в этой перспективе вопрос о стабилизации фикционального значения как вопрос прояснения в терминах биологии причинно-следственных связей между выражением как физиологическим процессом и вызывающими его раздражителями.

Для идеалистской перспективы, сторонящейся эзотерических допущений, фикциональный знак обозначает результат рефлексии автора. Деятельность воображения сводима здесь к косвенному познанию. Поскольку в коммуникации фикциональный знак и знак, выражающий понятийный уровень познания, сходны в плане субстрата, постольку реципиент, распознавая прагматические и синтаксические маркеры вымышленности сообщения, и не обнаруживая в себе возможности декодировать вымысел в свете личного эмпирического опыта, он обращается к опыту самопознания (языковое выражение которого по определению метафорично), рассматривая фикциональный знак как необходимое переозначивание трансцендентальных структур⁷. Технически данная перспектива аналогична эмпиристской, требуя в качестве условия своей возможности уже не эмпирического опыта, но опыта самонаблюдения и его выражения. Её семантическое отличие заключается в отказе от индексов и работе с иконами и символами. Вопрос стабилизации значения здесь разрешается через прояснение фикциональных знаков в терминах устойчивых философских доктрин, но, в отличие от сугубо эмпиристской перспективы, не допускает единственного стабильного упotreбления.

В реалистской перспективе фикциональные знаки представляют наибольший интерес, поскольку (при максимально широкой трактовке) язык способен обозначать здесь не только тем или иным способом интериоризованную индивидом действительность, но и действительность безотносительно к её

⁷ Примером может служить интерпретация классических текстов как своего рода путешествий по человеческому сознанию, известный пример реализации этой перспективы в русскоязычной филологии – «Лекции о Прусте» М. К. Мамардашвили [14].

интериоризации (хотя бы в том смысле, что для реалистской перспективы вторичные семиологические системы могут моделировать первичные⁸). Значение фикционального знака конструируется не через обращение к тем или иным структурам опыта, но через обращение к тем или иным случаям употребления языка, так что фактической прагматической средой оказывается созданная языком конструкция. Постепенное осознание возможностей реалистской перспективы привело к появлению теории литературы как в собственном смысле научной дисциплины в XX веке, случаи же конструирования текстом собственной прагматической среды представляют собой самостоятельную область историко-литературного исследований. Проблема стабилизации обусловлена в данном случае распознаванием реципиентом созданной текстом прагматической среды и её правил, по которым осуществляется соотнесение с ней синтаксического смысла знака, и не решается сугубо на синтаксическом уровне. Твёрдая десигнация возможна там, где внятно прописана прагматика десигнации, а именно в иерархически упорядоченных дискурсах, например, в беллетристике или праве; для прочих случаев, видимо, это вопрос упорядочивания самого дискурса, допускающего возможность вымышленных объектов. Очевидно, что собственное значение фикциональности раскрывается исключительно в реалистской перспективе.

4.

⁸ Речь идёт об известной условности. Понятно, что в речевой деятельности невозможно обозначить элементы речевой деятельности без субъекта говорения, обладающего тем или иным опытом познания, самопознания и говорения; однако традиция герменевтики от Августина до М. Франка единодушно характеризует язык как индивидуально-всеобщее, так что характер данности языка индивиду и соответственно доступ индивида к языку (как минимум на уровне синтаксиса) отличается существенно большей объективностью, нежели в случаях неязыкового познания.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

В представленном рассуждении большое число вопросов осталось без внимания и учёта, в том числе вопросы о взаимосвязи обозначенных перспектив в практике интерпретации и о роли отрицания в конструировании фикциональных значений. Кроме того, мы ограничились теоретическим материалом, не утомляя читателя разбором литературных примеров.

Литература

1. *Гендель М.* Космоконцепция розенкрейцеров. М., 2004.
2. *Дильтей В.* Воображение поэта. Элементы поэтики // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т.4. М., 2001.
3. *Кальвино И.* Если однажды зимней ночью путник. СПб., 2000.
4. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ, Серия 7. Философия. – №6. М., 1993.
5. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005.
6. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике, №13. М., 1982
7. *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
8. *Ладов В.А.* Формальный реализм. Томск, 2011.
9. *Лебедев М.В.* Стабильность языкового значения. М., 1998.
10. *Лодж Д.* Мир тесен. М., 2004.
11. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.
12. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.
13. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
14. *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995.
15. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Степанов Ю. С. (Сост.) Семиотика: Антология. М., Екатеринбург, 2001.
16. *Нестеров А.Ю.* Проблема определения понятия фантастического // Вестник Томского государственного университета. Томский университет. Томск, 2007. № 305.
17. *Нестеров А.Ю.* Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара, 2008.
18. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики. М., 2004.
19. *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.

20. *Целищев В.В.* Алгоритмизация мышления. Гёделевский аргумент. [Текст] / В.В.Целищев. – Новосибирск, 2005.
21. *Шольц Г.* Корни спора о герменевтике // Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе. Самара, 2010.
22. *Bühler A.* Die Vielfalt des Interpretierens // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003.
23. *Dilthey W.* Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. F.a.M., 1981.
24. *Frank M.* Das individuelle Allgemeine. F.a.M., 2001
25. *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Tübingen, 1990.
26. *Gloy K.* Wahrheitstheorien. Tübingen, 2004.
27. *Iser W.* Der Akt des Lesens: Theorie aesthetischer Wirkung. München, 1994.
28. *Ingarden R.* Das literarische Kunstwerk. Tübingen, 1960.
29. *Ingarden R.* Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks. Tübingen, 1968.
30. *Künne W.* Verstehen und Sinn // Bühler A. (Hrsg.) Hermeneutik. Heidelberg, 2003.
31. *Schleiermacher F.D.E.* Hermeneutik und Kritik. Mit einem Anhang sprachphilosophischer Texte Schleiermachers. F.a.M., 1977.
32. *Scholtz G.* Was ist und seit wann gibt es "hermeneutische Philosophie"? // Dilthey-Jahrbuch. Bd.8. Göttingen, 1992-93.
33. *Stöltzner M., Uebel T.* Einleitung der Herausgeber // Wiener Kreis. Hamburg, 2006.
34. *Scholz, O.R.* Verstehen und Rationalität. Untersuchungen zu den Grundlagen von Hermeneutik und Sprachphilosophie. F.a.M., 2001.
35. *Todorov T.* Symboltheorien. Tübingen, 1995.

А.В. Мигла

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРЯМОЙ РЕФЕРЕНЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ПУСТЫХ ИМЕН*

The paper concerns the ways direct reference theory deals with one of the crucial problems of analytic philosophy of language – a problem of «empty» names - names without bearers. Several ways of solving the empty names puzzle by direct reference theorists are analyzed in the paper. The last section of the paper offers another approach to the problem: to consider abstract objects to be referents of so-called «empty» names.

Ключевые слова: *теория прямой референции, пустые термины, абстрактные объекты*

Keywords: *theory of reference, direct reference, empty names, abstract objects*

1. Постановка проблемы

Согласно теории прямой референции, единственной семантической функцией имени является обозначение индивида. Кроме обозначения индивида у имени собственного нет никакой другой функции. В частности, имя никогда не описывает индивида, т. е. не обладает смыслом, который опосредует обозначение, а напрямую обозначает

* Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 11-03-00608а.

А.В. Мигла. Некоторые проблемы теории прямой референции

объект¹. Это значит, что имя, не имеющее референта, не имеет никакого семантического значения. Соответственно, и предложения, в состав которых оно входит, оказываются бессмысленными и ни о чем не говорят.

Большинство сторонников теории прямой референции принимают в дополнение к этому еще 2 тезиса [1, с. 450]:

- Семантическое значение собственного имени – индивид, которого оно обозначает;
- Предложение, содержащее собственное имя, выражает единичную пропозицию.

Пропозиция, традиционно считавшаяся семантическим значением предложения, имеет одинаковую структуру с предложением и содержит в себе семантические значения слов предложения. Предложение, в котором говорится о единичном объекте, будет обозначать единичную пропозицию.

Известно, что в повседневном языке есть выражения, у которых отсутствует референт и которые, следовательно, оказываются «пустыми». Существует ряд проблем, встающих перед теорией прямой референции в связи с употреблением пустых имен:

1. Проблема осмысленности предложения. Имя, не имеющее референта, не обладает семантическим значением, а предложение, его содержащее, ничего не выражает, согласно теории прямой референции. Если предложение не выражает пропозиции, то оно бессмысленно. Между тем, многие из нас не согласятся с тем, что предложение «Кентавр – человеколошадь» является бессмысленным и ни о чем не говорит.
2. Проблема истинностной оценки предложения. Если предложение «Кентавр не существует» не выражает ни-

¹ Термин «прямая референция» был введен Д. Капланом. Сторонниками прямой референции являются С. Крипке, К. Доннеллан, Н. Салмон, Д. Браун и другие.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

какой пропозиции, то мы не можем приписать ему истинностного значения, это предложение не является ни истинным, ни ложным. Но интуитивно мы считаем, что оно истинно.

3. Проблема убеждения. Если предложение «Кентавр не существует» не выражает пропозицию, то человек, произносящий его, не может высказывать свое убеждение, так как это убеждение не имело бы содержания. Хотя очевидно, что высказывая данное убеждение, мы уверены в том, что оно содержательно.

Как известно, существует ряд авторов, которые предлагали свои решения проблемы пустых имен. Я имею в виду теорию объектов А. Мейнонга, согласно которой любая обозначающая фраза имеет референт, и дескриптивную теорию референции Фреге – Рассела (имена собственные являются сокращенными дескрипциями). Данные позиции по многим причинам были подвергнуты критике сторонниками теории прямой референции. Этим взглядам они противопоставили целый ряд подходов, который, как им представлялось, позволял решить проблемы, связанные с употреблением пустых имен.

2. Способы решения проблемы

Можно выделить ряд стратегий, которые используются сторонниками теории прямой референции для решения проблем, связанных с пустыми именами:

1. Разделение когнитивного и семантического значения имени и предложения. Предложения с пустыми именами не будут иметь никакого семантического значения, но будут иметь когнитивное значение (вызывать определенные ментальные состояния и изменения в мозге человека). Таким образом, значение имен и предложений переносится в область индивидуального сознания.

2. Разделение буквального значения предложения и имени и подразумеваемого. В данном случае мы имеем дело с развитием идей П. Грайса. В буквальном смысле предложения с пустыми именами ничего не обозначают, зато то, что они подразумевают, позволяет собеседникам понимать друг друга и успешно осуществлять коммуникацию.
3. Введение неполных пропозиций. Предложение с пустым именем обозначает незаполненную пропозицию. Согласно такому взгляду, все отрицательные экзистенциальные высказывания с незанятым местом субъекта будут истинными, а все остальные высказывания, имеющие субъектно – предикативную форму, с пустыми именами будут ложными.
4. Пустые термины обозначают возможные объекты, которые существовали, существуют или будут существовать в возможных мирах. Согласно такой позиции, референтами пустых терминов являются возможные, но неактуальные объекты.
5. Некоторые пустые термины имеют референты, являющиеся абстрактными объектами². Многие философы, придерживающиеся теории прямой референции (С. Крипке, Н. Салмон и другие), в той или иной мере признают существование вымышленных объектов.

Первый путь, которым могут пойти сторонники теории прямой референции – отказаться от того, что предложения с пустыми терминами имеют какое бы то ни было пропозициональное содержание[1]. Здесь выделяется когнитивное значение и семантическое. Если в семантическом отношении предложения, содержащие пустые имена, ничего не обозначают и бессмысленны, то они имеют определенное значение в когнитивном отношении. То есть, предложение с пустым име-

² Под абстрактным объектом я понимаю, следуя традиции употребления этого понятия в англоязычной литературе, любой объект, не обладающий существованием в физическом мире.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

нем является осмысленным только в сознании говорящего. Ментальной репрезентации индивида не соответствует какое бы то ни было семантическое содержание. Тот же самый подход используется и по отношению к убеждениям. Сторонники теории прямой референции подвергают сомнению, что все убеждения имеют пропозициональное содержание. Содержание убеждения переносится в сознание субъекта.

Трудность такого подхода заключается в истинностной оценке высказываний с пустыми терминами.

Первый вариант – это считать, что предложение «Пегас не существует» не является ни истинным, ни ложным само по себе. Мы обычно считаем истинным его потому, что говорящий и слушающий предполагают, что из него следует ряд истинных предложений, имеющих пропозициональное содержание вроде «Только птицы имеют крылья» и т. п. Поэтому, приравнивая предложение, содержащее пустой термин, к совокупности истинных предложений, следующих из него, мы считаем его истинным, хотя оно таковым не является, так как не имеет пропозиционального содержания.

Такая точка зрения возможна, но она не отражает то, каким образом мы в действительности приписываем истинность нашим утверждениям.

Второй вариант будет заключаться в приписывании предложениям истинностного значения, несмотря на отсутствие семантического значения. Но тогда нам нужно будет отвергнуть некоторые общепринятые критерии истинности. Традиционно считается, что предложение истинно, когда то, что оно говорит, имеет место в мире. А пропозициональное содержание – это и есть то, что говорится в предложении.

Таким образом, первый вариант решения проблемы приводит нас к пересмотру понятия истинности.

Второй способ соединяет то, что обычно прагматически сообщается при употреблении пустых терминов с их семантическим значением и позволяет, таким образом, считать предложения с пустыми терминами истинными. Согласно такому взгляду, высказывая утверждения с пустыми терминами, гово-

А.В. Мигла. Некоторые проблемы теории прямой референции

рящий наряду с семантической информацией, т. е. с буквальным значением предложения, подразумевает нечто, выходящее за пределы его буквального значения [2].

Если в буквальном смысле высказывания с пустыми именами выражают неполную пропозицию, но недостающий элемент восполняется посредством подразумеваемого компонента.

Это подразумеваемое содержание обозначается понятием имплицатуры. Существуют конвенциональные имплицатуры (которые имеют устоявшиеся в языке значения) и контекстуальные, значение которых устанавливается в контексте диалога. Когда мы произносим предложение с пустым термином, ассоциации, которые связаны с ним, апеллирующие к общим знаниям и здравому смыслу, дополняют недостающее семантическое содержание.

Например, когда нам приходит письмо, на конверте которого указано «Москва», и я восклицаю: «Москва», я имею в виду, что письмо пришло именно оттуда, и эта прагматика заполняет недостающее содержание пропозиции. Дескриптивная информация, связанная с пустым именем точно так же восполняет пропозицию, как и в вышеописанном случае. Несмотря на то, что имя не имеет референта, ассоциируемое с ним содержание, подсказывает аудитории, как нужно реагировать на данное высказывание, как должен развиваться диалог и т. п.

Третий подход точно так же предполагает, что пустые термины не имеют семантического значения, но при этом утверждает, что предложения с пустыми терминами выражают нечто очень близкое к пропозициям [1].

Чтобы объяснить, как это происходит, нужно сказать несколько слов о структуре пропозиций. Пропозиция не просто состоит из своих конституент и отношений между ними, она еще и имеет некоторую структуру, подобную ячейкам, которые впоследствии заполняются конституентами и отношениями между ними.

В этом смысле пропозиция отражает предложение в двух смыслах. Во-первых, она воспроизводит грамматическую

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

структуру предложения; во-вторых, пропозиция отражает семантические значения слов в предложении – индивиды и отношения между ними. Таким образом, предложение выполняет две функции по отношению к пропозициям: оно задает структуру пропозиции и задает семантические значения, которые нанизываются на эту структуру.

Если структура пропозиции и значения, ее наполняющие, – отдельные сущности, то вполне можно предположить, что не все структурные единицы пропозиции должны быть заполнены или что предложение может задать лишь структуру пропозиции, но не ее семантическое наполнение. Предложения, содержащие пустые имена, и будут такими предложениями – с не до конца заполненной структурой. Этот взгляд называется концепцией незаполненных пропозиций. Таким образом, можно высказывать осмысленное предложение, выражающее незаполненную пропозицию, быть убежденным в его истинности. Более того, такие предложения будут иметь истинностное значение, поскольку они очень близки к обычным пропозициям и так же выражают истину или ложь о мире.

Допустим, структура пропозиции предполагает субъект и предикат. Если позиция субъекта заполнена и субъект экзemplифицирует свойство, приписываемое предикатом, то пропозиция истинна. Если же на месте субъекта стоит пустое имя, то она ложна. То есть, предложение «Пегас летающая лошадь» ложно, так как место субъекта в пропозиции не занято.

Здесь мы не должны отказываться от общепринятой точки зрения, что пропозиция истинна, когда она описывает то, что имеет место в мире, и ложна в противном случае.

Отрицательные экзистенциальные пропозиции, где место субъекта не занято, являются безусловно истинными.

Очевидным плюсом такого взгляда является то, что предложения «Пегас летающая лошадь» и «Кентавр Хирон мудр» будут обозначать различные пропозиции. Минус заключается в том, что многие предложения будут выражать одну и ту же незаполненную пропозицию, – отрицательные экзистенциальные высказывания и предложения вида «Пегас – летающая лошадь» и «Кентавр Хирон – летающая лошадь». Другим не-

достатком такого взгляда является то, что все высказывания с незаполненной позицией на месте субъекта, будут ложными. Хотя с точки зрения здравого смысла многие из таких высказываний истинны. Например, таким является высказывание «Шерлок Холмс курил трубку».

Сторонники такого взгляда могут выйти из положения, постулировав, что подобные предложения имеют особое когнитивное значение, отличающееся от семантического. Предложения могут вызывать различные когнитивные реакции, говорящие могут связывать с ними истинные следствия и т. п. Это позволяет различать высказывания, обозначающие одну и ту же пропозицию.

Согласно **четвертому подходу**, пустые термины обозначают возможные объекты, которые населяют возможные миры [4; 6].

Такой подход, по верному замечанию С. Крипке [3, с. 158], отождествляя референт имени с объектом возможного мира, всегда будет сталкиваться с проблемой идентификации: какой именно объект будет являться референтом данного имени? На каком основании мы полагаем, что именно этот объект и никакой другой отражает сущностные свойства, которыми должен обладать референт данного имени?

Данный подход, кроме того, является неполным в том смысле, что рассматривает лишь возможные объекты. Невозможные объекты оказываются вне рамок его рассмотрения.

Зачастую вышеприведенные подходы совмещаются с **пятым подходом**, согласно которому можно допустить существование вымышленных объектов, являющихся референтами имен литературных героев, героев мифов и т. д. Так, С. Крипке, Н. Салмон, Г. Эванс, С. Соамс и другие допускают существование вымышленных объектов, которые являются референтом таких терминов как «Пегас», «Шерлок Холмс» и других. Эти объекты имеют абстрактную природу, возникают с появлением соответствующих произведений о них и точно также прекращают свое существование с утратой информации о них.

3. Еще одно решение

Главное затруднение теории прямой референции, на мой взгляд, заключается в том, что согласно данной теории, те предложения с пустыми именами, которые мы интуитивно считаем истинными, оказываются ложными. Мы только можем считать их истинными, быть убежденными в пропозициях, которые они выражают. Перенос значения этих высказываний в область подразумеваемого или индивидуального сознания кажется мне искусственным, не отражающим реальную практику использования имен в языке. Когда мы утверждаем нечто относительно Пегаса или Шерлока Холмса, мы уверены, что произносим утверждение, которое может быть истинным и процедура установления истинности данного высказывания никак не отличается от оценки высказываний, которые не содержат пустые имена. Мы вряд ли согласимся с тем, что выражаем неполную пропозицию или с тем, что на самом деле эти предложения будут ложными. Я полагаю, что должно существовать объяснение, учитывающее это соображение.

В связи с этим я предлагаю допустить объекты, существующие в контексте культуры и коммуникации в рамках языкового сообщества. Эти абстрактные социокультурные объекты будут обозначаться некоторыми пустыми именами. Разумеется, далеко не все пустые имена будут обозначать социокультурные объекты. Часть из них не будет ничего обозначать, такие имена я буду считать подлинно пустыми.

Если мы примем это допущение, то большинству пустых терминов будут соответствовать объекты, а высказывания, содержащие термины, которые мы в действительности считаем пустыми, будут ложными, как их и рассматривают сторонники теории прямой референции. Тогда и отрицательные экзистенциальные высказывания с такими терминами вполне могут выражать одну и ту же пропозицию в семантическом отношении и иметь различия только в когнитивном отношении – но здесь перенос из сферы семантики в сферу индивидуального сознания будет как раз вполне оправданным, ввиду того, что термины, которые в действительности будут являться пус-

тыми, не будут иметь никакого интересубъективного значения и то, что они имеют значение лишь в когнитивном аспекте для конкретного индивида, будет согласовываться с практикой их употребления в языке. В этом случае, на мой взгляд, мы получим более реальную картину использования языка, чем представленные в вышеизложенных подходах сторонников теории прямой референции.

На мой взгляд, статус абстрактных объектов мы можем присвоить только некоторым объектам, которые должны отвечать следующим требованиям:

1. Объект не должен быть внутренне противоречивым. Такие имена как «круглый квадрат» в действительности ничего не обозначают и являются пустыми. Такого рода объекты (если допустить их существование) не только нарушают законы логики и порождают противоречия.
2. Объект должен быть интересубъективным, то есть его имя должно использоваться по крайней мере несколькими носителями языка, принадлежащими к языковому сообществу, причем использоваться осознанно, то есть, когда говорящие будут иметь устойчивые ассоциации с этим именем. Эти ассоциации они приобретают из пространства культуры: словари и энциклопедии, объекты литературы, искусства, мифа, науки, жизни социума и т.д, то есть, информация об этих объектах должна быть в том или ином виде зафиксирована в культуре.
3. Обязательным требованием является устойчивость этих ассоциаций. Они должны быть относительно общими для всех говорящих и устойчивыми на протяжении времени.
4. Имена объектов должны употребляться говорящими с интенцией наименования объекта, не существующего в реальности. Говорящие должны осознавать, что объект не обладает реальным существованием. Те ситуации, когда имя по ошибке употребляется для наименования реального объекта определенным человеком, например, имя «Вулкан», которое как предполагал астроном Леве-

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

рье, обозначает планету, занимающую позицию между Меркурием и Солнцем, могут вызвать появление соответствующего абстрактного объекта, который позже будет обозначаться этим именем в определенном сообществе, но при этом говорящий, употребляя данное имя, не будет им ничего обозначать. Здесь мы сталкиваемся с двумя различными употреблениями одного и того же имени – с интенцией наименования реального объекта и с интенцией наименования вымышленного.

5. Абстрактные объекты, о которых идет речь, не являются безотносительными к человеческому сознанию. Они не населяют независимый от людей идеальный мир, как, например, полагал Алексиус Мейнонг. Объекты возникают тогда, когда возникает устойчивое употребление соответствующих имен в коммуникации, и исчезают, когда исчезают люди, употребляющие эти имена, понимающие и разделяющие их смысл, то есть, когда устраняются все сведения о них.
6. Если имя употребляется одним человеком и при этом обладает богатым смыслом в его индивидуальном сознании, употребляется им систематически и т. п., то в этом случае можно признать, что употребляемое им имя или имена являются именами его индивидуального языка, но в языковом сообществе ничего не обозначают. По отношению к языку они являются пустыми.
7. Можно допустить, что существуют имена, обозначающие нечто в рамках локальных языковых сообществ, не зафиксированные в словарях и энциклопедиях. Они будут осмысленными и иметь истинностное значение только в рамках данного языкового сообщества.

По всей видимости, когда речь идет об абстрактных объектах, невозможно дать какие-то универсальные, общезначимые критерии объекта и непустоты термина, который его обозначает, кроме практического критерия. Эта процедура регулируется языковым сообществом, и окончательно ее формализовать невозможно, хотя и можно выделить определенные

А.В. Мигла. Некоторые проблемы теории прямой референции

признаки. Мы можем сказать, что имя обозначает абстрактный объект, когда это имя получает информативность в языке, причем не в индивидуальном языке, а языке, общем для нескольких представителей языкового сообщества, т. е. когда ассоциируемое с ним содержание становится относительно устойчивым и одинаковым для членов языкового сообщества. Таким образом, языковое сообщество выступает здесь регулятивным фактором.

На мой взгляд, изложенная мной позиция совместима как с каузальной, так и с дескриптивной теорией референции, так как введение понятия смысла имени гармонично бы вписалось в мою позицию. Однако я полагаю, что ассоциируемое с именем содержание может быть вынесено за границы семантики.

Литература

1. *Braun D.* Empty names – *Nous*, vol. 27, № 4, 1993.
2. *Green M.S.* Direct Reference and Empty names – *Canadian Journal of Philosophy*, Vol 37, № 3, 2007.
3. *Kripke S.* Naming and Necessity. Harvard University Press, 1980.
4. *Lewis D.* On the Plurality of Worlds. Oxford: Basil Blackwell, 1986.
5. *Sainsbury R.M.* Fiction and Fictionalism. Routledge, New York, 2010.
6. *Soames S.* Beyond Rigidity, Oxford University Press, 2002.

Т.В. Пашенко

ЖЁСТКИЕ ДЕСИГНАТОРЫ В ТЕОРИИ АБСТРАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ Э. ЗАЛТЫ

The article describes some of the fundamental features of Edward Zalta's Theory of abstract objects in connection with the problem of possible worlds, as well as the use of names as rigid designators. The main feature of Zalta's Theory is the separation of the two types of predication of properties: one for concrete objects and the other for abstract ones. This approach allowed us to avoid certain paradoxes. In the theory of abstract objects possible worlds considered as abstract objects that are associated with propositional properties. Such an approach is not without appeal, but has some syntactical defects, leading to circularity in the definition of modalities and even the definition of identity relation.

Ключевые слова: *Zalta, Крипке, абстрактные объекты, возможные миры, жесткие десигнаторы, тождество*

Keywords: *Zalta, Kripke, abstract object, possible worlds, rigid designator, identity*

Теория абстрактных объектов Э. Залты является аксиоматической теорией, основной задачей которой является систематизация и описание свойств абстрактных объектов различных видов, среди которых можно обнаружить свойства, пропозиции, вымышленные предметы, философские идеализации и некоторые другие сущности. Целью статьи является демонстрация совместимости идей Э. Залты об абстрактных объектах с идеями С. Крипке об именах собственных как жёстких десигнаторах, а также некоторых трудностей, возникающих в связи с данной проблематикой. Сначала, я попытаюсь

описать некоторые из наиболее оригинальных и значимых положений Теории абстрактных объектов, затем укажу на особенности использования жёстких десигнаторов Э. Залтой и, наконец, продемонстрирую некоторую необубедительность подобных решений, связанную со свойствами самой аксиоматической системы, на основе которой Залта строит свои рассуждения.

Теория абстрактных объектов впервые была представлена Э. Залтой в книге *Теория абстрактных объектов: Введение в аксиоматическую метафизику* (1983), получила дальнейшее развитие в книге *Интенциональная логика и метафизика интенциональности* (1988), а также во множестве статей, посвященных различным, в большинстве своем, философско-прикладным, аспектам Теории.

Говоря об исторических основаниях теории Залты, необходимо упомянуть идеи А. Мейнонга о «несуществующих предметах», а также теорию ученика Мейнонга Э. Малли о двух типах предикации. Одним из центральных положений *Исследований по теории предметов и психологии* А. Мейнонга является утверждение о том, что для любого свойства «существует» предмет, обладающий этим свойством. Основное направление критики идей Мейнонга Б. Расселом, базируется на неизбежности противоречивых¹ следствий в случае принятия данного тезиса. Залта модифицирует (см. ниже) это утверждение и использует его в качестве одной из основных аксиом Теории. Что касается учения о двух типах предикации, можно с уверенностью утверждать, что именно оно является основой аксиоматических построений Залты, придающей внушительную выразительную силу его теории.

1. Онтология абстрактных объектов Э. Залты

Согласно представлениям Э. Залты, существуют два типа объектов: физические (ordinary) и абстрактные. Такое разделение обусловлено возможностью иметь место в пространстве

¹ Например, «Круглый квадрат является круглым и не-круглым».

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

и времени (быть конкретными): в то время как физические объекты *могут* быть конкретными, абстрактные объекты *не могут* быть конкретными. Формально это различие представлено так:

$O! =_{df} [\lambda x \diamond E!x]$ – быть *обычным* (ordinary) и

$A! =_{df} [\lambda x \neg \diamond E!x]$ – быть *абстрактным* (abstract), где $E!$ – иметь положение в пространстве-времени.

Таким образом, универсум строго делится на две противоречивые области: множество обычных объектов, которые *могут* иметь пространственно-временные характеристики и множество абстрактных объектов, которые *не могут иметь* пространственно-временных характеристик. К первому классу можно отнести реальных людей, стулья, на которых они сидят или никто не сидит, элементарные частицы, химические элементы и вещества и т. п. – все то, что может быть обнаружено эмпирическим способом, в частности, зафиксировано в лабораторных условиях. Примерами абстрактных объектов являются числа, множества, законы – все то, «*существование*» чего лишь предполагается концептуальным полем некоторой научной теории, но не может существовать физически. А также, вымышленные персонажи, математические теории, круглые квадраты, индивидуальные ментальные проекции и прочие вещи, которые можно лишь помыслить, но нельзя ощутить физически.

Говоря, что обычные и абстрактные объекты *существуют*, Э. Залта уточняет, что существуют они по-разному. Различие в их онтологических статусах в Теории абстрактных объектов выражено формально – с помощью введения дополнительного вида предикации свойств. Обычные объекты экзemplифицируют свойства, а абстрактные – кодируют (encode). С формальной точки зрения, данное различие выражается в формах записи: Fx для « x экзemplифицирует F » и xF для « x кодирует F ». Например, такой объект как Шерлок Холмс *экзemplифицирует* лишь свойство «быть персонажем произведений Конан Дойла», но такие свойства как «дружить с доктором Уотсо-

ном», «быть гениальным сыщиком» или «быть человеком, убившим профессора Мориарти» он *кодирует* или «*определяется*» этими свойствами. Исходя из этого, Залта утверждает, что «свойства имеют два объема: объем экземпляфикации, который меняется в зависимости от мира, и объем кодирования, который неизменен. Таким образом, у нас получается «экстенциональная» теория «интенциональных сущностей», так как условия тождества свойств определяются в терминах тождества их объемов» [6, р. 17]. Каким же образом Э. Залта определяет тождество свойств и тождество абстрактных объектов вообще?

Теория абстрактных объектов была создана для объяснения, систематизации и, возможно, аксиоматизации подобных объектов. Она представляет собой множество аксиом и их дедуктивных следствий. Согласно представлениям Э. Залты, Теория абстрактных объектов является традиционной модальной кванторной теорией (равносильной S5 Льюиса), язык которой расширен для возможности записи выражений со вторым типом предикации. Нет необходимости перечислять все ее аксиомы и теоремы, укажу лишь те, которые имеют принципиальное значение для дальнейшего изложения.

- 1) $O!x \rightarrow \Box \neg \exists F xF$
- 2) $\exists x(A!x \ \& \ \forall F(xF \equiv \phi))$, где ϕ - формула, не имеющая свободных вхождений x .
- 3) $x =_E y =_{df} O!x \ \& \ O!y \ \& \ \Box \forall F(Fx \equiv Fy)$
- 4) $x = y =_{df} x =_E y \vee (A!x \ \& \ A!y \ \& \ \Box \forall F(xF \equiv yF))$
- 5) $\exists F \forall x(Fx \equiv \phi)$, где ϕ не имеет свободных F или кодирующих подформул
- 6) $F = G =_{df} \Box \forall x(xF \equiv xG)$

Первые два утверждения являются собственными аксиомами теории и говорят соответственно о том, что (1) ординарные объекты необходимо не кодируют свойства и (2) для любых свойств необходимо найдется абстрактный объект, который кодирует в точности их. С помощью утверждений (3) и (4) задается отношение тождества. Напомню, что любой объект

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

является либо обычным (ordinary), либо абстрактным. Обычные объекты находятся в отношении тождества ($x =_E y$) если и только если они необходимо *экземплифицируют* только одинаковые свойства, а абстрактные объекты тождественны если и только если они необходимо *кодируют* одинаковые свойства. Общее понятие равенства определяется как дизъюнкция равенств обычных и абстрактных объектов. Утверждение (5) говорит нам, что для данной формулы существует свойство, которое экземплифицировано всеми и только теми объектами, которые удовлетворяют данной формуле. Согласно теореме (6), свойства тождественны, если они необходимо всегда кодируются одними и теми же объектами. Исходя из определения тождества абстрактных объектов как тождества свойств, которые кодируются данными объектами (4) и утверждения о существовании соответственных абстрактных объектов для любых множеств свойств (2) можно утверждать, что абстрактные объекты *уникальны*. Иными словами для определенного набора свойств найдется только один абстрактный объект, их кодирующий. Пусть F и G – некоторые свойства, тогда найдется лишь один абстрактный объект, кодирующий именно эти свойства одновременно, в то время как количество реальных объектов, которые экземплифицируют конъюнкцию данных свойств, очевидно более одного. Иными словами, абстрактный зеленый апельсин уникален, тогда как обычные зеленые апельсины могут встречаться повсеместно. Следовательно, например, формула вида $\exists x(xF \& xG)$ тождественна формуле $\forall x(xF \& xG)$ при любых F и G, в то время как аналогичные формулы с традиционной предикацией будут находиться в традиционных отношениях: из $\forall x(xF \& xG)$ будет логически следовать $\exists x(xF \& xG)$, но обратное будет не верно.

2. Возможные миры как абстрактные объекты

В настоящее время, многие из философов, интересующихся философскими проблемами логики, философией языка и другими аналитико-философскими дисциплинами, склонны считать, что именно С. Кришке впервые удалось соз-

дать теорию, которая позволяла привести множество различных модальностей (как *de dicto*, так и *de re*) к некоторому общему основанию. Таким основанием является понятие *возможного мира*, трактовать которое следует как абстрактный, «метафорический», но не реальный объект. В лекции «Тождество и необходимость» [1] Кришке особо указывает на этот факт, утверждая, что не стоит воспринимать возможные миры как нечто, обладающее *реальным* существованием. Скорее, они являются контрфактическими ситуациями, которые мы рассматриваем, исходя из наших эпистемологических целей. В семантике возможных миров задаются некоторые свойства самих возможных миров (полнота, непротиворечивость, уникальность действительного мира), а также условия истинности простых и сложных (в том числе, модальных) пропозиций. Например, истинность пропозиции $\Diamond p$ определяется как истинность в некоторых возможных мирах, а истинность $\Box p$ – как истинность в каждом возможном мире, $\neg p$ истинно в мире w если и только если p ложно в данном мире, $p \& q$ истинно в мире w если и только если p истинно в мире w и q истинно в мире w и так далее. Необходимо указать, что заслуги Кришке в данной области несомненны. Соглашусь с Л. Б. Макеевой, которая в статье «Возможные миры: метафизика и здравый смысл» утверждает: «Кришке сумел дать унифицированное прочтение модальных операторов, функционирующих в неэквивалентных модальных системах $\langle \dots \rangle$, и построить модели для этих систем, используя теоретико-множественные ресурсы при определении условий истинности высказываний в возможных мирах. В результате удалось преодолеть многие традиционные трудности, связанные с логическим анализом модальностей. Предложенная Кришке семантика модальной логики поражала своей простотой, стройностью и эффективностью; ее необычайный успех во многом способствовал превращению «возможных миров» в важнейший инструмент философского и логического анализа, который в своей применимости не ограничен рамками модальной логики» [2, с. 215].

Не отрицает вклад Кришке в развитие философской мысли и Э. Залта. Замечая, однако, что всем наиболее интересным

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

и значимым утверждениям С. Крипке о возможных мирах, дескрипциях, необходимости тождества и некоторым другим недостает некоторой упорядоченности: некоторые из них строго формализованы (семантика возможных миров), а некоторые создают «скорее лишь «картину», но не теорию» [8, с. 591]. В статье «Вывод и верификация идей Крипке в теории абстрактных объектов» [8], Э. Залта пытается обобщить и систематизировать некоторые, с его точки зрения, наиболее значимые семантические и онтологические утверждения Крипке, выражая их (строго формально) в качестве теорем теории абстрактных объектов. Необходимо обратить внимание на тот факт, что идеи Крипке не подвергаются критическому анализу со стороны Залты, но используются как фактический материал для подтверждения собственных идей Залты, в том числе, убеждению об универсальности теории абстрактных объектов. Говоря по существу, Залта предпринимает попытку (относительно успешную) редуцировать идеи Крипке к своей аксиоматической метафизике. Так как адекватность теории абстрактных объектов не ставится автором под сомнение, такая редукция действительно может способствовать некоторой систематизации, поможет превратить «картину» в теорию, а также определить, являются ли формальные утверждения Крипке собственными аксиомами метафизики или выводятся как теоремы более общей теории.

Свою работу Залта начинает с введения понятия возможного мира. Согласно представлениям Залты, возможные миры являются абстрактными объектами, чья тождественность непосредственно связана с пропозициями, которые являются истинными в них. Более точно, *возможный мир является абстрактным объектом, который может кодировать все и только те пропозициональные свойства², которые выводятся из истинных пропозиций*. Формально это записывается как:

² Пропозициональное свойство есть свойство «*быть таким, что p* », где p – пропозиция. Исходя из этого, можно рассматривать пропозиции как свойства возможных миров. И возможный мир – тот абст-

i. *Возможный мир* $x =_{\text{def}} \diamond \forall p(x[\lambda y p] \equiv p)$

Далее задается понятие *пропозиции, истинной в мире* w

ii. $w \models p = x[\lambda y p]$ (p истинна в мире w если и только если w кодирует свойство *быть таким, что* p).

Затем определяются некоторые наиболее фундаментальные свойства возможных миров и формулируются определения модальностей.

iii. $\Box p \equiv \forall w(w \models p)$
 $\Diamond p \equiv \exists w(w \models p)$

Данные формулы можно интерпретировать как: «*необходимо* p » истинно если и только если p истинно в каждом из возможных миров; «*возможно* p » истинно если и только если p истинно в некоторых возможных мирах. Такая интерпретация является традиционной, но, сопоставив утверждения **i** и **iii**, можно заметить, что в определении возможного мира используется модальность возможности. Возможный мир есть абстрактный объект, который *может* кодировать истинные пропозиции. Модальный оператор возможности, в свою очередь, вводится через понятие возможного мира. Данная ситуация кажется мне весьма проблематичной. Не буду утверждать о наличии круга в определении, так как по дефиниции вводится лишь понятие возможного мира, а модальности задаются с помощью эквивалентных утверждений, хотя для меня представляет определенную трудность проинтерпретировать данные формальные выражения, избежав некоторой самоприменимости (*возможный мир как абстрактный объект, возможно обладающий некоторым свойством*). На мой взгляд, было бы корректнее использовать знак \diamond в определении **i** как метаязыковой символ. Возможно, Э. Залта так и поступает, но, к сожа-

рактный объект, который *возможно* кодирует только свойства истинных пропозиций.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

лению, никаких подтверждений такого положения дел обнаружить не удастся. На указанном затруднении позволяет акцентировать внимание также и тот факт, что специфические ситуации использования знаков встречаются и в иных положениях теории абстрактных объектов, о них упомяну ниже. В следующей части я рассмотрю подход Залты к анализу жёстких десигнаторов и вопросов, связанных с тождеством и необходимостью.

3. Жёсткие десигнаторы, тождество и необходимость

В лекции «Тождество и необходимость» [1] Крипке отвечает на вопрос «Как возможны случайные утверждения тождества?» и описывает некоторые свойства жёстких десигнаторов. Приступая к рассуждениям, автор приводит известное доказательство необходимости утверждений тождества.

1. Для любых объектов x и y , если x тождественно y и обладает определенным свойством, то этим же свойством обладает и y .
2. Несомненно, что каждый объект необходимо тождествен самому себе.
3. Для любых объектов x и y , если x тождественно y , то, при условии, что x необходимо равен x , x необходимо равен и y .
4. Следовательно, если любые x и y равны, то они равны с необходимостью.

Но, несмотря на убедительность данного построения, возникает видимость того, что случайные утверждения тождества существуют. Крипке приводит несколько часто упоминаемых в литературе типов высказываний о тождестве, которые выглядят случайными. Они возможны, если в них утверждается тождество между объектами, обозначенными именами собственными, к примеру, «Туллий есть Цицерон». По замечанию Крипке, «если термином “имя” мы не обозначаем какое-то искусственное понятие, как это делает Рассел, а по-

нимаем его в обычном смысле, то тогда утверждения тождества, высказанные о собственных именах, могут носить случайный характер» [1]. Также, случайными являются утверждения тождества, содержащие информацию о научных открытиях, например, «Тепло есть движение молекул» или «Вода есть H₂O». Подобные утверждения можно рассматривать в качестве случайных в силу их происхождения, как описывающие результаты научных открытий. Их истинность – «дело науки, а не логической необходимости» [Там же]. Приводя эти утверждения, Кришке заявляет, что, по его мнению, их нельзя считать случайными, но только необходимыми. Их необходимость обусловлена расположением *жёстких десигнаторов* на аргументных местах высказываний о тождестве. Жёсткие десигнаторы являются терминами, которые обозначают один и тот же объект во всех возможных мирах. Для жёстких десигнаторов характерны некоторые важные, с точки зрения дальнейшего изложения, свойства.

а. Концепция жёсткого десигнатора предполагает фиксированное употребление языка. Иными словами, жёсткий десигнатор не может иметь различные значения в различных возможных мирах именно при одном и том же (нашем) использовании языка. Если в контрфактической ситуации (в некотором возможном мире) люди используют исключительно язык жестов, то значением жёсткого десигнатора является предмет, удовлетворяющий его дескриптивным свойствам в нашем языке, а не в языке жестов.

б. Жёсткие десигнаторы не предполагают необходимого наличия референта. В любых возможных мирах, в которых референт существует, он обозначается с помощью жёсткого десигнатора. В противном случае можно говорить об отсутствии референта у жёсткого десигнатора, о несуществовании обозначаемого предмета.

Возражения об отсутствии критерия тождества объектов в разных возможных мирах связано с онтологизацией понятия «возможный мир», которое правильнее рассматривать в качестве контрфактической ситуации, а не чего-то похожего на параллельные миры или иные планеты.

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

Интуитивно выделять жёсткие десигнаторы возможно путем вопроса «Возможно ли что X не является Y?» (Число планет – нежёсткий, а корень из 81 – жёсткий).

с. Утверждения тождества между собственными именами, употребляющимися как жёсткие десигнаторы необходимо, так как во всех контрфактических ситуациях значения таких имен тождественны.

Таким образом, согласно Крипке, никаких противоречий между рациональными дедуктивными процедурами и использованием языка не возникает: если можно говорить о том, что объекты равны, то равны они с необходимостью ($x=y \rightarrow \Box(x=y)$).

Обращаясь, к идеям Крипке о тождестве и необходимости, Залта упоминает, что тождество не является фундаментальным отношением в теории абстрактных объектов, но вводится через определение (4). Исходя из данного определения равенства, в теории абстрактных объектов утверждается следующее:

А. Рефлексивность тождества выводима как собственная теорема Теории

В. Утверждение $x=y \rightarrow \Box(x=y)$ является собственной теоремой метафизики, но не логическим утверждением

С. И еще три собственных теоремы метафизики:

a. $\vdash F^1=G^1 \rightarrow \Box(F^1=G^1)$

b. $\vdash F^n=G^n \rightarrow \Box(F^n=G^n) (n \geq 2)$

c. $\vdash p=q \rightarrow \Box(p=q)$

истинность которых связана с иным статусом утверждения (5) из «Тождества и необходимости»: $x = y \rightarrow [\varphi(x, x) \rightarrow \varphi(x, y)]$, которое в теории Залты также является собственной, но не логической теоремой. Иными словами, необходимость тождества выполняется для любых имен, n-местных предикаторов и пропозиций.

Основываясь на приведенных утверждениях, Залта формулирует метафизическую теорию равенства, которая вполне сохраняет необходимость истинных утверждений тождества. Таким образом, идеи Крипке о необходимости тождества действительно прекрасно согласуются с теорией абстрактных объектов, более того, они логически выводятся из ее аксиом как собственные теоремы.

Одной из основных причин необходимости истинных утверждений тождества естественного языка в «Тождестве и необходимости» Крипке называется использование в таких утверждениях жёстких десигнаторов. Каким же образом, Залте удастся избежать затруднений, которые могут возникнуть в результате допущения существования имен, сохраняющих свои референты во всех возможных мирах? В этом случае, Залта поступает довольно последовательно: еще при задании алфавита языка теории абстрактных объектов он постулирует, что все имена, используемые в этой теории, являются жёсткими десигнаторами, причем не только имена собственные, но и определенные дескрипции, и предикаторы. Функция денотации в семантике теории абстрактных объектов не релятивизирована по мирам. Учитывая такую интерпретацию терминов языка, ясно, что все возможные трудности, связанные с представлением идей Крипке в теории абстрактных объектов, элиминируются автоматически. Вопрос лишь в том, каким образом при таких условиях возможны модальные утверждения вообще? Модальные утверждения возможны, благодаря наличию у каждого свойства объема экземпляфикации (изменяющегося в зависимости от мира) и объема кодирования (неизменного). Таким образом, множество абстрактных объектов, которые кодируют свойства, остается инвариантным вне зависимости от мира, а множество обычных объектов (которые могут быть конкретными) в каждом мире может быть различным.

4. Трудности

Коротко описав некоторые идеи Залты в связи с возможными мирами и жёсткими десигнаторами, хочу отметить еще

Часть 2. Априорность, аналитичность и необходимость тождества

одно обстоятельство, связанное с теорией абстрактных объектов, которое мне кажется довольно проблематичным для всех построений Залты. Напомню, что равенство в теории абстрактных объектов не является фундаментальным отношением, но вводится по определению. Согласно определению (4), равенство двух объектов предполагает дизъюнкцию условий равенства абстрактных (равны, если и только если они необходимо кодируют тождественные свойства) и ординарных (равны, если и только если они необходимо экземплифицируют одинаковые свойства) объектов. Возникает вопрос: «Каким образом определяется тождество свойств?». Для ответа на этот вопрос обратимся к теореме (6), согласно которой, свойства тождественны, если они всегда и необходимо кодируются тождественными объектами. Если совместить условия тождества объектов и тождества свойств, получается, что абстрактные объекты тождественны, если и только если они необходимо кодируют свойства, которые кодируются тождественными абстрактными объектами. По сравнению с предыдущей ситуацией, в которой возникало нечто похожее на круг в определении (определение возможного мира через модальный оператор возможности), здесь сомневаться в наличии круга весьма затруднительно. Д. Грейманн [3, р. 99] в связи с этим заявляет, что применяя критерий индивидуации Куайна, знаменитое «No entity without identity», к категориям языка теории абстрактных объектов, вообще нельзя определить ни одно свойство и отличить его от других, поскольку «чтобы понять, что означает для двух сущностей быть кодированными в точности одинаковыми объектами, мы должны заранее знать, в чем заключаются условия тождества для этих объектов» и наоборот. Основываясь на данном утверждении, далее Грейманн утверждает о сомнительной вразумительности языка теории Залты вообще, и он довольно убедителен.

С моей точки зрения, не следует давать столь радикальные оценки трудам Э. Залты. Несмотря на некоторые, в том числе, указанные здесь внутренние проблемы теории абстрактных объектов, она заслуживает рассмотрения, тщательного анализа, возможно, некоторой модификации, с целью пре-

одоления подобных проблем. Связанные с этим вопросы я предполагаю оставить для дальнейшего исследования.

Что же касается изначальной задачи, которую Залта ставит перед собой в связи с идеями Крипке, то такой подход интересен не только тем, что он приводит (пусть и с некоторыми оговорками) в систему внушительное многообразие идей Крипке, но также тем, что системой, в рамках которой все эти идеи объединяются, становится аксиоматическая теория. Несмотря на некоторые внутренние недостатки самой этой системы (в том числе, описанные выше), такой подход довольно любопытен и потенциально продуктивен.

Литература

1. Крипке С. Тождество и необходимость. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. С. 340–376.
2. Макеева Л.Б. Возможные миры: метафизика и здравый смысл // Возможные миры: семантика, онтология, метафизика. Москва: Канон +, 2011.
3. Greimann D. Is Zalta's Individuation Entities Circular? – *Metaphysica*, 2003. 4/2, pp. 93–101.
4. Lynsky B., Zalta E. What is Neologicism? – *The Bulletin of Symbolic Logic*, 2006. 12/1, pp. 60-99.
5. Zalta E. *Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality*. Cambridge, MA: MIT Press/Bradford Books, 1988.
6. Zalta E. *Principia Metaphysica*, a compilation of the theorems of the theory of abstract objects, 1999. [электронный ресурс] <http://mally.stanford.edu/principia.pdf> (дата обращения: 22.02.2011)
7. Zalta E. Neo-Logicism? An Ontological Reduction of Mathematics to Metaphysics // *Erkenntnis*, 2000. 53/1-2, pp. 219-265.
8. Zalta E. Deriving and Validating Kripkean Claims Using the Theory of Abstract Objects. – *Noûs*, 2006. 40/4, pp. 591-622.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Н.М. Гарнцева

МОДАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ КРИПКЕ И ЕГО РАЗВИТИЕ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ*

The paper analyses the logical structure of Kripke's modal essentialist argument against materialism and also puts it in the broader context of contemporary analytic philosophy of mind. The comparison is made between Kripke's essentialism and that of Aristotle. It is argued that Kripke's anti-materialist argument had influenced significantly related arguments of Thomas Nagel, Joseph Levine and especially David Chalmers. However, as for the former, Kripke's notion of «necessary a posteriori» puts some pressure on his zombie argument. Chalmers tries to deal with this problem by introducing two-dimensional semantics. Due to the strength and convincingness of Kripke's argument physicalistic materialism nowadays has lost its status of «orthodox» stance in the analysis of consciousness.

Ключевые слова: модальный аргумент, эссенциализм, психофизическая проблема, феноменальное сознание

Keywords: modal argument, essentialism, mind-body problem, phenomenal consciousness

Модальный аргумент, который Сол Крипке ввел в работах «Тождество и необходимость» [7] и «Именование и необходимость» [8], представляет собой один из наиболее известных аргументов, направленных против материалистической трактовки сознания. Неординарность философской позиции

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00133 а.

Крипке состояла в том, что он не только поставил под сомнение широко распространенное физикалистское толкование сознания, но и возродил дискредитированное в ходе систематических нападок на метафизику представление о наличии у вещей сущностных свойств.

По определению Крипке, свойство некоего объекта можно считать сущностным, если при потере этого свойства объект лишается своей идентичности, перестает быть самим собой. Сущностные свойства, сохраняемые объектом до тех пор, пока он существует, могут быть открыты эмпирически. Философ полагает, что сущностными свойствами человека служат не те или иные атрибуты, которые появлялись и исчезали на протяжении его жизни, а его биологическая индивидуальность, заложенная в акте возникновения эмбриона [8, pp. 110-116]. По мнению Крипке, сущностные свойства артефактов неразрывно связаны с материалом, из которого они были произведены, а сущностные свойства веществ – с их молекулярной структурой [8, pp. 116-140]. Крипке наделяет сущностными свойствами и такие ментальные состояния, как боль (сущностью боли является её «непосредственное феноменальное качество» [8, p. 152], иными словами, то, как она чувствуется, её «болезненность»).

Интерпретируя эссенциализм Крипке, некоторые исследователи сочли допустимым назвать его продолжателем идей Аристотеля, рассматривавшего основополагающий метафизический вопрос о сущем, поскольку оно – сущее, прежде всего как вопрос о сущности. Однако, относя данную точку зрения к числу достойных обсуждения, стоит иметь в виду расхождение между предложенными Аристотелем и Крипке версиями эссенциализма. Аристотель не отождествляет сущность материальной вещи с её субстратом, а Крипке придерживается прямо противоположного мнения. Согласно Аристотелю, определяя сущность одного человека, мы даем определение сущности всех людей, тогда как, согласно Крипке, вопрос о сущности каждого отдельного человека должен решаться в индивидуальном порядке и невозможно дать единственное общее определение сущности всех людей. Кроме того, поскольку телеологизм в значительной мере отличал метафизи-

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

ческие построения Аристотеля от построений его предшественников, то излишним будет обратить внимание на практически полное отсутствие понятия целевой причины в системе взглядов Крипке.

С эссенциализмом у Крипке тесно связано понятие жёсткого десигнатора как термина, отсылающего к одному и тому же объекту в любом из возможных миров. Примером жёсткого десигнатора является имя собственное «Платон», отсылающее к одному и тому же индивиду во всех возможных мирах, а именно к человеку, рожденному от конкретных родителей – Аристонa и Периктионы – и несущему определенную генетическую информацию. Что касается выражения «самый выдающийся ученик Сократа», то это нежёсткий десигнатор, поскольку совсем нетрудно представить себе положение дел, при котором самым выдающимся учеником Сократа был бы другой человек. Иными словами, по убеждению Крипке, референция имени фиксируется не через дескрипцию, а через указание на сущностное свойство объекта. В данном случае – это генетическая информация. Даже если представить себе контрфактическую ситуацию, в которой Платон был бы не философом, а атлетом, он все равно остался бы самим собой, поскольку внешние признаки, согласно Крипке, не связаны с сущностью индивида. Из такой трактовки именованного проистекает уверенность Крипке в том, что утверждения тождества, состоящие из двух жёстких десигнаторов, если они истинны вообще, истинны с необходимостью во всех возможных мирах. Американский философ оспаривает традиционное представление о связи необходимости с априорностью. Он считает: многие апостериорные утверждения также могут быть необходимыми, несмотря на то, что их истинность была выявлена в ходе научных исследований.

Одной из таких необходимых апостериорных истин выступает утверждение «Тепло есть движение молекул». Однако большинство людей расценивает данное утверждение как случайное на том основании, что его истинность была выявлена эмпирически: человек ощутил тепло, затем произвел физические исследования и пришел к выводу о том, что тепло

вызвано движением молекул. Чтобы продемонстрировать иллюзорную, а не реальную случайность подобных утверждений, Крипке рассматривает следующую контрфактическую ситуацию: история эволюции могла бы принять неожиданный оборот, и на планете Земля появились бы существа, которые испытывали бы ощущение тепла не при увеличении интенсивности движения молекул, а при снижении этой интенсивности. Крипке резонно замечает, что вряд ли кто-то осмелился бы на этом основании утверждать, что тепло стало бы холодом. Иллюзорная случайность тождества тепла и движения молекул связана с тем, что люди идентифицировали тепло не по его сущностному, а по акцидентальному признаку – ощущению, которое они испытывали при увеличении скорости молекулярного движения. По сути дела в их сознании произошла произвольная замена необходимого тождества («Тепло есть движение молекул») на случайное тождество («Причина ощущения тепла есть движение молекул»).

Подобно тому, как утверждение «Тепло есть движение молекул» многими ошибочно принимается за случайное, так же обстоит дело и с утверждением «Сознание тождественно мозгу» и с его узкой формулировкой «Боль есть стимуляция С-волокон». Тезис о психофизическом тождестве защищают, в частности, и сторонники теории тождества типов (type-identity theory). Именно против них Крипке направляет острие своей критики. Философ подчеркивает, что утверждение тождества «Боль есть стимуляция С-волокон» состоит из двух жёстких десигнаторов и, стало быть, если оно истинно вообще, то оно должно быть необходимо истинным (т. е. истинным во всех возможных мирах). Однако Крипке пытается доказать, что это утверждение на самом деле случайно, а значит, ложно. По словам мыслителя, «если X – это боль, а Y – соответствующее состояние мозга, <...> кажется вполне возможным, что X мог бы существовать без соответствующего состояния мозга или что состояние мозга могло бы существовать, но не ощущаться как боль» [1, с. 376]. Исходя из того, что можно представить себе состояния сознания существующими без состояний мозга и наоборот, Крипке делает вывод о случайности этого тожде-

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

ства. В схематизированном виде модальный аргумент Кришке может быть сформулирован так:

Пусть X – это боль, а Y – стимуляция С-волокон мозга.

1. Тождество X и Y кажется случайным;
2. Если тождество X и Y кажется случайным, тогда допустимо помыслить возможный мир, в котором X может существовать без Y и наоборот;
3. Если допустимо помыслить возможный мир, в котором тождество X и Y будет нарушено, то тождество X и Y действительно является случайным;

Отсюда вытекает, что тождество X и Y случайно, а значит, ложно.

По мнению Кришке, недопустимо считать данное тождество иллюзорно случайным, как это было в примере с теплом. «Само ощущение боли, – утверждает философ, – не может быть ничем иным, как этим ощущением, и я не могу сказать, что случайным свойством боли, которую я сейчас испытываю, является то, что она боль» [1, с. 371]. В отличие от таких феноменов, как тепло, которое идентифицировалось нами лишь по случайному признаку, боль – это то, к чему мы имеем непосредственный внутренний доступ, и невозможно отделить саму боль от того, как она чувствуется. Разъясняя мысль Кришке, американский философ Скотт Сомс пишет, что когда мы испытываем боль, «мы не говорим себе: «Что за ужасное ощущение! Давайте использовать слово «боль» для того, чтобы обозначать всё, что его вызывает». Напротив, «боль» обозначает само это ощущение, непосредственно идентифицируемое нами без обращения к свойствам, которыми могло бы обладать что-либо другое» [15, р. 300].

Завершая изложение своего аргумента, Кришке использует метафору творения мира Богом, и говорит, что для того, чтобы обеспечить тождество тепла и движения молекул, Творцу не понадобилось бы делать двойную работу и создавать в дополнение к движению молекул еще и тепло. Единственное,

что ему потребовалось бы сделать, так это –произвести существ, которые ощущали бы движение молекул как тепло. Но пожелай Бог обеспечить тождество боли и стимуляции С-волокон, ему пришлось бы куда тяжелее. Для начала ему потребовалось бы создать существ, которые обладали бы С-волоконками, способными к стимуляции, а затем связать эту стимуляцию с чувством боли, а не с каким-либо другим чувством, например, чувством радости. А значит, данное тождество, состоящее из двух жёстких десигнаторов, носит не необходимый, а случайный характер и не может быть истинным.

Следует отметить, что Крипке отнюдь не претендует на безоговорочное опровержение теории психофизического тождества. Он лишь указывает на то, что его критическая аргументация представляет собой серьезную проблему для материалистов.

Даже беглый анализ аргумента Крипке приводит к заключению о том, что по форме он совпадает с классическим аргументом Декарта, изложенным в «Размышлениях о первой философии». Как известно, французский мыслитель пытался доказать реальное отличие души от тела, полагаясь на мыслимость души, существующей отдельно от тела. Крипке не понаслышке был знаком с философией Декарта [14]. Когда Солу было всего 12 лет, он искал ответ на вопрос: «Откуда я могу знать, что все происходящее на самом деле не является сном?» В поисках ответа на этот вопрос, он обратился к своему отцу, а тот сообщил сыну, что об этом писал Рене Декарт. Не откладывая дела в долгий ящик, Сол прочитал «Размышления о первой философии». Вполне возможно, что чтение книги Декарта так или иначе повлияло на рассуждения самого Крипке, однако это не умаляет их оригинальности.

Идеи Крипке вызвали живой отклик у широкой философской общественности, породив волну не только критики, но и заинтересованного одобрения. Важно отметить, что аргументация Крипке дала мощный импульс попыткам ее усовершенствования. Естественно, что этот процесс сопровождался появлением новых антифизикалистских доводов. Именно их и хотелось бы теперь проанализировать.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Философские нововведения Крипке оказали влияние на ряд концептуальных разработок Томаса Нагеля, работавшего в Принстонском университете вместе с Крипке и имевшего возможность посещать его лекции. Вдохновляясь примером своего коллеги, Нагель делает мишенью критики теорию психофизического тождества, в частности, ту ее версию, которую разработал известный австралийский философ Дэвид Малет Армстронг. В июне 1970 года вышла в свет рецензия Нагеля на книгу Армстронга «Материалистическая теория сознания» [2]. Нагель считает одним из главных недостатков концепции Армстронга то, что философ сводит на нет феноменальную составляющую состояний нашего сознания и предлагает объяснять ментальную жизнь человека исключительно в терминах физических причин. Подчеркивая проблематичность главной методологической установки Армстронга, Нагель использует перевернутую версию картезианского аргумента. «Существование тела без сознания, – пишет Нагель, – так же представимо, как и существование сознания без тела. Т. е. я могу представить себе мое тело делающим точно то же, что оно делает теперь (внутри и вне), с полноценной физической каузальностью его поведения (включая поведение, типично самосознающее), но без каких-либо ментальных состояний, которые я испытываю теперь» [11, р. 79]. Примечательно, что здесь Нагель вводит протоидею зомби, которая впоследствии была развита в работах Роберта Кирка и Дэвида Чалмерса. Но Нагель не слишком долго придерживался мнения о том, что зомби мыслимы и метафизически возможны, и в конце концов отказался от этого мнения.

В нашедшей статье «Каково это быть летучей мышью?» [12] Нагель продолжает развертывать критику теории тождества. Так же, как и Крипке, Нагель не принимает редукционизм в трактовке психофизической проблемы, поскольку редукционизмом отмечается субъективный характер ментальных состояний. Нагель ввел аргумент, который его последователи квалифицировали как аргумент от знания (*knowledge argument*). Согласно этому аргументу, из знания физических фактов невозможно дедуцировать знание о ментальных фактах.

Исследование мозга летучей мыши не приведет нас к пониманию, каково это быть ею и воспринимать мир с помощью эхолокатора, точно так же, как и исследование мозга человека гипотетическими высокоразвитыми пришельцами не позволит им понять, каково это для человека находиться в том или ином ментальном состоянии. Впрочем, из всего этого Нагель не делает вывода о ложности физикализма. Его притязания более скромные. Он указывает лишь на то, что ныне у нас нет концептуальных средств, которые позволили бы нам понять, как физикализм может быть истинным. Более того, некоторые идеи Нагеля допустимо трактовать как косвенную поддержку материалистической теории. Подобно Крипке, Нагель настаивает на том, что если утверждения тождества истинны вообще, то они истинны с необходимостью. Вместе с тем в отличие от Крипке он полагает, что случайность утверждений психофизического тождества только кажущаяся, а не реальная. В одном из примечаний к своей статье [12, pp. 445-446] Нагель пытается раскрыть те механизмы, которые создают иллюзию случайности психофизического тождества. Философ различает два независимых друг от друга вида воображения: перцепционное и симпатическое. Когда мы воображаем нечто перцепционно, мы погружаемся в такое состояние сознания, в котором мы пребывали бы, если бы мы непосредственно воспринимали некий предмет. Когда мы воображаем нечто симпатически, мы погружаемся в такое состояние сознания, которое похоже на сам воображаемый нами предмет. Этот вид воображения подходит для того, чтобы представить себе собственные или чужие ментальные состояния. Что же происходит, когда мы пытаемся представить себе ментальное состояние без соответствующего состояния мозга? Мы одновременно используем два несопоставимых вида воображения: симпатическое, когда представляем себе ментальные состояния, и перцепционное, когда представляем себе состояния мозга несуществующими. В итоге, именно из-за различия видов воображения нам начинает казаться, что отношения тождества между состояниями мозга и состояниями сознания являются случайными, даже если на самом деле они и необходимы. Между тем, несмотря на привлекательность тако-

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

го решения проблемы, даже философы, благосклонно относящиеся к нему, признают, что оно не лишено недостатков. Так, Кристофер Хилл с подозрением относится к уверенности Нагеля в нашей способности перцепционно представить себе работающий мозг [6, р. 68]. По словам Хилла, мы не можем невооруженным глазом воспринимать электрохимическую активность нейронов живого мозга, а значит, и не можем вообразить себе ничего подобного. Наш доступ к мозгу, как правило, опосредуется нашими теориями.

В 80-е года XX века теория тождества перестала быть популярной, и ей на смену пришел функционализм. Его сторонники отождествляли состояния сознания не с физическими, а с функциональными состояниями, каузальная роль которых выдвигалась на первый план. Из постулата функционализма о множественной реализуемости ментальных состояний вытекало утверждение, что боль может существовать и без наличия С-волокон мозга. Однако и функционализм был подвергнут критике Джозефом Левином в его статье «Материализм и квалиа. Провал в объяснении» (1983) [9]. Левин исходил из базовых интуиций Крипке, стремясь вместе с тем преобразовать его метафизический аргумент в эпистемологический. К двум заимствованным у Крипке утверждениям: (1) «Боль есть стимуляция С-волокон» и (2) «Тепло есть движение молекул» Левин добавляет третье – утверждение, истинность которого отстаивают функционалисты: (3) «Испытывать боль – значит находиться в состоянии F». По поводу утверждения (2) можно с уверенностью сказать, что естественные науки через описание молекулярной структуры феномена тепла и через указание на его каузальные функции исчерпывающим образом объясняют, почему движение молекул оказывается тождественным теплу.

Гораздо сложнее дело обстоит с утверждениями (1) и (3), поскольку даже самые полные физические и функциональные объяснения феномена боли с неизбежностью упускают качественный характер боли, или то, как она нами чувствуется. Наличие такого «провала в объяснении» (explanatory gap), по мнению Левина, свидетельствует о том, что утверждения (1) и (3) являются случайными, а значит, их истинность допустимо

поставить под сомнение. Вторя Крипке, Левин пишет: «<...> если то, каково это, в частности, иметь С-волокна возбужденными, не объясняется или не делается понятным при понимании физических или функциональных свойств возбуждения С-волокон, то сразу же становится представимым, что существуют возбуждения С-волокон без ощущения боли, и наоборот» [9, р. 358]. Тем не менее, «провал в объяснении» свидетельствует не об онтологическом разрыве между сознанием и мозгом, а об очевидной неспособности функционалистов и физикалистов дать адекватное и всеобъемлющее описание ментального в физических терминах.

Упомянувшийся ранее Скотт Сомс также указывает на то, что эссенциалистский аргумент Крипке можно направить против функционализма, в частности, его материалистической версии, которую разработал Дэвид Льюис в статье «Не-нормальная боль и марсианская боль» [10]. Льюис не считает «боль» жёстким десигнатором и полагает, что она может обозначать стимуляцию С-волокон в этом актуальном мире, обозначая в то же время иные физические состояния в других возможных мирах. Философ характеризует «боль» через дескрипцию ее как состояния с некоей каузальной, т. е. функциональной ролью, определяющей, например, отстранение того, кто испытывает боль, от источника боли. Следовательно, в любом из возможных миров боль есть то, что играет функциональную роль боли. В противоположность Льюису Крипке считает сущностным качеством боли не ее каузальную роль, а ее качественный характер. Как жёсткий десигнатор «боль» всегда обозначает одно и то же состояние для всех существ, даже если речь идет о существах, чья физиология кардинально отличается от человеческой. По мнению Сомса, если взглянуть на позицию Льюиса, исходя из эссенциалистских установок Крипке, то нетрудно увидеть ее парадоксальность. «Если бы Льюис был прав, – пишет Сомс, – то оказалось бы, что в актуальном мире отдельная стимуляция С-волокон могла бы быть головной болью, которая мучила меня прошлой ночью, и одновременно могла бы существовать в другом возможном

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

мире полностью отделенной от функциональной роли боли, а значит, и не быть болью в этом возможном мире» [15, р. 304].

Несмотря на то, что аргумент Кришке против теории тождества по форме является картезианским, это отнюдь не свидетельствует о том, что сам Кришке – дуалист. В одном из примечаний к «Именованию и необходимости» философ заявляет, что отказ от теории тождества не предполагает принятие картезианской дуалистической доктрины и что сам он «рассматривает проблему «сознание-тело» как остающуюся открытой и как чрезвычайно запутанную» [8, р. 155]. Впрочем, подобные заявления Кришке не помешали некоторым авторам заподозрить его в скрытом дуализме [13, 16]. Обоснованность такой оценки идей американского философа вызывает сомнение, однако вряд ли уместно отрицать, что аргумент в пользу дуализма, предложенный Д. Чалмерсом в книге «Сознающий ум» [3], явно напоминает модальный аргумент Кришке. Поскольку аргумент австралийского философа напрямую связан с его пониманием природы сознания, есть смысл вкратце описать, в чем состоит суть этого понимания.

Для того, чтобы избежать методологической путаницы, Чалмерс рассматривает сознание в двух различных аспектах: феноменальном и психологическом, первый из которых связан с «трудной проблемой» сознания, а второй – с «легкими проблемами» сознания. Подобное разделение уместно не только в отношении сознания вообще, но и в отношении многих ментальных состояний. Если рассмотреть в качестве примера такой феномен, как боль, то, с одной стороны, она есть неприятное ощущение (феноменальный аспект), а с другой – сигнал, оповещающий, в частности, о повреждении организма и стимулирующий его к избеганию этих повреждений в будущем (психологический аспект). Чалмерс, Кришке, Нагель и Левин заостряют свое внимание именно на феноменальном аспекте боли, в то время как для Льюиса и Армстронга существует лишь ее психологический аспект. Говоря о «трудной проблеме» сознания, Чалмерс подчеркивает, что, несмотря на большие успехи когнитивных наук и нейронаук в анализе «легких проблем» сознания, эти науки неспособны объяснить,

почему нейронные процессы должны вообще сопровождаться субъективным опытом, а не проходить во тьме.

Чалмерс выстраивает свой аргумент в пользу дуализма свойств, исходя из понятия супервентности (supervenience). Этим термином австралийский философ обозначает те отношения зависимости между свойствами низшего уровня и свойствами высшего уровня, в которых изменения свойств низшего уровня влекут за собой изменения свойств высшего уровня. Чалмерс выделяет логическую супервентность, подчиненную законам логики и совершенно не стесненную законами природы, и природную супервентность, которая имеет место только в нашем актуальном мире и подчинена как законам логики, так и законам природы. По мнению Чалмерса, ментальные свойства именно природно супервентны физическим свойствам, но при этом не супервентны им логически, и ничто не мешает нам представить существо, физически тождественное человеку, но не обладающее сознательным опытом. Таких существ с легкой руки Р. Кирка стали называть в современной западной философии «зомби». Многих ученых раздражает слово «зомби», которое произвольно ассоциируется с монстрами из некоторых фильмов ужасов. Однако, единственное отличие «философского зомби» от обычного человека состоит лишь в том, что у него полностью отсутствует феноменальное сознание при наличии психологического сознания и нормального физиологического строения. Чалмерс не скрывает того факта, что его аргумент от мыслимости зомби весьма схож с модальным аргументом Крипке. Оба мыслителя разделяют мнение о том, что связь состояний сознания и состояний мозга не необходима, а случайна и что нетрудно помыслить возможный мир, в котором эта связь была бы нарушена. Логически возможный мир Чалмерс также понимал вполне в духе своего предшественника – как некую контрфактическую ситуацию, а не как реально существующий мир.

Аргумент Чалмерса против материализма можно схематизировать в следующем виде:

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

1. Допустимо представить возможный мир, физически идентичный нашему миру за исключением того, что люди в нем не обладают феноменальным сознанием, т. е. являются зомби;
2. Если зомби представимы, то они возможны;
3. Если зомби возможны, то сознание не является логически супервентным физическому;
4. Сознание не является логически супервентным физическому, а значит, оно не может быть редуцировано к мозгу.
5. Сознание не обладает физической природой, и материализм ложен.

В отличие от Кришке Чалмерс отрицает представимость сознания, существующего без тела. Тезис о существовании сознания без тела Чалмерс ассоциирует с картезианским дуализмом субстанций и считает ненаучным. Исходя из принципов своего «натуралистического дуализма», Чалмерс полагает, что сознательный опыт представляет собой нефизическое свойство личности, нередуцируемое к физическим свойствам, но так или иначе зависимое от последних в соответствии с законами природы. Философ утверждает: «сознание возникает (*arises from*) из физического субстрата благодаря неким случайным законам природы, которые сами по себе не подразумеваются физическими законами» [3, p. 125].

Оппоненты Чалмерса не раз указывали на тот факт, что вторая посылка аргумента является самой неочевидной: действительно, из того, что нечто представимо, еще не следует вывод, что оно метафизически возможно. Рассуждения этих оппонентов так или иначе подкрепляются авторитетом Кришке, полагавшего, что ошибочно представлять себе воду, имеющей другую химическую формулу, поскольку утверждение «Вода есть H_2O » – это необходимая апостериорная истина. Как кажется, необходимое апостериори Кришке может быть обращено против аргумента Чалмерса: хотя зомби и представимы, они, тем не менее, невозможны. Отстаивая свой аргумент, австралийский философ привлекает аппарат двумерной семантики. По его

мнению, у каждого понятия существуют два интенционала: первичный и вторичный. Первичный интенционал понятия устанавливается априори, независимо от положения дел в актуальном мире. В первичный интенционал понятия «вода» входят все ее поверхностные свойства: она текуча, наполняет водоемы и моря, утоляет жажду и т. д. Поскольку для закрепления первичного интенционала используется дескрипция, не будет логически противоречивым представить возможный мир, в котором вода обладает бы формулой XYZ.

Вторичный интенционал понятия устанавливается апостериори, и он будет указывать на референт в других возможных мирах только после того, как референт четко зафиксирован в актуальном мире. Вторичный интенционал понятия «вода» – это H_2O , а значит, формулой воды во всех возможных мирах является H_2O . Чалмерс уверяет, что, постулируя существование возможного мира, в котором все физические факты совпадают с физическими фактами нашего мира при несопадении ментальных фактов, он привлекает лишь первичные интенционалы понятий, не имеющие отношения к необходимому апостериори, стало быть, его аргумент в пользу дуализма остается в силе и из представимости зомби вытекает их метафизическая возможность.

Привлечение двумерной семантики не сделало аргумент Чалмерса более привлекательным в глазах его критиков, и он потратил немало сил для того, чтобы ответить на их многочисленные возражения [5]. Опуская детали, следует констатировать, что Чалмерс фактически ставит своих оппонентов перед выбором: либо зомби представимы во всех смыслах и дуализм верен, либо, в противном случае, верен расселовский монизм. Что касается последнего, то Чалмерс весьма вольно трактует его: «Существуют базовые нейтральные свойства X (протофеноменальные свойства) – такие, что свойства X одновременно ответственны за конституирование физической сферы (благодаря их отношениям) и феноменальной сферы (благодаря их внутренней природе)» [4, p.265]. Впрочем, расселовский монизм, по мнению Чалмерса, не противоречит дуализму свойств

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

и представляет собой нетипичную версию физикализма, которую типичным физикалистам будет трудно принять.

Хотя прошло уже 40 лет с того времени, как Крипке предложил свой модальный аргумент, этот аргумент не утрачивает актуальности и по сей день, а проблема «сознание-тело» всё так же далека от решения.

Литература

1. *Kripke S.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XIII. С. 340-376.
2. *Armstrong D.M.* A Materialist Theory of the Mind. London; New York, 1968.
3. *Chalmers D.J.* The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford, 1996.
4. *Chalmers D.J.* Consciousness and Its Place in Nature – in Philosophy of Mind. Ed. by D. J. Chalmers. Oxford, 2002, pp. 247-272.
5. *Chalmers D.J.* The Two-Dimensional Argument Against Materialism – in The Character of consciousness. Oxford, 2010, pp. 141-205.
6. *Hill C.S.* Imaginability, Conceivability, Possibility, and the Mind-Body Problem – Philosophical Studies. Vol. 87. 1997, pp. 61-85.
7. *Kripke S.* Identity and Necessity – in Identity and Individuation. Ed. by M. K. Munitz. New York, 1971, pp. 135-164.
8. *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford, 1980.
9. *Levine J.* Materialism and Qualia. The Explanatory Gap – in Philosophy of Mind. Ed. by D. J. Chalmers. Oxford, 2002, pp. 354-361.
10. *Lewis D.* Mad Pain and Martian Pain – in Readings in the Philosophy of Psychology. Vol. 1. Ed. by N. Block. Cambridge (Mass.), 1980, pp. 216-222.
11. *Nagel T.* Armstrong on the Mind – in Nagel T. Other Minds: Critical Essays (1969-1994). Oxford, 1995, pp. 72-81.
12. *Nagel T.* What Is it Like to Be a Bat? – Philosophical Review. Vol. 83. No. 4. 1974, pp. 435-450.
13. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. Cambridge (Mass.), 2001.
14. *Saugstad A.* Saul Kripke, Genius Logician. Interview with Saul Kripke // Go Inside Magazine. 25 February, 2001. URL: // <http://goinside.com/2001/02/25/saul-kripke-genius-logician/> (дата обращения 20.02.2011)
15. *Soames S.* The Philosophical Significance of the Kripkean Necessary Aposteriori – Philosophical Issues. Vol. 16. 2006, pp. 288-309.
16. *Uttal W.R.* Dualism: the Original Sin of Cognitivism. Mahwah (NJ), 2004.

Д.В. Иванов

МОДАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА И ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

The paper examines the influence of Kripke on contemporary metaphysics. It argues that Kripke made possible not only the restoration of Aristotelian realism in metaphysics but also the revival of Cartesian arguments for dualism of mental and physical. The article also demonstrates that Kripke's ideas allow us to argue against zombie argument – the argument that belongs to the type of conceivability arguments for substance dualism.

Ключевые слова: *метафизика, психофизическая проблема, модальный аргумент, аргумент мыслимости, аргумент «зомби»*

Keywords: *metaphysics, mind-body problem, modal argument, conceivability argument, zombie argument*

I

Основной характеристикой метафизических исследований является допущение эссенциализма. Принимая эссенциализм, мы принимаем, по сути, до-философский взгляд, базирующийся на здравом смысле, что вещи обладают свойствами, внутренне присущими этим вещам, и некоторые свойства являются существенными, а некоторые случайными. По сути, это значит, что мы соглашаемся с тем, что вполне законными

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09-03-00544а «Возрождение метафизики в современной аналитической философии».

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

являются такие фразы, как «Я мог бы не написать эту статью». Если это высказывание является истинным, то в данном случае речь идет о случайной истине. Видимо, в оппозицию к этой фразе можно было бы построить высказывание, которое выражало бы необходимую истину, например, «Я не мог бы не быть самим собой». Оба высказывания являются истинными, но каждое выражает истину в особом модусе. В одном случае мы имеем дело с модусом необходимости, в другом – с модусом случайности. Поскольку и в том, и в другом случае речь идет о конкретном объекте, а именно, обо мне, постольку модальности, которые связываются с этими высказываниями, называются модальностями *de re*, т. е. модальностями вещей.

Если мы отказываемся принимать эссенциализм, мы, по-видимому, должны также отказываться признавать существование такого вида модальностей. Именно такую позицию по поводу модальностей занимает Куайн. Отказываясь признавать существование модальностей *de re*, он признает только существование модальностей *de dicto*, т. е. модальностей высказываний. Занимая анти-эссенциалистскую позицию, Куайн пытается показать, что понятие необходимости может употребляться только применительно к высказываниям. Более того, оно применимо только к аналитическим высказываниям, статус которых, как уже было показано, сомнителен. Как уже отмечалось, любое высказывание может быть рассмотрено в качестве необходимой истины в результате определенной интерпретации всей системы, в которой это высказывание функционирует. По-видимому, это значит, что мы можем только условно проводить границы между случайным и существенным, опираясь на какие-либо прагматические основания.

По сути, связывая понятие необходимости с высказываниями, делая его характеристикой высказываний, Куайн переводит разговор из метафизической плоскости в плоскость философии языка или эпистемологии. Такое решение лежит в русле того, что Куайн назвал семантическим восхождением – стратегии решения философских вопросов посредством перевода их рассмотрения в план языка. Иначе говоря, как пытает-

ся показать Куайн, поднимая вопрос о необходимости, мы поднимаем вопрос о языке [3; 4].

Однако должны ли мы соглашаться с этим тезисом? Действительно ли необходимость может быть только характеристикой языковых выражений? Крипке отвечает отрицательно на этот вопрос, показывая, как мы можем сохранить такое понимание необходимости, которое присутствовало в классической метафизической традиции. Выводы о природе необходимости, которые сделал Крипке, были настолько значительными, что они позволили изменить климат, существовавший на тот период в аналитической философии, открыв дорогу различного рода вариантам реалистской метафизики [6].

Допуская модальность *de re*, Крипке демонстрирует, что, по-видимому, мы можем принять вывод, показывающий, что из любого утверждения тождества следует, что это тождество является необходимым [2, с. 341].

- (1) $(x) (y) [(x=y) \supset (Fx \supset Fy)]$
- (2) $(x) \Box (x=x)$
- (3) $(x) (y) (x=y) \supset [\Box (x=x) \supset \Box (x=y)]$
- (4) $(x) (y) ((x=y) \supset \Box (x=y))$

Иначе говоря, если x и y являются одним и тем же объектом, то тождество x и y является необходимым. С другой стороны, такой вывод кажется парадоксальным, поскольку он противоречит убеждению, что случайные утверждения тождества существуют. Например, часто ссылаются на то, что случайными являются утверждения тождества, которые устанавливаются в результате научного открытия. Действительно, например, в результате исследования мы обнаруживаем, что тепло - это всего лишь движение молекул. Кажется, что данный факт является случайным, ведь могло бы оказаться, что правы были те, кто полагал, что тепло - это особая субстанция, называемая теплотородом. Часто приводят в пример утверждения тождества, касающиеся имен. Например, утверждается, что тождество «Геспер есть Фосфор» является случайным. Ведь долгое время считалось, эти два имени обозначают два разных

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

объекта, а именно, «вечернюю звезду» и «утреннюю звезду». Лишь случайно было открыто, что эти два имени обозначают один и тот же объект – планету Венера. Но, говорят, могло бы оказаться так, что были правы древние астрономы, т. е. установленное нами тождество является случайным.

Разбирая случаи, когда кажется, что утверждения тождества являются случайными из-за используемых в них имен или научных категорий, Крипке пытается показать, что несмотря на эту кажимость, мы все же имеем дело с необходимыми истинами в случаях, когда данные утверждения тождества являются истинными. Для этого он проводит следующие различия. Прежде всего, он вводит понятия жёстких и нежёстких десигнаторов. Как пишет сам Крипке, под «жёстким десигнатором» он имеет в виду «термин, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [2, с. 351]. Например, жёстким десигнатором является термин «квадратный корень из 25». Во всех возможных мирах он указывает на один и тот же объект. В качестве нежёсткого десигнатора Крипке приводит в пример термин «изобретатель бифокальных очков», который указывает на Бенджамина Франклина, однако в ином возможном мире этот знак мог бы отсылать к другому человеку. При этом когда Крипке говорит о возможных мирах, то имеется в виду не нечто отдельное от нашего мира, а просто возможность представить контрфактическую ситуацию, в которой этот же объект вел бы себя иным образом или имел бы несколько иные характеристики. Указывая на то, что основная функция имен – осуществлять референцию к именуемому объекту, Крипке предлагает рассматривать все имена в качестве жёстких десигнаторов.

Следующим шагом Крипке проводит различие между тремя понятиями, которые, как он отмечает, часто смешиваются философами: «аналитическая истина», «необходимая истина» и «априорная истина». Особый акцент Крипке делает на анализе последних двух понятий, показывая, что необходимые истины не являются тождественными априорным истинам. Для иллюстрации этого тезиса Крипке обращается к гипотезе Гольдбаха – старой математической проблеме, кото-

рая до сих пор не решена. Согласно этой гипотезе, каждое четное число больше двух можно представить в виде суммы двух простых чисел. Анализируя этот пример, Крипке пишет:

Это математическое утверждение, и, если оно истинно, оно должно быть необходимой истиной. Безусловно, нельзя сказать, что, хотя в действительности каждое четно число является суммой двух простых чисел, могло бы найтись еще и такое число, которое было бы четным и не было бы суммой двух простых чисел. Что бы это значило? С другой стороны, ответ на вопрос, является ли каждое четное число суммой двух простых чисел, неизвестен. Значит, мы действительно не знаем ни *a priori*, ни даже *a posteriori*, что каждое четное число является суммой двух простых [2, с. 358-359].

Этот же тезис можно проиллюстрировать с помощью другого примера. Если предположить, что некоторый объект обладает некоторыми сущностными свойствами, то истина, выявленная относительно этого объекта, будет необходимой, но не будет априорной. Допустим, что для воды существенным является иметь структуру H_2O , т. е. если бы у данного объекта не было этого свойства, это был бы уже другой объект. В таком случае истина, что вода – это H_2O , является необходимой истиной, но очевидно, что узнать это априорным образом мы никак не могли.

Конечно, кто-нибудь мог бы попытаться возразить, сказав, что вода могла бы иметь другую структуру. Это можно было бы понять следующим образом. Мы могли бы использовать слово «вода» для обозначения другого объекта. Против этого Крипке не спорит, но суть его аргумента заключается в том, что необходимой истиной является высказывание «вода есть H_2O » при условии, что слово «вода» употребляется так, как оно употребляется нами сейчас, а мы употребляем его сейчас именно таким образом, чтобы выделить конкретный объект с определенными свойствами. Иначе говоря, слово «вода» является жёстким десигнатором. Кто-нибудь, допустив, что слово «вода» употребляется именно так, как мы к этому привыкли, может попытаться предположить, что объект, на который указывает это слово, мог бы быть иным, например, он имел бы

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

структуру, описываемую формулой XYZ, а не H₂O. Однако что это значит? В каком смысле этот объект по-прежнему оставался бы этим объектом? Кажется, что если это возможно, то мы бы указывали уже на другой объект. Но ведь изначально мы использовали слово «вода», чтобы выделить этот объект. Так как же возможно, чтобы объект оставался тем же самым и был бы при этом другим объектом? Если это невозможно, то, по видимому, при любой контрфактической ситуации вода не могла бы быть иной, чем той, которой она является сейчас.

Фактически, это означает следующее: термин «вода» является жёстким десигнатором, который указывает на один и тот же объект во всех возможных мирах. Другими словами, говоря о возможном поведении или свойствах этого объекта в различных контрфактических ситуациях, мы указываем на один и тот же объект, который мы выделили словом «вода». Жёстким десигнатором оказывается также термин «H₂O». Далее, если мы выяснили, что эти термины обозначают один и тот же объект, то это значит, что установленное тождество будет необходимым. В любом возможном мире эти два термина жёстко фиксируют один и тот же объект. Проблематизировать это тождество можно, но лишь приняв условие, что объект может быть не тождественен самому себе.

Резюмируя, можно сказать следующее. Крипке атакует тезис о существовании случайных утверждений тождества. Это, конечно, не значит, что он исключил саму возможность подобных утверждений, но ему удалось показать, что, если речь идет о тождестве, устанавливаемом между двумя жёсткими десигнаторами, и если это тождество истинно, то оно оказывается необходимо истинным. Более того, подобного рода утверждения тождества не обязаны быть априорными. Это значит, что необходимые истины подобного рода не могут быть установлены посредством анализа языка, значений используемых терминов, наших концептуальных схем и т. д. Можно было бы сказать, что необходимые истины этого рода находятся не в сфере ведения эпистемологии или философии языка, а в ведении метафизики. Это истины устанавливаются относительно вещей, а не высказываний. Это значит, что вопре-

ки мнению Куайна, мы можем говорить о существовании модальностей *de re*.

II

Возрождая классическую аристотелианскую по духу метафизику, которую еще также можно обозначить как модальную метафизику, поскольку она оперирует модальными суждениями относительно возможности и необходимости определенных истин, Крипке также возрождает картезианские по духу аргументы в поддержку дуализма. Рассмотрим аргумент Крипке против теории тождества. Представитель теории тождества полагает, что следующие два тождества подобны: «Вода = H_2O »; «Боль = возбуждение C-волокон». Крипке демонстрирует асимметрию между этими высказываниями. Поскольку каждое высказывание не является априорным, то оба высказывания могут быть ложными. Однако если эти высказывания истинны, то они с необходимостью истинны. Возникает вопрос: как примирить апостериорную необходимость высказываний с фактом кажущейся случайности этих высказываний? Это легко сделать в первом случае. Когда кто-нибудь представляет воду не как H_2O , в действительности он представляет нечто, лишь похожее на воду, но не воду. Однако такое объяснение не работает относительно второго высказывания. Когда кто-то представляет боль, нельзя сказать, что он представляет лишь что-то, что похоже на боль. Представить ситуацию, в которой имеется что-то похожее на боль, и значит представить боль. Сознательные ментальные феномены отличаются от внешних объектов тем, что для них не действует стандартная дистинкция между тем, какими они кажутся, и тем, каковы они на самом деле. Таким образом, основная идея Крипке - продемонстрировать отсутствие необходимой связи между ментальным и физическим. А необходимость такой связи - один из главных тезисов физикализма.

В строгом виде аргумент Крипке против тождества ментального и физического и в поддержку дуализма можно представить следующим образом.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

1. Если утверждение тождества с двумя жёсткими десигнаторами является истинным, то оно является необходимо истинным (истинно во всех возможных мирах).
2. Мыслимо, что утверждение психофизического тождества является ложным.
3. Следовательно, сознание не является тождественным телу.

Как мне кажется, аргумент Крипке действительно демонстрирует отсутствие тождества ментального и физического, однако это не означает, что он доказывает возможность дуализма. Этот аргумент вполне может быть выдвинут против представителей теории тождества представителями функционализма. Однако аргумент Крипке все же открывает дорогу аргументу, претендующему на демонстрацию возможности дуализма. Таким аргументом является аргумент зомби. Цель этого аргумента – показать нередуцируемость сознания к физическому (и функциональному) и, соответственно, ложность физикализма. В нем нам предлагается представить существ, которые были бы физически (и функционально) тождественны обычным людям, но при этом были бы лишены феноменального сознания (речь идет именно о феноменальных аспектах психики, а не обо всей психике!). Любые физические процессы, происходящие в этих существах, являются следствиями исключительно физических событий. Таких существ можно обозначить как зомби. Многие философы полагают, что подобные существа вполне представимы. Впервые в истории философии мы сталкиваемся с определенным их видом уже в работах Декарта, в которых философ рассуждает о животных и о человеческих телах как об автоматах. В XIX в. эта идея обсуждается в работах Гексли. В XX в. идея зомби была введена в философию Кирком, а впоследствии аргумент зомби использовал в своих рассуждениях Чалмерс (5). В настоящее время к аргументу зомби обращаются практически все философы, обсуждающие психофизическую проблему. Аргумент зомби может быть представлен следующим образом.

1. Зомби представимы.
2. Если зомби представимы, то они возможны.
3. Если зомби возможны, то физикализм ложен.
4. Следовательно, физикализм ложен.

Как можно видеть, аргумент нацелен на демонстрацию отсутствия необходимой связи между физическими (функциональными) процессами и феноменальными аспектами психики. Отсутствие такой связи означает, что из знания физических (функциональных) процессов мы не можем дедуцировать знание о феноменальном сознании. Сколько бы мы ни изучали физические и функциональные процессы, происходящие в теле, мы не поймем, почему эти процессы с необходимостью должны сопровождаться феноменальным сознанием.

Аргумент зомби относится к группе аргументов от представимости (*conceivability*). Также этот аргумент можно обозначить как картезианский аргумент, поскольку с аргументом подобной структуры мы впервые встречаемся у Декарта. Структура картезианских аргументов выглядит следующим образом. Как правило, в этих аргументах первый шаг связан с переходом от эпистемического утверждения к модальному, а затем от модального утверждения делается переход к метафизическому утверждению о том, что и как существует. В таких рассуждениях больше всего вопросов вызывает первый шаг. Действительно ли можно из представимости какой-либо ситуации сделать вывод о ее возможности? Декарт полагал, что такой шаг вполне оправдан. В «Размышлениях о первой философии» он предлагает нам следующее рассуждение, призванное продемонстрировать отличие души от тела:

Прежде всего, поскольку я знаю, что все, мыслимое мной ясно и отчетливо, может быть создано Богом таким, как я это мыслю, мне достаточно иметь возможность ясно и отчетливо помыслить одну вещь без другой, чтобы убедиться в их отличии друг от друга: ведь, по крайней мере, они могли быть разделены меж собой Богом; при этом не имеет значения, с помощью какой способности мы можем

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

установить их различие. Таким образом, из одного того, что я уверен в своем существовании и в то же время не замечаю ничего иного, относящегося к моей природе, или сущности, помимо того, что я – вещь мыслящая, я справедливо заключаю, что сущность моя состоит лишь в том, что я – мыслящая вещь. И хотя, быть может (а как я скажу позднее, наверняка), я обладаю телом, теснейшим образом со мной сопряженным, все же, поскольку, с одной стороны, у меня есть ясная и отчетливая идея себя самого как вещи только мыслящей и не протяженной, а с другой – отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей, я убежден, что я поистине отличен от моего тела и могу существовать без него. [1, С. 62 – 63].

Более четко это рассуждение может быть представлено следующим образом.

1. Все, что представимо, возможно.
2. Если представимо, что x существует без y , то x мог бы существовать без y .
3. Если x может существовать без y , то x отличен от y .
4. Я могу представить себя существующим без моего тела.
5. Следовательно, я могу существовать без моего тела.
6. Следовательно, я не тождественен моему телу.

Как отмечали многие философы, подобное рассуждение кажется некорректным.

(1) Прежде всего, кажется, что психофизическое тождество является случайным тождеством. Это значит, что утверждение подобного тождества не может быть опровергнуто на логических основаниях. Иначе говоря, возможность некой ситуации не означает, что эта ситуация реализована.

(2) Кажется также, что мы могли бы перейти от утверждения представимости к утверждению возможности и сделать какие-нибудь онтологические выводы, если бы представимость какого-либо объекта гарантировала знакомство с существенными аспектами существования этого объекта.

Упрек (2), по-видимому, не является принципиальным возражением против перехода от представимости к возможности. Скорее, он налагает определенные ограничения на рассуждения подобного рода. Более существенным кажется упрек (1). Однако этот упрек базируется на представлении о существовании случайного тождества. Именно это представление было пересмотрено Крипке. Вспомним, согласно Крипке, любое утверждение тождества, а не только априорное, если оно истинное, является необходимо истинным, т. е. является истинным во всех возможных мирах. Иначе говоря, невозможно представить ситуацию, когда это тождество не выполнялось бы. Соответственно, если мы можем представить ситуацию, когда тождество не выполняется, т. е. когда тождество не является необходимым, то это значит, что в этом случае вообще отсутствует тождество. При этом важно помнить, что выводы из представимости мы можем сделать лишь в случае, если представимость некоего объекта дает нам доступ к его существенным аспектам.

Как подчеркивают многие философы, сущностной характеристикой феноменального сознания является невозможность провести различие между тем, каково это сознание на самом деле, и тем, как оно представлено переживающему его субъекту. Более того, феноменальное сознание есть ни что иное, как определенная явленность, представленность. Соответственно, представить какое-либо феноменальное ментальное состояние, например, боль, без сопровождающих его физических процессов и означает представить само это состояние. Представимость ситуации отсутствия тождества в данном случае, кажется, влечет возможность отсутствия этого тождества, т. е. признание того, что существует такой возможный мир, в котором это тождество не реализуется. В свою очередь это означает, что тождество ментального и физического не является необходимым, а если это так, то это значит, что здесь вообще отсутствует тождество. Если Крипке прав, то аргумент от представимости в его модальном варианте продолжает существовать. Означает ли это, что аргумент зомби также следует признать справедливым?

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Существенное отличие модального аргумента от аргумента зомби заключается в том, что в первом нас просят представить сознание без тела, а во втором – тело без сознания. Представляя какое-либо ментальное состояние, не сопровождаемое физическими состояниями, мы представляем само ментальное состояние. Пытаясь представить нашего физического (и функционального) двойника без сознания, мы представляем лишь то, что, как нам кажется, является нашим физическим (и функциональным) двойником. В случае с феноменальными ментальными состояниями провести различие между тем, каковы они на самом деле, и тем, какими они кажутся нам, нельзя. В случае с зомби мы вполне можем провести различие между существом, которое кажется нашим физическим (и функциональным) двойником, и реальным нашим двойником.

Если подобное различие можно провести, то это значит, что из представимости зомби мы не можем сделать вывода об их возможности. Ведь сторонник теории тождества может всегда выдвинуть следующее рассуждение: «Если сознание тождественно телу, то это тождество является необходимым. Представив по-настоящему своего физического (и функционального) двойника, вы должны были бы представить и наличие у него сознания, т. е. должны были бы признать, что зомби не представимы. Если же вы настаиваете на том, что зомби представимы, то это лишь означает, что вы представили лишь что-то, что только по видимости является вашим физическим (и функциональным) двойником, но не является таковым на самом деле, т. е. в этом случае вы не выполнили условий мысленного эксперимента и опять же не представили зомби». Как ни странно, подобное возражение со стороны представителей теории тождества возможно, только если мы принимаем идею Крипке о существовании необходимого тождества.

Таким образом, если мы принимаем идею Крипке, то мы должны признать, что аргумент зомби не способен привести нас к выводу об отсутствии тождества между сознанием и телом. Либо же мы должны признать, что этот аргумент зависит от модального аргумента Крипке и базируется на полученных

в нем выводах. В таком случае аргумент зомби оказывается тривиальным и не является сколько-нибудь интересным в теоретическом смысле. Более того, как уже было отмечено, аргумент Крипке лишь демонстрирует отсутствие тождества между ментальным и физическим, но он не является аргументом в поддержку дуализма. Скорее, если мы принимаем аргумент Крипке, то мы должны признать, что верным решением психофизической проблемы является либо функционализм, либо какой-нибудь нередуктивный вариант физикализма.

Литература

1. *Декарт Р.* Рассуждения о первой философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1994.
2. *Крипке С.* Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
3. *Куайн У.* Две догмы эмпиризма // Куайн У. Слово и объект. М., 2000.
4. *Куайн У.* Слово и объект. М., 2000.
5. *Chalmers D.* The Conscious Mind. Oxford and New York, 1996.
6. *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford, 1980.

С.М. Жданов

КРИПКЕ ПРОТИВ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ МЕНТАЛЬНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО

Main extant strategies for refuting Kripke's anti-materialist proof (construed as a conceivability argument) are surveyed while special attention to the question of compatibility of such strategies with the other doctrines laid out in «Naming and Necessity» is paid. It is argued that every premise of the proof can be reasonably questioned on multiple grounds, the most promising approach being the one that challenges the transition from conceivability to metaphysical possibility by invoking a theory of phenomenal concepts while simultaneously denying crucial assumptions underlying two-dimensionalist defenses of the transition.

Keywords: *Kripke, conceivability, mind-body problem, zombies, phenomenal concepts*

Ключевые слова: *Крипке, жёсткий десигнатор, представимость, психофизическая проблема, зомби*

Аргументация против теории типового тождества ментального и физического, выдвигаемая Солом Крипке [17, pp. 144-155; 16, pp. 72-89], основывается на рассуждении, которое может быть суммировано следующим образом:

- (АК) 1. Мы можем представить себе ситуацию, когда ощущение боли не сопровождается возбуждением С-волокон (либо стимуляция С-волокон происходит без ощущения боли).
2. Выражения «боль» и «стимуляция С-волокон» являются жёсткими десигнаторами, причем их референция не задана случайными дескрипциями.

3. Если мы можем представить себе некоторое состояние a , не сопровождающееся состоянием b , и при этом выражения « a » и « b » являются жёсткими десигнаторами, референция которых не задана случайными дескрипциями, существование состояния a в отсутствие состояния b метафизически возможно.

4. Следовательно, метафизически возможно существование боли в отсутствие возбуждения С-волокон (либо возбуждение С-волокон в отсутствие боли).

Заключение аргумента (АК)¹, очевидно, влечет за собой дальнейшее следствие, состоящее в том, что боль не тождественна

¹ Приводимая формулировка представляет собой стандартную интерпретацию релевантного рассуждения Крипке, не будучи, тем не менее, общепринятой. С точки зрения некоторых комментаторов, аргументация Крипке не является разновидностью «двумерного» аргумента от представимости (являющегося на сегодняшний день широко известным в значительной мере благодаря работам Д. Чалмерса [5]).

Так, например, А. Бирн аргументирует, что Крипке в рамках релевантного рассуждения не пытается совершить переход от эпистемологических посылок к метафизическому заключению (см.: [2]). Согласно Бирну, Крипке вообще не предлагает никакой модальной эпистемологии, а используемый им термин «вообразимость» следует понимать как средство выделения *метафизически возможных* контрфактических ситуаций. Одним из соображений в пользу такой интерпретации является, по мысли Бирна, тот факт, что Крипке никак не пытается уточнить содержание ключевого термина «вообразимость», а также совсем не останавливается на вопросе о том, почему представимость влечет за собой возможность. Еще одно соображение основано на утверждении Крипке, что материалист «должен считать, что мы находимся во власти иллюзии, когда думаем, что можем вообразить боль в отсутствии состояний мозга»: в рамках стандартной интерпретации оказывается, что Крипке немотивированно настаивает, что материалист обязан отрицать именно первую посылку (АК). Наконец, пример Крипке с вообразимостью стола, состоящего из другого набора молекул, нежели в действительности, оказывается гораздо менее спорным при предположении, что Крипке в данном случае имеет в виду именно метафизическую возможность подобной ситуации, а не вопрос о способностях нашего воображения. Если данная интерпретация верна, Крипке вообще не принимает аргумент (АК), а все его рассуждение сводится к переходу от утверждения возможности раздельного существования боли и возбуждения С-волокон к тезису об их нетождественности.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

возбуждению С-волокон (в силу необходимости тождества). Поскольку приведенный аргумент является дедуктивно правильным, оценка его общезначимости должна зависеть от оценки трех его посылок.

Каким же образом следует оценить посылки (АК)? Обязательно ли должен их принимать сторонник других доктрин Крипке, излагаемых в «Identity and Necessity» и *Naming and Necessity* (не затрагивающих тему философии сознания)? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим каждую из посылок (АК) более подробно, особое внимание уделяя, во-первых, положительным соображениям в их пользу, а также, во-вторых, возможным способам их опровержения. В ходе сравнительного

Д. Папино предлагает иную интерпретацию рассматриваемого рассуждения Крипке (см.: [29]). Как и Бирн, Папино отмечает, что в текстах Крипке нет никаких свидетельств принятия последним тезиса о переходе от представимости к возможности, т. е. третьей посылки (АК), влекущей за собой тезис, что референция терминов, входящих в состав апостериорных необходимых истин должна быть задана дескриптивно. Согласно Папино, в число свидетельств принятия Крипке данной посылки могло бы входить, в частности, рассмотрение вопроса о статусе необходимых априорных истин вроде «Туллий=Цицерон», на первый взгляд плохо совместимых с указанной посылкой (о собственных именах Крипке эксплицитно утверждает, что они не обладают дескриптивным содержанием); другим свидетельством могло бы стать обсуждение Крипке расселианской эпистемологии, гласящей, что отсутствия дескриптивного содержания у терминов, входящих в состав необходимых истин, достаточно для априорности этих истин – однако такое обсуждение в текстах Крипке отсутствует. Кроме того, аргументативная стратегия Крипке (например, он не пытается напрямую аргументировать, что тождество боли и возбуждения С-волокон не может быть установлено априори), и используемая им терминология также, по мнению Папино, свидетельствуют против принятия им третьей посылки (АК). Если Папино прав, то в отсутствие третьей посылки (АК) аргумент Крипке может быть переформулирован как *ad hominem* против сторонников тождества боли и возбуждения С-волокон: теоретики тождества сами до конца не верят в то, что утверждают, потому что им самим кажется, что их позиция, возможно, является ложной.

Следует отметить, что даже в свете указанных интерпретаций рассуждение Крипке, судя по всему, не несет серьезной угрозы для теоретика тождества, – см., в частности, обсуждение соответствующих вопросов Бирном и Папино.

обзора основных способов опровержения аргумента (АК) попытаемся показать, что (АК) не является интегральной частью общей философской теории, излагаемой Крипке в указанных работах.

1. Первая посылка: духи/зомби и представимость

В основании первой посылки лежат две тесно связанные между собой интуиции: картезианская интуиция, что мы могли бы существовать в виде бестелесных духов,² а также другая не менее часто обсуждаемая в современной философии интуиция – интуиция, что мы не являемся зомби. Терминология «зомби», разумеется, имеет современное происхождение, однако сама по себе данная идея также уходит корнями во времена Декарта и Лейбница.³ «Зомби» можно рассматривать как технический термин, обозначающий существа, отличающиеся от нас отсутствием субъективного опыта; в силу отсутствия качеств опыта невозможно почувствовать, *каково* это – быть зомби.

В контексте излагаемого Крипке аргумента рассматривается более конкретный пример, основанный на двух указанных интуициях – пример соотношения чувства боли и тех состояний нервной системы, которые в нормальном случае сопровождают боль («стимуляция С-волокон»⁴). В соответствии с приведенными интуициями, одно может существовать без другого – ощущающий боль бестелесный дух не имеет нерв-

² Соответственно, аргумент Крипке имеет немало точек соприкосновения с известным аргументом Декарта в пользу дуализма, излагаемым в *Размышлениях о первой философии* (размышление шестое).

³ См., напр., Декарт, *Рассуждение о методе*, часть V; Лейбниц, *Монадология*, #17. Современное употребление термина ведет свою историю, по-видимому, от статьи Роберта Кирка: [15]

⁴ Несмотря на то, что по современным данным ощущение боли предполагает необходимость наличия некоторых дополнительных состояний нервной системы кроме (или даже *вместо*) стимуляции С-волокон, в дальнейшем данный непринципиальный для рассматриваемой дискуссии факт, исходя из соображений простоты, учитывать не будем.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

ной системы, обладающий возбужденными компонентами нервной системы зомби не чувствует боль.

Термин «интуиции», употребляемый в контексте двух предыдущих абзацев, используется в максимально слабом из его возможных смыслов (или одном из таковых). Некоторые философы *говорят* о зомби и бестелесных духах, в силу самого этого факта у них есть соответствующие «интуиции». Очевидно, что рассчитывать на философскую общезначимость приведенный аргумент (АК) можно только в случае задействования более сильного, объективистского понятия, нежели указанное понятие «интуиции». Для обозначения требуемого в данном случае понятия договоримся использовать термин «представимость» – каким же образом тогда можно понимать представимость духов и зомби?

Существует несколько вариантов трактовки представимости. Например, сам Крипке в рамках того рассуждения, на котором основан рассматриваемый аргумент (АК), использует термин «вообразимость», не уточняя, впрочем, его значения.⁵ Наиболее прямолинейная трактовка термина Крипке отсылает, очевидно, к существованию ментальных образов. Представимость духов и зомби, в соответствии с данной трактовкой, можно понимать, таким образом, как *чувственное* состояние, связанное с возникновением образа самого себя в качестве духа, образа своего зомби-двойника и т. д.

Кроме трактовки представимости как чувственного состояния, возможно также и другое понимание – пропозициональное. В соответствии с этим вторым пониманием, представимость предполагает возможность сформулировать *концепцию* представляемого состояния, т. е. построить репрезентацию, обладающую концептуальным содержанием.⁶ Если для

⁵ Данный факт является одним из оснований для существования альтернативных трактовок рассуждения Крипке по сравнению с интерпретацией, выраженной в (АК), см. прим. 1.

⁶ Учитывая тот факт, что тезис о существовании неконцептуального содержания носит проблемный характер, а ментальные образы могут пониматься как пропозициональные репрезентации (см., напр., 228

чувственной представимости зарезервировать термин «вообразимость», то для концептуальной представимости можно было бы использовать термин «мыслимость».

Мыслимость в свою очередь можно трактовать несколькими разными способами, разница между которыми может, в принципе, сыграть роль при оценке (АК) и родственных ему аргументов. В данном случае имеет смысл воспользоваться терминологией Дэвида Чалмерса, являющейся хорошо известной и довольно часто используемой сегодня в дискуссиях о проблемах представимости [4; 5]. Мы можем различить *позитивную* и *негативную* мыслимость состояний. Некоторое состояние *S* является негативно мыслимым, если наличие его в реальности нельзя исключить в отсутствие эмпирического исследования, т. е. априори. Некоторое состояние *S* является позитивно мыслимым, если может быть построено его (внутренне когерентное) описание.

Кроме того, полезной является дистинкция между *мыслимостью prima facie* и *идеальной мыслимостью*. Первая из этих разновидностей представляет собой мыслимость, релятивизированную к субъекту и моменту времени, вторая разновидность не учитывает эти ограничения – это мыслимость в ситуации обладания всей полнотой релевантной информации и неограниченной во времени рефлексии.

Располагая таким набором дистинкций, связанных с понятием представимости, мы можем перейти к вопросу об оценке первой посылки аргумента (АК). Насколько убедительной является данная посылка и чем чревато (в философском плане) ее отрицание? В какой мере, отрицая данную посылку, можно оставаться последователем других доктрин Крипке?

Прежде всего, стоит отметить, что, несмотря на кажущуюся простоту первой посылки, немалое число философов действительно отрицает ее истинность. Некоторые из этих философов считают, что духи и зомби не являются мыслимыми да-

[31]), дистинкция между двумя выделенными видами представимости, вполне возможно, является лишь поверхностной.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

же *prima facie*, другие же отрицают лишь их идеальную мыслимость. К числу первых относятся, прежде всего, те, кто принимает теории сознания, предлагающие анализ ментальных понятий в поведенческих или функциональных терминах, либо философы, тяготеющие к элиминативизму. Репрезентативными представителями данной группы философов являются Дэвид Льюис [21] и Дэниел Деннет [6].⁷ Вторая группа, признавая, что духи и зомби являются мыслимыми для нас *сейчас*, отрицает, что подобное положение дел носит принципиальный характер. Общая идея состоит в том, что дальнейшие успехи науки (либо, в крайнем случае, более развитые когнитивные способности) приведут (привели бы) к тому, что отрицание первой посылки станет казаться нам самоочевидным. Версии рассматриваемой точки зрения принимали, в частности, Томас Нагель [28] и Колин Макгинн [27].

Несмотря на то, что отрицание первой посылки (АК) имеет значительное число сторонников, следует признать, что в свете двух заявленных выше критериев оценки (АК) (философская адекватность и совместимость с другими теориями Крипке), данный подход является не самым удачным. Детальное обсуждение всех перечисленных в предыдущем абзаце точек зрения (а также иных, родственных им), разумеется, не входит в число задач настоящей работы. Суммируем кратко их основные недостатки.

Главный недостаток подхода, основанного на отрицании идеальной представимости духов или зомби, состоит в том, что он представляется *неполным*. Даже если бы мы согласились с тем, что в актуальном или возможном будущем отрицание первой посылки будет самоочевидным (идея, являющаяся, в общем и целом, довольно спорной), перед нами по-прежнему стояла бы задача объяснить, почему аргумент (АК) кажется многим людям убедительным *сейчас*, то есть на основе задействования понятия представимости *prima facie*. Действительно, проponentы (АК) или его вариаций могут ограничи-

⁷ Иные варианты данного подхода можно найти, напр., в работах Г. Хармана [9], Ф. Дретске [8], Дж. Рея [32] и Р. Кирка [14].

ваться пониманием представимости как негативной мыслимости *prima facie*. Попытка заблокировать такие аргументы приводит нас, очевидно, к исходной точке выбора ложной посылки среди трех посылок (АК). Причем признавать ложной первую посылку теперь можно будет лишь на основе понимания представимости духов и зомби именно как представимости *prima facie*.⁸

К сожалению, разновидности подхода, отрицающего *prima facie* представимость духов и зомби сталкиваются, судя по всему, как минимум с одной из двух следующих проблем: либо они предполагают крайне специфическое понимание субъективных качеств опыта, либо же – плохо совместимы с иными доктринами Крипке. Специфическое понимание качеств опыта оказывается релевантным при разговоре о представимости в том случае, если трактовка качеств опыта не оставляет логической возможности их раздельного существования с соответствующими физическими событиями, процессами и т.п. Например, Деннет уподобляет субъективные качества опыта человеческому *здоровью*, утверждая, что оба феномена имеют системно-функциональную природу: так же как здоровье «неотделимо» от нормального функционирования организма, субъективный опыт «неотделим» от нормального функционирования человеческой нервной системы [7]. Подход Льюиса – аналитический функционализм – даже в большей мере страдает вторым недостатком: данный подход анализирует понятия психологических состояний, в том числе состояний, связанных с субъективными качествами опыта, в терминах их функциональных ролей, предполагая, по сути, дескриптивизм относительно терминов ментального словаря.

⁸ Разумеется, противник идеальной мыслимости духов и зомби может одновременно отрицать возможность блокирования указанных аргументов, основанных на понятии мыслимости *prima facie* (на подобных позициях стоит как раз Макгинн). Также стоит отметить, что обсуждение вопросов *prima facie* и идеальной представимости духов или зомби тесно связано с проблематикой так называемого «провала в объяснении», которую, однако, не следует смешивать с самими антиматериалистическими аргументами от представимости.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Не вдаваясь в дальнейшие подробности относительно проблем и перспектив подходов, отрицающих первую посылку (АК), перейдем к рассмотрению двух оставшихся посылок (АК). Можно ли блокировать аргумент (АК) меньшими жертвами, т. е. не принимая особых нестандартных теорий субъективных качеств опыта и не отказываясь от основных доктрин Крипке?

2. Вторая посылка: жёсткие десигнаторы и детерминация референции

Жёсткие десигнаторы – это языковые выражения, референция которых одинакова в тех возможных мирах, в которых у них существуют референты. Например, собственные имена типа «Ленин» и массовые термины типа «вода» являются жёсткими десигнаторами. Не относятся к числу жёстких десигнаторов, например, дескрипции типа «лидер октябрьского переворота» – в некоторых возможных мирах октябрьский переворот произошел под руководством иного деятеля.

В силу того, что тождество является необходимым отношением, предложения типа « $a=b$ », где « a » и « b » – жёсткие десигнаторы, являются либо необходимо истинными, либо необходимо ложными. Так, необходимо истинным является предложение:

(1) Ленин = В.И. Ульянов.

Если же в предложении тождества с одной стороны знака тождества стоит нежёсткий десигнатор, истина данного предложения может носить контингентный характер, пример подобной истины –

(2) Ленин = лидер октябрьского переворота.

Аналогичным образом дела обстоят с массовыми терминами: предложение

(3) Вода = H_2O

является необходимой истиной, в то время как

(4) Вода = вещество, наполняющее естественные водоемы

– является контингентной истиной.

Важно помнить, что при оценке приведенных примеров мы рассматриваем референцию выражений на основе того способа, которым она была задана в действительном мире. В. И. Ульянов, разумеется, мог бы не взять псевдоним «Ленин», или, наоборот, настоящее имя этого человека могло быть иным; кроме того, мы могли бы называть «водой» некоторую иную жидкость XYZ, которая могла наполнять наши естественные водоемы. Все эти варианты, тем не менее, не ставят под сомнение необходимый характер приведенных выше истин (1) и (3), поскольку каждый из этих вариантов предполагает, что референция выражений задана некоторым иным возможным образом по сравнению с тем, как она задана в действительности.⁹

Каковы же механизмы референции приведенных выражений? Можно выделить как минимум три варианта ответа на этот вопрос. Первый вариант состоит в том, чтобы вслед за Фреге и Расселом объявить данные выражения скрытыми дескрипциями (или вслед за Сёрлом объявить их кластерами дескрипций). Несмотря на то, что сам Крипке отвергает подобного рода дескриптивизм, некоторые современные философы пытаются совместить данный подход с принятием отдельных идей Крипке.¹⁰

Второй вариант трактовки механизма референции состоит в том, чтобы рассматривать референцию выражения в тер-

⁹ Учет фактора альтернативных способов задания референции выражений лежит в основе двумерной семантики, краткое обсуждение которой содержится в разд. 3 настоящей работы.

¹⁰ В числе таких философов следует отметить в первую очередь Ф. Джексона [12; 13]. Для того чтобы, принимая дескриптивизм, считать выражения жёсткими десигнаторами, требуется рассматривать жёсткую трактовку ассоциированных с данными выражениями дескрипций (используя, например, оператор *dthat* Д. Каплана: «*dthat*(лидер октябрьского переворота)» следует понимать как «тот, кто является лидером октябрьского переворота в действительном мире»).

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

минах каузально-исторической теории, допуская, однако, возможность фиксации референции выражений с помощью дескрипций. Идея в последнем случае состоит в том, что первоначальное крещение объекта, не доступного непосредственному указанию, может осуществляться с помощью использования дескрипции данного объекта (при этом в дальнейшем референция возникающего таким образом имени будет детерминироваться каузальным образом).

Третий вариант предполагает прямую референцию терминов без всякого участия дескрипций – модель расселовских «логически собственных имен». Данную третью опцию трудно считать универсально применимой, тем не менее, с точки зрения многих философов, она описывает механизм работы некоторых типов десигнаторов, в частности – феноменальных понятий (т. е. понятий, референтами которых являются непосредственные качества опыта).

Вторая посылка аргумента (АК) утверждает, что выражения «боль» и «стимуляция С-волокон» представляют собой жёсткие десигнаторы, референция которых зафиксирована не с помощью случайных дескрипций. Последнее уточнение требуется, по мысли Крипке, для того, чтобы обеспечить возможность перехода от эпистемологических посылок к метафизическому заключению в рамках (АК). Если бы референция данных десигнаторов была задана дескрипциями, описывающими случайную связь между референтами дескрипций и субъектом, использующим данные десигнаторы, то не было бы оснований считать, что представимость некоторых состояний, включающих в себя референты данных десигнаторов, гарантирует метафизическую возможность подобных состояний.

В качестве примера последней ситуации Крипке рассматривает тождество

(5) Тепло = движение молекул.

Данное тождество является необходимым, поскольку по обе стороны от знака тождества стоят жёсткие десигнаторы. Вместе с тем, мы, на первый взгляд, можем представить себе си-

туацию, в которой теплота отлична от движения молекул. Объяснение данного факта представимости состоит в том, что референция термина «теплота» задана на основе случайной дескрипции «то, что вызывает у нас ощущение теплоты» – мы представляем себе, что наше *ощущение* теплоты вызвано чем-то кроме движения молекул, теплота же при этом остается тождественной движению молекул.

Вернемся к выражениям «боль» и «стимуляция С-волокон». Действительно ли они являются жёсткими десигнаторами, чья референция не задана случайными дескрипциями? В истории философии существует долгая традиция трактовки феноменальных состояний, в частности состояния боли, как состояний, с которыми, используя терминологию Рассела, мы имеем «знакомство». Более точно, боль, в соответствии с этой традицией, отождествляется с ощущением боли и рассматривается как некоторый *объект*, непосредственно данный нам в опыте. Данная трактовка боли, в частности, позволяет Крипке утверждать, что тождество боли со стимуляцией С-волокон не аналогично тождеству теплоты с движением молекул. Поскольку боль тождественна ощущению боли, мы не можем считать, что референция выражения «боль» задана случайной дескрипцией, связывающей состояние боли с субъектом, использующим данное выражение. Скорее, по мысли Крипке, мы имеем пример выражения, подобного расселовскому «логически собственному имени».

Каким же образом следует оценить вторую посылку (АК)? В частности, существует ли возможность трактовать боль иным образом, т. е. *не* как особый объект, с которым мы непосредственно знакомы? Очевидно, что такая возможность не только существует, но и была не раз реализована на практике. Еще Джон Сمارт, пионер теории типового тождества ментального и физического, отрицал подобную трактовку непосредственных качеств опыта [34]. Сمارт рассматривает пример остаточных образов, однако его подход несложно применить, в частности, и к случаю боли. Он отрицает само существование таких объектов, как остаточные образы, утверждая, что отождествлению с физическими процессами подлежат не объ-

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

екты, принадлежащие к особому «царству» ментального, а свойства, инстанцированные физическими объектами. Процессам в мозге тождествен, например, не сам по себе объект-оранжевый круглый остаточный образ (такого объекта нет), а процесс, состоящий в следующем: происходит нечто подобное тому, что обычно имеет место в случае нахождения перед хорошо освещенным апельсином в состоянии бодрствования и с открытыми глазами.

Немного модифицируя указанные идеи Смарта, нетрудно прийти к тезису, что референция выражения «боль» задана случайной дескрипцией, связывающей боль с субъектом, использующим данное выражение, т. е. признать выражения «боль» и «теплота» в релевантных отношениях аналогичными. Для этого требуется провести дистинкцию между двумя физическими процессами: болью-как-физическим-процессом (тождественным стимуляции С-волокон) и инстанциацией свойства: x находится в состоянии S , в нормальных условиях возникающем в случае, когда повреждаются (некоторые особые) ткани его организма. Референцию жёсткого десигнатора «боль» в этом случае следовало бы считать заданной случайной дескрипцией «то, что вызывает состояние S , возникающее обычно в тех случаях, когда повреждаются ткани организма».¹¹ Очевидно, что такой подход оказывается несовместимым с истинностью второй посылки (АК).

В общем русле указанного подхода Смарта лежат и функционалистские надстройки над теорией типового тождества, ведущие к еще более сильному заключению, что выражение «боль» не является жёстким десигнатором. В рамках аналитического функционализма Дэвида Армстронга [1] и Дэвида Льюиса [18;20] понятие боли, как отмечалось выше, анализируется в терминах совокупности каузальных ролей, опосредующих связь между определенными стимулами и поведением. Ясно, что выражение типа «процесс, выполняющий

¹¹ Ключевая оговорка при этом должна состоять в том, что состояние S не предполагает существование особого рода объекта-боли принадлежащего к миру нашего субъективного опыта.

такую-то совокупность каузальных ролей», не является жёстким десигнатором, поскольку в разных возможных мирах данную совокупность каузальных ролей могут выполнять разные процессы. Отождествление «боль=стимуляция С-волокон» перестает быть схожим с тождеством (1), а становится подобным тождеству (2).

Таким образом, мы имеем два варианта отрицания второй посылки аргумента (АК)¹², как же можно их оценить? Конечно, оба выделенных варианта – отрицание того, что выражение «боль» является жёстким десигнатором, либо того, что референция выражения «боль» не задана случайной дескрипцией, – нельзя отнести к числу позиций, однозначно отвечающих двум принятым выше критериям (философская адекватность и совместимость с другими идеями Крипке). Многие люди, в том числе философы, отказываются признавать, что не существует никакого особого объекта, данного им в опыте во время появления остаточного образа или боли. Аналитический функционализм, кроме того, как говорилось выше, сопряжен с дескриптивизмом относительно терминов ментального лексикона. Следовательно, отрицание второй посылки в той же мере, в какой и отрицание первой, сопряжено с проблемами обоснования тех спорных метафизических теорий субъективного опыта, которые лежат в основе данного подхода, а также – примирения соответствующих метафизических доктрин с основными теориями Крипке. Будет ли даваться отрицание заключительной посылки более легкой ценой?

Прежде чем обратиться к рассмотрению третьей посылки (АК), следует упомянуть еще об одном, чуть более экстравагантном, подходе, несовместимом с принятием второй посылки (АК). До сих пор мы рассматривали вопрос о том, является ли выражение «боль» жёстким десигнатором, референция которого не задана случайными дескрипциями. Действительно,

¹² Любопытно, что вариации на тему двух приведенных возражений против второй посылки (АК) лежали в основе одного из самых ранних критических обсуждений атаки Крипке на теорию тождества, принадлежащего У. Ликану. [23].

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

именно данное выражение находится обычно в фокусе дебатов между сторонниками и противниками аргумента (АК). Тем не менее, важно иметь в виду, что вторая посылка (АК) предполагает еще один тезис, который как минимум нельзя считать самоочевидным. Речь идет о тезисе, что жёстким десигнатором, референция которого не задана случайной дескрипцией, является выражение «стимуляция С-волокон». Существует особая метафизическая позиция, принятие которой влечет за собой отрицание данного тезиса: ресселианский структурный реализм. В соответствии с доктриной ресселианского структурного реализма, нашему познанию доступны лишь относительные свойства объективных сущностей, но не внутренние их свойства [33].¹³ Если же мы, в самом деле, знаем лишь об отношениях *между* сущностями, в том числе об их отношениях с нами, но ничего не знаем о том, какими они являются «сами по себе», для референции к данным сущностям нам придется использовать случайные дескрипции, и стимуляция С-волокон при этом не будет исключением.

В формулировке Гровера Максвелла [26; 25], структурный реализм предполагает устранение из любой теории теоретических терминов путем использования предложений Рамсея. Чтобы получить предложение Рамсея для некоторой теории, требуется заменить все ее теоретические термины связанными переменными: от теории вида $\mathbf{T}(t_1, \dots, t_n; o_1, \dots, o_n)$, где t_1, \dots, t_n – теоретические термины, а o_1, \dots, o_n – термины наблюдения, требуется перейти к предложению Рамсея для этой теории $\exists x_1, \dots, \exists x_n \mathbf{T}(x_1, \dots, x_n; o_1, \dots, o_n)$. Таким образом, если теория включает в себя десигнатор «стимуляция С-волокон», то в предложение Рамсея для такой теории вместо данного десигнатора будет входить связанная переменная, описывающая связь его

¹³ Строго говоря, позиция Рассела была даже более строгой, поскольку Рассел отрицал познаваемость всех свойств и отношений первого порядка. По Расселу, познанию доступна лишь *структура* первопорядковых отношений между сущностями (относящаяся уже к более высокому порядку). Приведенная в тексте формулировка соответствует скорее позиции Г. Максвелла.

референта с наблюдаемыми сущностями. Ясно, что это и есть не что иное, как случайная дескрипция, устанавливающая связь референта выражения «стимуляция С-волокон» с субъектом, употребляющим данное выражение. Таким образом, структурный реализм оказывается несовместим с принятием второй посылки (АК).¹⁴

Вместе с тем, следует признать, что апелляция к структурному реализму не является приемлемой опцией для большинства материалистов. Несмотря на то, что структурный реализм, рассматриваемый как эпистемологический тезис, не противоречит материализму, он в той же самой мере его и не предполагает. Сам Рассел, например, совмещал принятие структурного реализма с нейтральным монизмом – доктриной, что природа реальности не является ни физической, ни ментальной.

3. Третья посылка: «крипкеанство из учебников» и 2D-семантика

“Крипкеанство из учебников» или «школьное крипкеанство»¹⁵ – термин, которым Стивен Ябло [37] обозначает следующую доктрину в области модальной эпистемологии:

(ТК) любая ошибка на предмет возможности положения дел P , т. е. ситуация, когда субъект A считает P возможным (на основе представимости P), в то время как P метафизически невозможно, представляет собой ситуацию, когда за возможность P принимается метафизическая возможность некоторого иного положения дел Q .

Иными словами, «крипкеанство из учебников» гласит, что нельзя прямо заблуждаться на предмет метафизических воз-

¹⁴ Данное замечание впервые сделал, по-видимому, сам Г. Максвелл [24].

¹⁵ В оригинале: «*textbook kripkeanism*». Данное название, очевидно, обязано тому факту, что рассматриваемое понимание рассуждения Крипке, направленного против теории тождества, является более-менее стандартным.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

возможностей – можно лишь путать разные возможности между собой.

В качестве примера рассмотрим случай апостериорных необходимостей. Тождество «вода= H_2O » является необходимо истинным, вода не может не быть химическим веществом H_2O . Тем не менее, на предмет возможности того, что вода имеет иную молекулярную структуру, очевидно, можно заблуждаться, а для выявления реальной молекулярной структуры воды требуется эмпирическое исследование. Как же такое возможно? В соответствии с (ТК), когда нам кажется, что вода могла не быть H_2O , на деле мы рассматриваем иную возможность, а именно возможность того, что пригодная для питья жидкость без цвета и запаха, наполняющая естественные водоемы и т. д., могла иметь иную молекулярную структуру, нежели H_2O . Это вещество не было бы водой, однако оно «выглядело бы» как вода, т. е. было бы неразличимо с водой в ситуации отсутствия релевантного эмпирического исследования.

Очевидный вывод из доктрины (ТК) состоит в том, что в области модальной эпистемологии существует своеобразный тест на наличие потенциальной ошибки в ситуации представимости определенного положения дел P . Если положение дел P эпистемически неотличимо от иного положения дел Q , то возможность ошибки существует, если же никакого иного возможного положения дел, эпистемически неотличимого от P , нет, то представимость P является легитимным основанием для заключения о метафизической возможности P .

Именно тезис (ТК), очевидно, является тем базовым принципом, на который опирается третья посылка аргумента (АК). Согласно Крипке, тот факт, что референция терминов «а» и «b» не была зафиксирована с помощью случайных дескрипций, исключает вариант принятия за возможность нетождественности a и b некоторой иной возможности, эпистемически неотличимой от данной. Идея Крипке состоит в том, что в случае, когда фиксация референции «а» и «b» производилась не с помощью случайных дескрипций, референция данных выражений задана сущностным образом, и, следовательно, мы

можем быть уверены, что не говорим об иных сущностях, эпистемически неотличимых от *a* и *b*.¹⁶

Если признать, что референция выражений «боль» и «стимуляция С-волокон» не задана случайными дескрипциями, имеются ли перспективы отрицать доктрину (ТК) и/или обойти третью посылку аргумента (АК)? (Третья посылка аргумента (АК) влечет за собой тезис (ТК), поэтому ее отрицание не влечет за собой отрицания (ТК); отрицание же тезиса (ТК), напротив, влечет за собой отрицание третьей посылки (АК).) Такие перспективы, очевидно, имеются; рассмотрим некоторые наиболее известные подходы.

Прежде всего, очевидно, что в рамках третьей посылки (АК), так же, как и в общей доктрине (ТК), важную роль играет понятие представимости. По мнению некоторых философов ключевым при оценке рассматриваемых тезисов является вопрос о *механизмах* представимости. Данное соображение впервые было высказано Томасом Нагелем применительно к случаю воображения [28, fn. 11]. Если трактовать представимость как вообразимость, третья посылка (АК) сталкивается, по мнению Нагеля, со следующей проблемой (возникающей, очевидно, и для более общего тезиса (ТК)). Предположим, в разных ситуациях могут быть задействованы разные механизмы воображения – в частности, механизмы воображения для сущностей, воспринимаемых, исходя из перспективы первого лица (таких, как непосредственные качества опыта), отличны от механизмов воображения для сущностей, воспринимаемых, исходя из перспективы третьего лица (таких, как наблюдаемые материальные объекты). Если это действительно так, у нас отсутствует гарантия того, что одна и та же сущность не может быть вообразимой с помощью разных механизмов.

¹⁶ В [16] Крипке исходит из того, что использование случайных дескрипций при фиксации референции «*a*» и «*b*» – это единственный способ спутать *a* и *b* с иными эпистемически неотличимыми сущностями, «о котором он только может подумать». Ясно, что сам по себе тезис «крипкеанства из учебников» не исключает иных вариантов происхождения модальных ошибок, не связанных с использованием случайных дескрипций.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

Более конкретно, Нагель различает «перцептуальное» и «симпатическое» воображение. Механизм первого состоит в том, что мы помещаем себя в сознательное состояние, подобное тому, которое имело бы место в случае восприятия объекта; механизм второго – в том, что мы помещаем себя в сознательное состояние, подобное самому объекту. По мнению Нагеля, иллюзия возможности существования боли в отсутствии стимуляции С-волокон (и, наоборот, стимуляции С-волокон в отсутствии боли) объясняется тем, что воображение состояний боли основана на иных механизмах, нежели воображение состояний физических объектов: воображение боли есть симпатическое воображение, в то время как воображение физических объектов есть перцептуальное воображение. В силу данного факта, третья посылка (АК) нуждается в уточнении, оговаривающем, что представимость состояний *a* и *b* должна быть основанной на одних и тех же механизмах (аналогичным образом для тезиса (ТК)). Поскольку для случая боли и стимуляции С-волокон данная оговорка не выполняется, третья посылка (АК) должна быть отвергнута.

Применительно к мыслимости позицию Нагеля пытается развить Кристофер Хилл [10]. Хилл выделяет особый вид понятий – «сенсорные понятия», – референтами которых являются состояния опыта, а механизм референции состоит в том, что их приложимость обоснована нахождением в том опытном состоянии, которое является референтом такого понятия. В то время как понятие боли является сенсорным понятием, понятие стимуляции С-волокон не таково. Поскольку условия обоснования приложимости сенсорных и нейрофизиологических понятий принципиально различны, утверждает Хилл, третья посылка аргумента (АК) (а также тезис (ТК)) должны быть модифицированы соответствующим образом. Принятие же подобной модификации блокирует третью посылку, а значит и весь аргумент (АК).

Сходные идеи относительно различия типов понятий боли и стимуляции С-волокон высказывает также Брайан Лоар [22], развивая, однако, гораздо более детализированную теорию, нежели Хилл. Согласно Лоару, существует особый класс

так называемых понятий узнавания – понятий вида «данная сущность принадлежит к *такому-то* виду». Это демонстративы, референтами которых являются типы объектов, выделяемые на основе восприятия. Особой разновидностью понятий узнавания являются феноменальные понятия, специфика которых состоит в том, что они применимы к опытным состояниям, и их референция задана не через модусы презентации референта, а непосредственно. (При этом предполагается, что обычные материальные объекты могут быть референтами одновременно нескольких понятий узнавания в силу того, что данные понятия выделяют объекты на основе их различных аспектов). Несмотря на то, что феноменальное понятие боли задает боль не с помощью случайной дескрипции, третья посылка (АК) оказывается, в свете позиции Лоара, заблокированной в силу того, что боль и стимуляция С-волокон являются понятиями разных типов.¹⁷

Существуют ли недостатки в рассмотренной позиции Нагеля, Хилла и Лоара? Элай Хирш в недавней работе, посвященной защите аргумента Крипке [11], утверждает, что данная стратегия не решает проблемы, поставленной перед материалистами Крипке, поскольку не позволяет найти ошибку в его рассуждении. Найти ошибку, согласно Хиршу, означало бы объяснить априори, почему рассуждение неверно – подобно тому, как мы можем объяснить априори, почему неверно рассуждение о нетождественности теплоты и движения молекул. Поскольку материалисты просто отвергают данное рассуждения, не предлагая никаких способов его корректировки, они расписываются в своем собственном бессилии решить поставленную Крипке проблему.

Возражение Хирша, очевидно, поднимает важные проблемы, связанные с методологией философии, рассматривать которые в настоящий момент было бы не уместно. Говоря коротко, ответ Хиршу должен состоять, по-видимому, в том, что он неправоммерно завьщает планку стандартов философской

¹⁷ Еще одна теория, лежащая в русле идей Хилла и Лоара, принадлежит Дж. Перри [30].

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

аргументации, проходя в опасной близости от *petitio principii*. Если моделью философского опровержения считать опровержение нетождественности теплоты и движения молекул, то большинство обсуждаемых в философии серьезных аргументов рискуют автоматически превратиться в неопровержимые. Гораздо уместнее считать тезис о нетождественности теплоты и движения молекул тривиальной ошибкой, а решением аргументов типа (АК) – любую внутренне когерентную теорию, влекущую за собой, что данный аргумент не проходит. Философская методология, хорошо совместимая с последним подходом, состоит в создании и сравнении между собой внутренне когерентных теорий, описывающих специфику некоторых предметных областей или совокупностей таковых, причем в качестве аргументов «за» и «против» философских теорий могут рассматриваться соображения любого рода, в том числе эмпирические, общенаучные и т. д.¹⁸

В русле подобных представлениях о философской методологии, серьезным соображением в пользу аргумента (АК) было бы наличие внутренне когерентной философской теории, описывающей предметные области, затронутые в рамках (АК), и влекущей за собой истинность всех трех его посылок (либо положений, аналогичных посылкам (АК)). На роль такой философской теории претендует сегодня так называемая «амбициозная двумерная семантика» (термин Скотта Сомса), наиболее видным проponentом которой является Дэвид Чалмерс [5; 3]. Кратким рассмотрением основных положений 2D-семантики Чалмерса мы и закончим настоящий раздел.

Опираясь на более ранние идеи Дэвида Каплана, Ллойда Хамберстона, Роберта Столнейкера, Гарета Эванса, Дэвида Льюиса и других исследователей, Чалмерс постулирует «два измерения» значения языковых выражений. Любое языковое выражение, по Чалмерсу, ассоциировано с двумя интенционалами. Первичный интенционал (1-интенционал) представляет собой функцию от возможного мира, рассматриваемого как

¹⁸ Данное воззрение на философскую методологию имеет много общего с подходом Дэвида Льюиса, излагаемым, например, в [19].

актуальный (или «центрированного» возможного мира) к экстенсионалу в данном мире. Рассматривая возможный мир как актуальный, мы исходим из того, что референция наших десигнаторов могла быть задана иначе. В том мире, где пригодная для питья жидкость без цвета и запаха, наполняющая естественные водоемы и т. д., имеет структуру XYZ – если рассматривать данный мир как актуальный – тождество «вода=XYZ» является истиной. Вторичный интенционал (2-интенционал) выражения представляет собой функцию от возможного мира, рассматриваемого как контрфактический, к экстенсионалу в данном мире (2-экстенсионалу).

Таким образом, мы можем различать два типа модальных статусов предложений: 1-необходимость/1-возможность и 2-необходимость/2-возможность. Несмотря на то, что тождество «вода=H₂O» является 2-необходимым (если референция выражения 'вода' задана в нашем мире, данное тождество не может оказаться ложным), оно является 1-контингентным (в тех мирах, где референция выражения «вода» задана иначе, тождество «вода=H₂O» является ложным). С помощью понятия 1-необходимости Чалмерс анализирует понятие априорности. Так, традиционные примеры априорных контингентных истин (вроде примера Крипке «эталон метра составляет один метр в длину») понимаются Чалмерсом как 1-необходимые, но 2-контингентные предложения. Примеры апостериорных необходимостей («вода=H₂O»), напротив, трактуются им, как уже было сказано, в качестве 1-контингентных, но 2-необходимых предложений.

В чем состоит «амбициозность» двумерной семантики Чалмерса? Немного упрощая, она состоит в том, что 2D-семантика понимается Чалмерсом как буквальная теория значения. Это означает, в частности, что данная теория в определенном отношении возрождает семантический дескриптивизм (относительно собственных имен, массовых терминов и т. д.), а также предполагает существование аналитических истин и так

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

называемого узкого ментального содержания.¹⁹ Амбициозная двумерная семантика, таким образом, плохо совместима не только с материализмом, но также и с миллианской теорией референции, семантическим экстернализмом и отрицанием дистинкции аналитическое/синтетическое.²⁰ Еще одной важной особенностью (и слабым местом) амбициозной двумерной семантики, о которой следует упомянуть в заключении, является ее зависимость от тезиса (ТК). Амбициозная 2D-семантика явным образом опирается на тезис о существовании одного множества возможных миров, не проводя фундаментального различия между эпистемической и метафизической модальностью. Возражения против данного тезиса представляет собой, соответственно, еще одно серьезное соображение в пользу альтернатив рассматриваемого подхода.

Подводя итог сказанному относительно третьей посылки (АК), следует отметить, что данная посылка, как и более общая доктрина (ТК), не совместима с подходом, основанным на тезисе о существовании особого типа понятий, приложимых к субъективным качествам опыта. Данный тезис не свободен от возражений, однако оказывается более предпочтительным при сравнении его с альтернативными доктринами, объясняющими третью посылку (АК) (в частности, 2D-семантикой Чалмерса).

4. Заключение

Аргумент (АК), являющийся разновидностью стандартной интерпретации рассуждения Крипке, направленного против теории типового тождества ментального и физического, может быть заблокирован несколькими разными способами: против каждой из трех его посылок существуют более или менее убедительные возражения. Если не брать в расчет подходы, несовместимые с иными доктринами Крипке (в первую очередь подходы, предполагающие дескриптивизм относи-

¹⁹ То есть содержания, являющегося онтологически производным («супервентным») от состояний мозга.

²⁰ Развернутую аргументацию против амбициозной двумерной семантики можно найти в работе Сомса [35].

тельно референции языковых выражений), диалектическая ситуация состоит в следующем. Существуют способы отрицания посылок аргумента (АК), совместимые с принятием других центральных доктрин Крипке (таким образом, аргумент (АК) не является интегральной частью общей философской доктрины, развиваемой Крипке). Недостатком многих возражений против первой и второй посылок (АК) является их зависимость от некоторых контринтуитивных философских тезисов, трактующих природу субъективных качеств опыта. Возражения против третьей посылки также имеют некоторые недостатки, в частности, существуют трудности методологического характера, связанные с априорной демонстрацией ложности указанной посылки. Вместе с тем, следует признать, что данные недостатки возможных возражений против посылок аргумента (АК) не являются фатальными, поскольку могут компенсироваться общими положительными соображениями в пользу некоторой более общей материалистической философской доктрины, составной частью которой являются рассмотренные возражения. На основе приведенных соображений наиболее оптимальным подходом к аргументу (АК) следует признать отрицание его третьей посылки, вопрос о конкретных особенностях подобного подхода остается при этом открытым.

Литература

1. *Armstrong D.M.* A Materialist Theory of the Mind, Second Edition. London: Routledge, 1993.
2. *Byrne A.* Possibility and imagination. – *Philosophical Perspectives*, vol. 21 (2007), pp. 125–144.
3. *Chalmers D.* The Conscious Mind. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996.
4. *Chalmers D.* Does conceivability entail possibility? – in Gendler T. & Hawthorne, J. (eds.), *Conceivability and Possibility*. Oxford: Oxford University Press, 2002, pp. 145–200.
5. *Chalmers D.* The two-dimensional argument against materialism, – in Chalmers D. *The Character of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 141–205.
6. *Dennett D.* *Consciousness Explained*. New York et. al.: Back Bay Books, 1991.

Часть 4. Модальная метафизика и философия сознания

7. *Dennett D.* The unimagined preposterousness of zombies. – *Journal of Consciousness Studies*, vol. 2 (1995), pp. 322–6.
8. *Dretske F.* *Naturalizing the Mind.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
9. *Harman G.* The intrinsic quality of experience. – *Philosophical Perspectives*, vol. 4 (1990), pp. 31–52.
10. *Hill C.S.* Imaginability, conceivability, possibility, and the mind-body problem. – *Philosophical Studies*, vol. 87 (1997), pp. 61–85.
11. *Hirsch E.* Kripke's argument against materialism, – in Koons, R.C. and Bealer, G. (eds.), *The Waning of Materialism.* Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 115–136.
12. *Jackson F.* *From Metaphysics to Ethics: A Defense of Conceptual Analysis.* Oxford: Oxford University Press, 1998.
13. *Jackson F.* *Language, Names, and Information.* Malden, MA et. al.: Wiley-Blackwell, 2010.
14. *Kirk R.* *Zombies and Consciousness.* Oxford: Oxford University Press, 2005.
15. *Kirk R.* Zombies v. materialists. – *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volume, vol. 48 (1974), pp. 135–152.
16. *Kripke S.A.* Identity and necessity, – in Kim J. & Sosa E. (eds.), *Metaphysics: An Anthology.* Oxford et.al.: Blackwell Publishing, 1999, pp. 72–89.
17. *Kripke S.A.* *Naming and Necessity.* Oxford: Basil Blackwell, 1980.
18. *Lewis D.* An argument for the identity theory. – *Journal of Philosophy*, vol. 63 (1966), pp. 17–25.
19. *Lewis D.* *On the Plurality of Worlds.* Oxford: Basil Blackwell, 1986.
20. *Lewis D.* Psychophysical and theoretical identifications. – *Australasian Journal of Philosophy*, vol. 50 (1972), pp. 249–258.
21. *Lewis D.* What experience teaches, – in Lewis D. *Papers in Metaphysics and Epistemology.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 262–290.
22. *Loar B.* Phenomenal states (second version), – in Block N., Flanagan O. and G. Güzeldere (eds.), *The Nature of Consciousness: Philosophical Debates.* Cambridge, MA: MIT Press, 1997, pp. 597–616.
23. *Lycan W.G.* Kripke and the materialists. – *Journal of Philosophy*, vol. 71 (1974), pp. 677–689.
24. *Maxwell G.* Rigid designators and mind-brain Identity. – in Savage, C.W. (ed.), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. 9 (1978), pp. 365–404.
25. *Maxwell G.* Structural realism and the meaning of theoretical terms, – in Winokur, S. and Radner, M. (eds.), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. 4 (1970), pp. 181–192.
26. *Maxwell G.* The ontological status of theoretical entities, – in Feigl H. and Maxwell G. (eds.), *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. 3 (1962), pp. 3–14.
27. *McGinn C.* Can we solve the mind-body problem? – *Mind*, vol. 98

- (1989), pp. 349–66.
28. Nagel T. What is it like to be a bat? – *Philosophical Review*, vol. 83 (1974), pp. 435–50.
 29. Papineau D. Kripke's proof is ad hominem not two-dimensional. – *Philosophical Perspectives*, vol. 21 (2007), pp. 475–494.
 30. Perry J. *Knowledge, Possibility, and Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
 31. Pylyshyn Z. *Seeing and Visualising: It's Not What You Think*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003.
 32. Rey G. Toward a projectivist account of conscious experience – in Metzinger T. (ed.), *Conscious Experience*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1995, pp. 123–142.
 33. Russell B. *The Analysis of Matter*. London: Routledge Kegan Paul, 1927.
 34. Smart J. Sensations and brain processes. – *Philosophical Review*, vol. 68 (1959), pp. 141–156.
 35. Soames S. *Reference and Description: The Case against Two-Dimensionalism*. Princeton: Princeton University Press, 2005.
 36. Stoljar D. *Ignorance and Imagination: The Epistemic Origin of the Problem of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
 37. Yablo S. Textbook kripkeanism and the open texture of concepts. – *Pacific Philosophical Quarterly*, vol. 81 (2000), pp. 98–122.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

Ю.В. Горбатова

ОБ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ ЧЕРЕЗ ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ В КОНЦЕПЦИИ А. ПЛАНТИНГИ

In this paper I briefly consider the following questions: 1) the actual ontology of states of affairs as it is given in Plantinga's semantics; 2) the problem of transworld identity; 3) the redundancy of the concept of «object» as A. Plantinga postulates it. A philosophical analysis of this concept, as well as the concepts of «I» and of «actual world» within the framework of «states of affairs semantics» is provided.

Ключевые слова: *Плантинга, семантика возможных миров, кросс-идентификация, онтология, положение дел, объект*

Keywords: *Plantinga, possible worlds semantics, transworld identity, ontology, state of affairs, object*

Алвин Плантинга – американский философ-аналитик, в начале 70-х годов XX века сформулировавший свой версию семантики возможных миров, с помощью которой он решает основные теологические вопросы: доказательство существования Бога, объяснение существования зла в мире, устранение противоречия из понятия всемогущества Бога.

В настоящей статье я кратко рассматриваю следующие вопросы: 1) собственно онтологию положений дел так, как она задана у А. Плантинги; 2) проблему прослеживания объектов через возможные миры; 3) избыточность понятия объекта в онтологии положений дел А. Плантинги. В качестве развернутого вывода предлагается философский анализ понятия объ-

екта в семантике положений дел, место и функции «Я» в такой онтологии, обоснование выделенности одного из возможных миров.

* * *

Конструируя свою семантику, Плантинга обращается не к объектам, а к положениям дел как к базовой онтологической категории. На множестве положений дел задается понятие актуальности: актуальными считаются те положения дел, которые действительно имеют место (то есть, некоторые положения дел имеют место, а некоторые – нет). Возможные миры – это некоторые положения дел, однако не всякое положение дел является возможным миром. Для того, чтобы строго задать понятие возможного мира, Плантинга вводит несколько дополнительных категорий:

- Положение дел S *включает* положение дел S' , если невозможно, чтобы S имело место, а S' – нет.
- Положение дел S *исключает* положение дел S' , если невозможно, чтобы S и S' имели место одновременно.
- *Дополнение* к положению дел S – это положение дел, которое имеет место только в том случае, когда само положение дел S не имеет места.
- S является *полным* положением дел, если и только если для любого положения дел S' верно, что S либо включает, либо исключает S' ¹.

Каждому положению дел можно сопоставить высказывание (пропозицию). Собственно, Плантинга никак не поясняет различие между положениями дел и высказываниями, но только признает, что они в некотором смысле эквивалентны² и

¹ Включение для положений дел то же, что выводимость – для высказываний. Если S исключает S' , то высказывание, соответствующее S , влечет высказывание, соответствующее отрицанию S' . Высказывание, соответствующее такому положению дел, представляет собой отрицание S .

² Для удобства в качестве примеров будем далее использовать высказывания, а не положения дел, поскольку последние на русском языке звучат несколько неестественно.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

ссылается при этом на Чизома [7], который утверждал, что между ними никакой разницы на самом деле нет.

Итак, возможный мир – любое полное (максимальное) положение дел. Один и только один мир (Плантинга называет его « α ») имеет место, то есть является актуальным. «Высказывание истинно в актуальном мире, если оно является истинным. Оно является истинным в мире W , если *бы оно было* истинным, будь мир W актуальным» [9, р. 46].

- Книга мира W – множество высказываний, истинных в W^3 .

Для своего мира книга является максимальным непротиворечивым множеством высказываний: если B является книгой, тогда для любого высказывания P верно, что либо оно само, либо его отрицание является элементом B . Для книги и возможного мира имеет место взаимно-однозначное соответствие.

Очевидно, что разные возможные миры включают разные положения дел. Отсюда вытекает, что «множество книг (назовем его «библиотекой») остается одним и тем же от мира к миру; что при этом изменяется, так это ответ на вопрос, какая книга содержит только истинные высказывания» [9, р. 47]. При этом Плантинга заявляет: каждый мир существует в каждом мире, т. е. все возможные миры существуют в актуальном возможном мире, сами не являясь при этом актуальными. *Фактически актуальным* является только один мир – α , но для себя самого, внутри себя самого – каждый мир, безусловно, актуален. При этом неверно полагать, будто свойства мира «быть этим миром» и «быть актуальным миром» являются одним и тем же свойством. Свойством «быть этим миром» мир обладает, если и только если этот мир – α . Свойством «быть актуальным миром» тоже обладает только α , однако есть миры, где он

³ Здесь формулировка явно некорректна. Стоит уточнить, что речь идет о множестве *всех* таких высказываний.

этим свойством не обладает, поскольку является лишь частью другого, всего лишь возможного мира.

* * *

Важно отметить, что в основе той онтологии, на которую имплицитно опирается Плантинга, лежит предположение, что один и тот же индивид существует (или не существует) во всех возможных мирах. Таким образом, в принципе не должно возникать проблем с тем, чтобы отличить актуальный мир от возможного. Спросим себя: ощущаем ли мы, что живем во множестве (быть может, бесконечном) возможных миров? Конечно, нет. Мы ощущаем себя живущими в одном мире, за которым и оставляем название актуального. Что же тогда представляют из себя другие возможные миры? Это не соседние планеты, не недоступные взору параллельные вселенные. Это всего лишь контрфактические сценарии развития событий мира актуального⁴. Ван Инваген [12] справедливо отмечает, что такой подход позволяет Плантинге не просто решить проблему прослеживания индивида сквозь возможные миры, но в принципе снять ее: поскольку во всех возможных мирах присутствуют одни и те же объекты, то какой смысл в их «прослеживании» или «отождествлении»? Объект тождественен самому себе – этого совершенно достаточно. Красивый и изящный ход.

Мне, однако, хотелось бы остановиться на этом моменте подробнее. Всякая семантика требует онтологии, на которой будет базироваться. Можно выбрать онтологию объектов, которая ведет свой век от Аристотеля, или же остановиться на онтологии фактов (положений дел), впервые сформулированной Витгенштейном в «Логико-философском трактате». В зависимости от выбранной онтологии, можно будет дальше говорить либо о существовании объектов (в первом случае), либо о существовании положений дел (во втором). Конечно, естественный язык устроен так, что мы все равно будем применять

⁴ Похожих взглядов придерживались такие корифеи логической семантики, как С. Крипке и Я. Хинтиikka.

понятие существования как к первым, так и ко вторым. Тем не менее, стоит отдавать себе отчет в том, что речь будет идти о разных типах существования. В случае онтологии объектов, существовать будут именно объекты, положения же дел будут всего лишь «существовать», т. е. получать свое существование через существование объектов. При втором подходе картина будет выглядеть как негатив к первой: именно положения дел будут считаться поистине существующими, в то время как объекты обретут свое «существование» опосредованно. Поскольку Плантинга задает возможные миры как максимальные (полные) положения дел, очевидно, он придерживается онтологии второго типа. Тогда странным выглядит утверждение Плантинги о том, что и существование положение дел, и существование объектов – это одно и то же существование, существование *simpliciter* [9, p. 46]. В мирах, представляющих собой положения дел, объекты вовсе и не существуют. Если о них и можно что-либо сказать, так только то, что они – вещи-в-себе. Об их «существовании» можно узнать лишь по косвенным признакам, никогда не будучи уверенными до конца, что они действительно существуют. Об их существовании *simpliciter* речь не идет.

Следовательно, Плантинга напрасно постулирует существование одного и того же объекта в различных возможных мирах. Проблема отождествления объектов через миры снимается не тем, что объект во всех мирах один и тот же, а тем, что объекты в мирах не являются самостоятельно существующими образованиями. Их нельзя ни проследивать, ни отождествлять. Любое предположение о том, один и тот же объект попадаетеся нам в различных возможных мирах или же – что это разные объекты, обладающие сходными наборами свойств, попросту невозможно. Да и не нужно. Таким образом, проблема решается радикально. Нет объектов – нет нужды в их отождествлении. Однако именно тут и начинается самое интересное.

* * *

Создав, казалось бы, красивую, стройную и ясную онтологию, Плантинга начинает усложнять ее, пытаясь придать объектам независимый онтологический статус, т. е. представить объекты как нечто, существующее независимо от положений дел. Например, он принимает тезис о том, что есть миры, в которых определенные объекты не существуют. Это становится возможным благодаря тому, что существование понимается как особого рода свойство⁵. Как справедливо отмечает Павел Тихий, «существование не является свойством, которое у объектов может как присутствовать, так и отсутствовать» [11, р. 84]. Плантинга же, напротив, настаивает, что есть такие возможные миры, где объект не существует и (более того), раз он там не существует, то и никакими свойствами в таких мирах не обладает. Поскольку существование – это тоже свойство, легко получить удивительный результат⁶: Объект в мире, где он не существует, не обладает даже свойством несуществования (об этом говорит сам Плантинга). Например, в мире α Пегасов не существует. Тогда высказывание:

(1) Пегасов не существует

не будет в нашем мире истинным. Однако его отрицание

(2) Неверно, что Пегасов не существует

так же не будет истинным в нашем мире⁷. При этом вывод находится в явном противоречии с определением книги возможного мира как максимально полного множества истинных высказываний (максимального положения дел, имеющих место в этом мире). А раз это так, то и мир (в данном случае как

⁵ При этом, конечно, никак не снимается вопрос, почему положения дел (в т.ч. возможные миры) и объекты, «проступающие» сквозь положения дел, существуют (обладают свойством существования) на одинаковых основаниях в одном и том же смысле.

⁶ См. сходное рассуждение в [11, pp. 85-86].

⁷ Стоит отметить так же и тот факт, что Плантинга, так яростно отстаивающий перед Кантом возможность для существования быть именно свойством, тут опровергает самого себя.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

раз наш – а) оказывается уже не миром, ведь последний определяется как максимальное положение дел. Таким образом, понятие возможного мира теряет вообще всякий смысл: стоит допустить, что число объектов варьируется от мира к миру, как от мира к миру начинает варьироваться и число положений дел, чего не допускает ни одна семантика, поскольку тем самым будет нарушена полнота системы.

Тем не менее, Плантинга не удовлетворяется введением в онтологию объектов, существование которых по своему рангу не уступает существованию положений дел. Он идет дальше и раскидывает перед читателем пестрый ковер из свойств объектов (в том числе эссенциальных свойств), а также их эссенций, эссенций эссенций и т. д.

Поскольку объектам у Плантинги приписывается самостоятельный онтологический статус, что ставит вопрос о дескриптивной идентификации объектов через возможные миры по их свойствам, для семантической концепции американского мыслителя оказывается принципиально важным понятие «свойства, индексированного относительно возможного мира» («миро-индексированного свойства»):

- (3) Свойство P является *миро-индексированным*, если и только если либо
 - а. существуют свойство Q и мир W такие, что для любого объекта x и мира W^* верно, что x обладает P в W^* , если и только если x существует в W^* и W включает *факт обладания* x 'ом Q , либо
 - б. P является дополнением к миро-индексированному свойству.

Эссенциальными Плантинга объявляет такие свойства объекта, которыми он обладает в каждом возможном мире, в котором существует. Среди них есть как тривиально эссенциальные, так и собственно эссенциальные свойства: «некоторыми из них он [объект – прим. Ю.Г.] владеет в гордом одиночестве, иные разделяет с другими. Среди последних есть те, что он разделяет со всеми; есть такие, что присущи людям, но не

вещам; и, наконец, есть такие, которые он разделяет не со всеми людьми, но только с некоторыми» [10, р. 473]. Тривиально эссенциальными оказываются, по сути, все логически непротиворечивые свойства: *быть тождественным самому себе, быть таким-то и таким-то или не-таким-то и таким-то* и пр. Собственно эссенциальными являются как раз миро-индексированные свойства.

Не остановившись на простой фиксации эссенциальных свойств объекта, Плантинга обращается к более абстрактному понятию – понятию *эссенции*. Он довольно долго разъясняет, что же именно следует понимать под эссенцией, дает ей различные определения и, в конце концов, останавливается на следующем:

- (4) *E* является *эссенцией*, если и только если имеется мир *W*, в котором существует объект *x* такой, что (а) он обладает *E* эссенциально, и (b) такой, что нет мира *W**, в котором существует объект, отличный от *x* и обладающий свойством *E*.

Рассуждение по поводу эссенции на этом не заканчивается. Плантинга вводит дополнительные понятия, через которые снова и снова стремится дать эссенции окончательное определение. Я же остановлюсь на выше приведенном, поскольку вся последующая эквилибристика в понятиях не изменяет сути. На самом деле, понятие эссенции в смысле Плантинги можно сформулировать очень кратко:

- (5) Для объекта *x* его эссенцией⁸ является:
- a. *x*-вость;
 - b. миро-индексированные свойства *x*.

В результате такой редукции, очищенное от шелухи рассуждений вокруг да около, понятие эссенции сразу вызывает

⁸ Интересно: у одного объекта есть не одна эссенция, а много эссенций.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

закономерные вопросы. Совершенно неясно, почему Плантинге настолько очевидно, что, к примеру, для Сократа – *сократовость* – это эссенция. Встает вопрос о том, что это вообще за «сократовость»? Стоит ли понимать под ней такую же идею, как понимал, скажем, Платон? Для последнего сократовость – идея, делающая Сократа именно Сократом, а не кем-либо иным. Очевидно, что для Плантинги не так. Для него *сократовость* – то же, что и *быть тождественным Сократу*, т. е. скрытое утверждение о самоидентичности объекта. Однако «свойством» *быть тождественным самому себе* обладает любой произвольно взятый объект. Зачем называть такое свойство сущностью? Ведь оно ничего не добавляет к пониманию того, что за объект перед нами. Даже никак не выделяет этот объект среди прочих. Что касается миро-индексированных свойств, то они вообще выглядят крайне сомнительными конструкциями, о чем в своей статье *Essential Attribution* Рут Баркан Маркус писала уже в 1971 г.

Подобные изощрения могли бы получить оправдание, если бы перед Плантингой с необходимостью стояла задача проследить объект через возможные миры. Но такая задача, как было показано выше, изначально перед ним не стоит, а является лишь следствием принятия необязательных онтологических допущений (в частности, тезиса о независимом существовании объектов). Более того, подобные *эссенции* никак не смогли бы помочь прослеживанию объектов. Тождество (как и существование) – предикат особого порядка. Сол Крипке прекрасно демонстрирует это в своей работе «Тождество и необходимость». Что значит отождествить объекты через миры? Это значит для двух (и более) различных объектов, каждый из которых находится в своем мире, установить, тождественны ли они друг другу. Согласно принципу тождества неразличимого, мы никогда не сможем их отождествить, ведь это *различные* объекты. Если же речь идет (как у Плантинги) об одном и том же объекте, существующем сразу в нескольких возможных мирах, то он *a priori* тождественен самому себе, хотя это никак не скажется на его «прослеживании». Что касается миро-

индексируемых свойств, то они тем более не способны помочь проследить объект через миры. Как определить, обладает ли в мире W_1 объект x свойством «быть размером 3×3 в мире W_2 »? Какие операции можно было бы произвести с объектом x в мире W_2 , чтобы понять, обладает ли он указанным выше свойством в другом мире – мире W_1 ? Очевидно, никакие.

* * *

Следует отметить, что попытка введения в онтологию таких сущностей как эссенции эссенций, эссенции эссенций эссенций и т. д. является избыточной, как и сами эти сущности. Очевидно, у Плантинги были какие-то веские резоны, чтобы «утяжелить» онтологию таким количеством на первый взгляд совершенно бесполезных сущностей? На мой взгляд, подобная «перегруженность» онтологии связана с довольно простым и во многом субъективным фактором: Плантинге сложно допустить саму мысль, что объекты не существуют (или: что их существование вторично относительно положений дел). С одной стороны, такая установка обусловлена доктринально: очень многие места Св. Писания, по всей видимости, верующему человеку трудно истолковать, не приписывая себе, Богу, а также многим другим сущностям статус объектов, существующих независимо от положений дел. С другой стороны, к этому же склоняют нас и мнимые очевидности «здорового смысла», к которым Плантинга прибегает довольно часто. Указанная проблема часто проглядывает в его критике онтологического и космологического доказательств бытия Бога, «упущения» Лейбница, обсуждении таких тем, как всемогущество Бога или существование зла в мире. Пытаясь строить последовательные рассуждения в терминах семантики возможных миров, Плантинга, тем не менее, никогда не прибегает к чисто формальным построениям, зачастую практикуя в качестве аргументов, подтверждающих его правоту, обращение к «здоровому смыслу»⁹. Как первое, так и второе не

⁹ Например, обсуждая утверждение Фомы, что Бог не любит нас, но есть сама любовь, Плантинга восклицает: «Значит, Он не любит нас?». Или же, рассуждая на тему вечности Бога и пытаясь отстоять (в проти-

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

приносят существенной пользы его концепции, а нередко и наносят ей ощутимый вред. Так, по всей видимости, в данном случае ему хочется воскликнуть: «Как это Я не существую?!», ведь из самого восклицания должно вытекать существование некоторого объекта, который возмущен предположением о своем несуществовании.

Именно в этой точке требуется преодолеть сопротивление «естественного» ощущения своего независимого от положений дел существования. Т. е., требуется, наконец, отвлечься от существования как атрибута.

Почему возможно вообще какое-то Я? Откуда оно берется в восклицании? Каким образом субъект, назвав себя Я, противопоставил себя, тем самым, миру?

Что мешает индивиду воспринимать мир как он есть? То же, что расчерчивает в мире предметы, выделяя объекты и населяя его вещами – язык. Согласно Витгенштейну, язык – это сетка, которая накладывается на мир неустранимым для субъекта образом. Воспринять мир вне этой сетки невозможно, но о существовании этой сетки требуется знать. Язык – способ познания мира, который заодно является и условием возможности самого познания. Отсюда ясно, что объекты мира, не являющиеся носителями языка, не выделяют себя из мира, не противопоставляют себя ему. У них, следовательно, нет проблем с собственным Я, которого попросту нет. Этот вывод вступает в жестокую конкуренцию с «естественным» ощущением, что хотя бы такие животные, как собаки, кошки или лошади, «все понимают». Однако это ощущение, по сути, является неестественным домысливанием и не может быть расценено как научный аргумент – антропоморфизация выделенных из мира объектов не говорит о том, что они действительно обладают своим Я, но только о поиске некоторых Я себе подобных там, где найти подобие невозможно.

Еще сложнее обстоит дело именно с самим Я. Оно кажется настолько естественным образом данным, что кавычки к слову

вовес Ансельму и Фоме) присутствие Бога во времени, укоризненно замечает: «А как же тогда Бог говорил с Моисеем на горе Синай?».

«естественный» выглядят как будто даже неуместно. Именно здесь останавливается Плантинга. Двигаться от Я к его несуществованию немыслимо. На самом же деле, это всего лишь непредставимо, но при этом мыслимо.

Для начала я обращусь к Фоме Аквинскому, который согласно Э. Жильсону, осуществил практически невозможный ход мысли, на самой границе с безумием: Бог Фомы не является объектом, Он представляет собой Акт в чистом виде. Это, пожалуй, первая в истории философии попытка избавиться от объекта там, где это кажется невозможным. Богу больше нельзя приписать каких-то свойств, не требуется оправдывать даже Его существование. Он есть *само делание*, осуществление могущества, любви и т. д. Очень схожая мысль принадлежит атеисту Ж.-П. Сартру: человек не есть объект – нечто, отлитое в бронзе жизни. Человек есть *акт*, то, что он из себя делает. Убрав Бога, Сартр ставит на его место человека, сохранив основную идею отсутствия объекта и данности процесса.

Эта идея как нельзя кстати подходит для пояснения того, что же есть объект в рамках онтологии положений дел. Объект не представляет собой ни тела, ни бестелесной сущности. Объект *проступает* сквозь положения дел. Именно положения дел носят законный статус существования. Объект не является положением дел, а потому не может существовать. Зато он может *осуществляться*, приобретая, тем самым, новые черты.

При этом его прослеживание через возможные миры теряет всякий смысл – сколько этих объектов, и каким образом на самом деле они существуют (если вообще существуют) вне положений дел – неизвестно. Как я уже сказала выше, они представляют собой вещи-в-себе, о которых утверждать что-то либо как о данных в непосредственном опыте невозможно. Да и не нужно, поскольку не принесло бы пользы выбранной онтологии.

Что же тогда такое – это загадочное Я? Ведь сложно представить себе что-либо более наличное и очевидное, чем то, что «Я существую». Однако это положение дел, его нельзя разобирать на части: тут «Я» не объект, а «существую» не предикат. Перед нами совершенно особое, атомарное положение

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

дел – оно имеет место только в одном возможном мире. Тот мир, где оно имеет место, и является выделенным – так каждый обнаруживает среди множества возможных миров тот, который признает актуальным, ведь только там положение дел фиксирует акт осуществления, и можно с уверенностью заявлять: «Я существую»!

Литература

1. Горбатова Ю.В. Платинга о возможных мирах и всемогуществе // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. – М., 2011. – С. 142-159.
2. Горбатова Ю.В. Модальный аргумент Алвина Платинги: проблема формализации и трактовка понятия существования // Analytica. – 2010. – № 4 [Электронный ресурс].– URL: <http://www.philosophy.ru/analytica/pdf/2010/02.pdf> (дата обращения: 10.12.2010).
3. Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 340-376
4. Смирнова Е.Д. Логика и философия. // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 35–48.
5. Чизом Р.М. Отождествление через возможные миры. Некоторые вопросы // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. – М., 2011. – С. 400-412.
6. Barcan Marcus R. Essential Attribution – The Journal of Philosophy. – 1971. – Vol. 68. – No. 7. – P. 187-202.
7. Chisholm R. Events and Propositions – Noûs. – 1970. – Vol. 4. – No. 1. – P. 15-24.
8. Plantinga A. De Re et De Dicto – Noûs. – 1969. – Vol. 3. – No. 3. – P. 235–258.
9. Plantinga A. The Nature of Necessity. – Oxford : Clarendon Press, 1974.
10. Plantinga A. World and Essence – The Philosophical Review. – 1970. – Vol. 79. – No. 4. – P. 461–492.
11. Tichy P. Plantinga on Essence: a Few Questions – The Philosophical Review. – 1972. – Vol. 81. – No. 1. – P. 82-93.
12. Van Inwagen P. Plantinga on Trans-World Identity – in Self Profile: Alvin Plantinga. – Dordrecht; Boston; Lancaster, 1985. – P. 101-120.

А.В. Красненкова

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕДУКЦИИ В НАТУРАЛЬНЫХ
ИСЧИСЛЕНИЯХ В ТЕРМИНАХ ЛИНЕЙНЫХ ШКАЛ
С. КРИПКЕ**

The paper deals with the interpretation of natural deduction in linear Kripke scales known as semantic models. It should be mentioned that we use a variant of natural systems, which basis was constructed by V. Bocharov and V. Markin. V. Bocharov and V. Markin used the Quine's variant of natural deduction for classic propositional logic. So we interpret the indirect rules of inference, i.e. \supset_i and \neg_i , in the terms of Kripke models with the irreflexive and transitive relation of accessibility. Thus we show that the process of natural deduction in the mentioned systems of Quine's type is the process of deduction in the modal systems, for example, in K4 and GL. Then, using the result of Chagrova A. and Chagrova L., we propose that the temporal complexity of the process of deduction is in P.

Ключевые слова: *интерпретация натурального вывода, модели Крипке с иррефлексивным и транзитивным отношением достижимости, модальные логики, временная сложность*

Keywords: *interpretation of natural deduction, Kripke models with the irreflexive and transitive relation of accessibility, modal logics, temporal complexity*

В настоящей статье предлагается интерпретация дедукции в натуральных исчислениях, построенных для классической логики высказываний и для разнообразных систем негативной силлогистики на базе классической логики высказываний [1], в терминах линейных шкал С. Крипке, т. е. шкал с ир-

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

рефлексивным отношением достижимости. Также предлагается доказательство факта о погружаемости указанных исчислений в линейную логику доказуемости GL (точнее, в её конечные фрагменты – с ограниченным числом переменных (терминов) – вида GL_n) через доказательство погружения данных исчислений в $K4$, которая имеет достаточно естественную интерпретацию на множестве шкал Крипке.

Рассмотрим интерпретацию дедукции в натуральных исчислениях с помощью линейных шкал С. Крипке и покажем правомерность такой интерпретации через доказательство того факта, что указанная интерпретация сохраняет структуру любого натурального вывода, а также классическую истинность. Т. е., по сути, мы дадим обоснование погружаемости натуральных систем типа Куайна в систему модальной логики с иррефлексивным отношением достижимости. Затем покажем, что эта логика есть $K4$, которая, в свою очередь, есть подсистема GL . Используя результаты Чагрова А.В., Захарьяшева М.В., Тарского А., Гливенко В.И., предложим перевод из классической логики в указанную логику доказуемости. С учетом результата Чагрова А.В., Чагровой Л.А. [2] и свойств логики $GL(K4)$, выдвинем гипотезу о том, что алгоритмы поиска вывода, особенно для классической логики высказываний, могут быть реализуемы за полиномиальное время.

Докажем для начала, что интерпретация натуральных выводов в терминах шкал С. Крипке сохраняет все свойства первых (**Метатеорема 1**).

Для доказательства **Метатеоремы 1** введем необходимые семантические понятия.

Построим шкалу Крипке $F = \langle W, R, \rangle$, где W – множество всех возможных миров, R – бинарное отношение достижимости на $W \times W$.

Построим модель Крипке $M = \langle F, \Vdash \rangle$, где знак \Vdash обозначает истинность некоторой переменной p (в нашем случае переменные будут обозначать элементарные высказывания – пропозициональные или силлогистические) в некотором мире ω (записываем как $\omega \Vdash p$).

Пусть каждый подвывод, открываемый новым допущением, рассматривается как возможный мир, достижимый из предыдущего возможного мира. Все неисключенные формулы завершеного вывода / доказательства (сюда относятся и посылки в случае обоснования выводимости) образуют выделенный возможный мир, или действительный мир. Обозначим его как ω_0 (он будет соответствовать наименьшему миру в нашей шкале).

Зададим свойства отношения достижимости R . Оно обладает только свойством транзитивности. R иррефлексивно на всех возможных мирах, даже на выделенном мире ω_0 . К тому же, оно наследственно вверх, т. е. для

$\forall u \forall v \forall A ((vRu \& v \Vdash A) \Rightarrow u \Vdash A)$, где $u, v \in W$, а A - произвольная формула указанных выше исчислений.

Таким образом, в силу указанных свойств, для каждого мира сохраняются результаты, полученные для всех «нижележащих» миров, но не наоборот.

Произвольная модель M есть некоторый натуральный вывод.

Отметим, что такая семантика возможных миров полностью соответствует структуре натурального вывода, что доказывается их наглядным сравнением¹.

С помощью отношения достижимости R и оператора \Vdash индуктивно зададим условия истинности для пропозициональных формул². Для импликации и отрицания, в зависимости от способа, каким они были получены, задаются два условия истинности.

¹ Данный метод доказательства приводится Смирновой Е.Д. в «Логика и Философия. Серия «Научная философия»». М.: РОССПЭН, 1996 г.

² Условия истинности для силлогистических формул, в силу нетривиальности задачи, а также выхода данной проблематики за рамки статьи, я предпочитаю опустить. Замечу, что в моем диссертационном исследовании непротиворечивость силлогистических правил вывода доказывалась синтаксическим методом.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

1. $\omega \Vdash \neg A \Leftrightarrow \omega \nVdash A$, для формул, являющихся посылками или полученных по прямым правилам вывода.
2. $\omega \Vdash A \vee B \Leftrightarrow (\omega \Vdash A \text{ или } \omega \Vdash B)$
3. $\omega \Vdash A \& B \Leftrightarrow (\omega \Vdash A \text{ и } \omega \Vdash B)$
4. $\omega \Vdash A \supset B \Leftrightarrow (\omega \nVdash A \text{ или } \omega \Vdash B)$, для формул, являющихся посылками или полученных по прямым правилам вывода.
5. $\omega \Vdash \neg C \Leftrightarrow \forall v (\omega Rv \Rightarrow v \nVdash C)$, для формул, полученных по непрямому правилу \neg_b
6. $\omega \Vdash C \supset B \Leftrightarrow \forall v (\omega Rv \Rightarrow (v \Vdash C \text{ или } v \Vdash B))$ для формул, полученных по непрямому правилу \supset_b .

Здесь возникает вопрос: а являются ли определения истинности формул 1 – 4 определениями классическими? Не вышли ли мы здесь в область неклассической логики? На самом деле, не вышли, так как в классической логике истинностные значения формул задаются относительно действительного, текущего, или выделенного, мира ω_0 , без выхода в потенциальные, возможные миры. А в силу того, что отношение достижимости R сохраняет вверх истины из предыдущих миров, то каждый подвывод (достижимый возможный мир) идентичен для истинностных значений элементарных и сложных формул из п.п. 1 – 4 действительному миру, поэтому классическое понятие истинности здесь остается неизменным.

Нам остается доказать тот факт, что пункты 5 и 6 сохраняют классическую истинность во всех подвыводах всех выводов, или что наши особым образом заданные связки работают здесь как классические, поэтому в процессе натуральной дедукции мы можем не различать эти типы логических констант. К тому же, с помощью математических методов и наглядного обращения к структуре субординатного натурального вывода мы докажем, что предложенные определения в точности описывают именно этот объект, т. е. дадим обоснование адекватности перевода натуральных систем типа Куайна в некоторую неклассическую систему.

В этой связи можно заметить, что используемую в натуральных системах импликацию следует определить как

$\supset = \{\supset_{\text{материальн.}}, \supset_{\text{непр.п.в.}}\}$, а отрицание – как $\neg = \{\neg_{\text{классич.}}, \neg_{\text{непр.п.в.}}\}$. Как мы уже отметили, при работе в натуральных исчислениях мы просто используем абстракцию неразличимости двух данных импликаций и негаций, хотя, по сути, $\supset_{\text{непр. п.в.}}$ и $\neg_{\text{непр.п.в.}}$ – неклассические связки.

Докажем методом возвратной математической индукции для определения 6, что оно сохраняет истинность для всех применений правила \supset_v в произвольном натуральном выводе, или адекватно описывает структуру субординатного натурального вывода (является моделью для данной синтаксической конструкции).

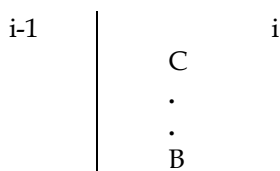
Сначала докажем: $\omega \Vdash C \supset B \Leftrightarrow \forall v(\omega Rv \Rightarrow (v \Vdash C \text{ или } v \Vdash B))$ справедливо для каждого применения правила \supset_v с исключением соответствующих формул.

Мы принимаем соглашение, что номер каждого нового подвывода на единицу больше номера предыдущего.

По ИД, для всех возможных миров с меньшим, чем данный, индексом, в т.ч. и для мира с индексом $i-1$ (пусть для определенности $\omega = i-1$), истинность рассматриваемого утверждения уже доказана. К тому же, по ИД, справедливо аналогичное утверждение для \neg_v .

Обоснуем индуктивный переход для произвольного возможного мира (подвывода) с номером i некоторого произвольного вывода.

Рисунок 1

$C \supset B$

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

На самом деле, здесь следовало бы выделить несколько случаев: 1) формула В получается непосредственно из формулы С посредством применения прямых п.в.³; 2) она получается из формулы С по прямым п.в. с помощью формул из предыдущих подвыводов, в т.ч. и из главного (напомним, что главный вывод w_0 можно рассматривать как подвывод с нулевым номером); 3) формула В уже содержится в одном из предыдущих подвыводов, в том числе и в главном выводе; 4) В эквивалентна С. Однако, в силу того, что R монотонно вверх и транзитивно, все истинные формулы из предыдущих подвыводов автоматически доступны и в текущем подвыводе i . Данное обстоятельство совершенно достаточно для сведения всех подслучаев к обобщенному случаю, приведенному на Рисунке 1 (последний подслучай рассматривается как сокращенная запись общего случая).

По ИД, $i-1 \Vdash C \supset B$. Снимаем квантор всеобщности по v и получаем $(i-1)Ri$ (мы положили $\omega = i-1$). Действительно, по нашему определению R и имеющимся условиям, $(i-1)Ri$ (см. рисунок 1). Здесь же заметим, что в силу иррефлексивности R мы не имеем права написать $(i-1)R(i-1)$.

Теперь, когда оба условия рассматриваемого определения выполнены, мы имеем право утверждать, что $(i \Vdash C$ или $i \Vdash B)$. Обратимся теперь к исследуемому случаю (см. рисунок) и покажем, что данное утверждение адекватно его описывает.

Действительно, так как мы работаем с классической логикой, то формула С, в силу заданной семантики, может быть либо истинна, либо ложна.

Если С ложна в мире i , то данный случай автоматически подпадает под первую часть метадизъюнкции.

Положим, что С истинна в мире i . Докажем, что тогда В будет истинной в любом случае. В силу того, что R транзитивно и обладает свойством наследования вверх, то вся информация, считающаяся истинной в мирах-подвыводах, предшествующих i , сохраняется и для i . Так как к С и формулам из

³ Здесь и далее запись «п.в.» служит сокращением для «правила вывода».

нижних миров применяются только прямые правила вывода, которые сохраняют истинность заключения при условии истинности посылок в любом из рассматриваемых миров, то в итоге формула В может получиться только **истинной в мире i** (строго данный факт доказывается индуктивно).

На наш взгляд, здесь следует обратить внимание на выделенные выражения. Дело в том, что истина той или иной формулы у нас строго релятивизирована относительно некоторого возможного мира, и то, что считается истинным в некотором возможном мире (подвыводе), может оказаться неистинным в действительном мире ω_0 . На наш взгляд, данное обстоятельство согласуется с понятием допущения и вспомогательного вывода.

Если В получается только из формулы С или вообще эквивалентна ей, то данный вопрос решается еще проще.

Таким образом, мы доказали справедливость импликации вправо определения б для произвольного подвывода, а следовательно, и для любого подвывода, поэтому использование квантора всеобщности по переменной i правомерно, т. е. мы можем утверждать, что $\forall v(\omega Rv \Rightarrow (v \Vdash C \text{ или } v \Vdash B))$.

Таким образом, мы обосновали индуктивный переход и показали, что импликация вправо определения б адекватно интерпретирует каждый подвывод, связанный с применением правила \supset_v , в любом субординатном натуральном выводе (так как у нас рассматривался произвольный вывод). Другими словами, мы показали с помощью индукции, что данное правило сохраняет истинность во всех возможных мирах (подвыводах) во всех возможных истинностных шкалах, или моделях (выводах). Последнее обстоятельство будет очень важно для обоснования утверждения о корректности вывода по непрямым правилам вывода.

Покажем то же самое для импликации влево определения б.

$$\forall v(\omega Rv \Rightarrow (v \Vdash C \text{ или } v \Vdash B)) \Rightarrow \omega \Vdash C \supset B.$$

Будем рассуждать по принципу, схожему с бариндукцией, – от утверждений о больших мирах к меньшим,

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

вплоть до нулевого, т. е. как бы изменим порядок нумерации наших возможных миров.

По ИД, для всех возможных миров с большим, чем данный, индексом, в т.ч. и для мира с индексом i , истинность рассматриваемого утверждения уже доказана. Отметим, что под ИД подпадают и все переходы по правилу \neg_v для миров, строго больших $i-1$ (т. е. ω , по определению), так как данное правило обладает той же природой, что и \supset_v .

По условию (см. рисунок 1) и определению $R, (i-1)Ri$ ($\omega = i-1$).

По ИД, $i \Vdash C$ или $i \Vdash B$.

Вводим подкванторную импликацию: $(i-1)Ri \Rightarrow (i \Vdash C$ или $i \Vdash B)$.

Таким образом, мы «собрали» подкванторную часть требуемого условия.

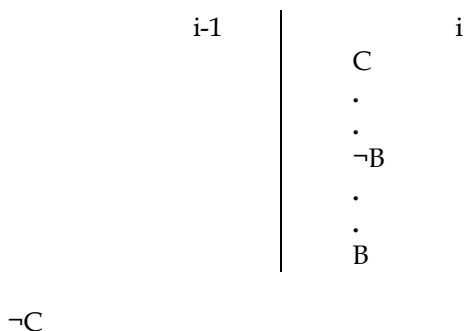
В силу того, что R транзитивно и обладает свойством наследования вверх, то вся информация, справедливая для мира i , сохраняется и в верхних мирах, поэтому навешиваем квантор общности на i , а ω по условию равно $i-1$. Получив таким образом требуемый антецедент вида $\forall v(\omega Rv \Rightarrow (v \Vdash C$ или $v \Vdash B))$, можем, пользуясь имеющимся определением, написать $\omega \Vdash C \supset B$, что полностью соответствует обосновываемому утверждению. Так мы обосновали индуктивный шаг. Все миры, включая выделенный, обладают исследуемым свойством. Данное обстоятельство верно для всех миров всех моделей.

Определение 6 адекватно интерпретирует переходы по \supset_v для всех подвыводов всех выводов, поэтому оно обеспечивает общезначимость данного правила. Таким образом, мы обосновали, что $\forall A(\vdash_{\supset_v} A \Rightarrow \models_S A)$, где S – семантика, задаваемая моделью M .

Докажем тот же результат для Определения 5 – оно выполняется для всех подвыводов всех выводов, т. е. для всех возможных шкал всех моделей.

Рассуждения будут вестись теми же индуктивными методами.

Для наглядности приводим **Рисунок 2**.

Импликация вправо $\omega \Vdash \neg C \Leftrightarrow \forall v(\omega Rv \Rightarrow v \Vdash C)$ доказывается аналогично утверждению для Определения 7 (только с использованием определения ложности формулы).

Сделаем только небольшое замечание, проясняющее соответствие определения 6 и выводов по правилу \neg . Что значит утверждение о ложности C ? Согласно традициям классической (да и интуиционистской) логики, ложность произвольной формулы A можно синтаксически выразить как $A \Rightarrow \perp$ (принятие A автоматически влечет за собой противоречие). В подвыводе i мы видим, что, помимо, допущения C , у нас имеются формулы $\neg B$ и B , конъюнкция которых является логическим эквивалентом константы \perp . В силу того, что на метауровне мы работаем с классической материальной импликацией (или C ложно, или \perp истинно), можем утверждать $C \Rightarrow \perp$, а следовательно, $i \Vdash \neg C$.

Здесь возникает вопрос: а не требуется для переноса в подвывод i формулы $\neg B$ в том случае, когда она находится в нижних мирах, дополнительного свойства для R , например, сохранения ложности? На самом деле, не требуется, ведь формула $\neg B$ в таком случае трактуется как истинное выражение,

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

т. е. утверждение о том, что В никогда, ни в каком верхнем мире, не будет истинным. Разумеется, в процессе дальнейшей работы данное метаутверждение относительно $\neg B$ может оказаться ложным.

Таким образом, для R достаточно только свойства наследования истинности вверх.

«Левая» импликация $\forall v(\omega Rv \Rightarrow v \Vdash C) \Rightarrow \omega \Vdash \neg C$ Определения 6 доказывається совершенно аналогично «левой» части Определения 6.

Отметим, что в обоих ИД используются утверждения об истинности переходов по \supset_v . Так, оба доказательства как бы перекрестно обосновывают друг друга.

Определение 5 адекватно интерпретирует переходы по \neg_v для всех подвыводов всех выводов, поэтому оно обеспечивает общезначимость данного правила. Таким образом, мы обосновали, что $\forall A(\vdash_{\neg_v} A \Rightarrow \models_S A)$, где S – семантика, задаваемая моделью M.

В итоге мы показали, что оба наши не прямые правила вывода сохраняют истинность в построенной семантике, так же, как и прямые правила в классике. Теперь осталось обосновать, что данная семантика S сохраняет именно классическую истину (и таким образом мы докажем **Метатеорему 1**).

Действительно, в силу сказанного выше, отношение достижимости R является иррефлексивным и транзитивным, совпадая с отношением достижимости для известной модальной логики K4. В K4 сохраняются все классические тавтологии, а так как относительно натуральных исчислений типа Куайна для классической логики высказываний и для систем негативной силлогистики на базе классической логики высказываний доказана их непротиворечивость (и полнота), то все переходы в данных исчислениях, моделируемые в терминах модальных шкал С.Крипке (заметим, что при этом моделировании само понятие дедукции в натуральных исчислениях никоим образом не изменялось), сохраняют классическую истинность.

Чтобы придать нашему результату большую строгость, приведем погружающий перевод классической логики в указанную модальную систему.

Согласно результатам Чагрова А.В и Захарьяцева М.В., логику доказуемости Гёделя - Лёба GL можно выразить как $GL = K4 \oplus la$ [5, стр. 95], где la - аксиома доказуемости Лёба $\Box(\Box p \supset p) \supset p$. Таким образом, $K4 \subset GL$. Те же Авторы предлагают погружающий перевод Φ^+ для логики Гжегорчика Grz в GL (следовательно, этот перевод будет справедлив и для $K4$), суть которого состоит в замене каждой подформулы вида $\Box p$ исходной формулы ϕ на подформулу $\Box p \wedge p$. Затем, используя известный перевод Тарского T для интуиционистской логики в $S4$ и соотношение между $S4$ и Grz , Чагров А.В и Захарьяцев М.В. определяют погружающий перевод T^+ интуиционистской логики в GL как композицию указанных переводов Φ^+ и T . Используя перевод Гливенко (G), можно легко определить погружающий перевод $(T(G(\Phi)))^+$ из классической логики в логику доказуемости Гёделя GL (а следовательно, и в $K4$), где ϕ есть произвольная формула исследуемых натуральных исчислений типа Куайна.

Таким образом, наша интерпретация натуральных систем для классических исчислений в терминах линейных шкал S . Крипке является адекватной и сохраняет все свойства первых.

Метатеорема 1 доказана.

Затем, учитывая результат Чагрова А.В. и Чагровой Л.А.[2] о том, что конечные фрагменты логики GL (для формул с конечным числом переменных) полиномиально разрешимы и того факта, что каждый натуральный вывод в классической логике высказываний и в системах негативных силлогистик на базе классической логики высказываний есть вывод формулы с конечным числом переменных/терминов⁴, выдвинем гипотезу о том, что алгоритмы поиска вывода для

⁴ Т. о., мы дали интерпретацию исследуемых натуральных исчислений на классе конечных иррефлексивных и транзитивных шкал S . Крипке.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

указанных классических натуральных систем (подробнее см. [1,4]) могут быть оптимизированы таким образом (т. е. из них максимально может быть устранена недетерминированность), чтобы их сложность стала полиномиальной.

Литература

1. *Красненкова А.В.* Алгоритм поиска вывода для систем негативной силлогистики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.07 – Логика. М., 2009.
2. *Чагров А.В., Чагрова Л.А.* О полиномиальной разрешимости вариантов логики А. Виссера, связанных с утверждениями о непротиворечивости, с ограничением на число переменных. Материалы X Международной конференции «Современная логика: Проблемы теории, истории и применения в науке». СПб., 2008.
3. *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. Серия «Научная философия». М., РОССПЭН, 1996
4. Логика и компьютер. Выпуск 5. Пусть докажет компьютер. М., «Наука», 2004.
5. *Chagrov A., Zakharyashev M.* Modal Logic. Oxford University Press, 1997. Pp. 95 – 99.

О.А. Шапиро

«ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» КРИПКЕ И ЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

In the paper the most fundament questions of a logical forecasting are discussed. There are some reasoning about a sense interpretation of the results of logical forecasting of the practical situations and the role of kripkean «possible word» semantic in this interpretation. The fundamental properties of the accessibility relations are considered and peculiarities of naming which depend on these relations are stipulated.

Ключевые слова: *логическое прогнозирование, возможный мир, отношение достижимости, жёсткий десигнатор*

Keywords: *logical forecasting, possible word, accessibility relation, rigid designator*

Представим себе контрфактическую ситуацию, в которой Сол А. Крипке стал не логиком, а, к примеру, скрипачом. В таком случае, возникает вопрос: что бы происходило сегодня в логике? В каком виде мы работали бы сейчас с модальной логикой; какими семантиками бы пользовались? Или реляционная семантика и другие идеи, известные нам сегодня как идеи С.А. Крипке, были бы сформулированы кем-либо другим (иначе говоря, являются ли идеи С.А. Крипке логически необходимыми)?

Мне представляется, что да, в том или ином виде аналогичная (или, по крайней мере, близкая по идеям) семантика была бы создана. В пользу этого предположения выступает, во-первых, то, что идеи С.А. Крипке предвосхищены в ряде работ. Мне кажется необходимым здесь вспомнить ссылки на «возможные положения дел» в «Трактате» Л. Витгенштейна;

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

под влиянием Л. Витгенштейна понятие «возможного мира» использует Р. Карнап в работе «Значение и необходимость». Что касается сформулированного С.А. Крипке понятия «жёстких десигнаторов», не следует исключать и влияние теории именования Рут Маркус.

С другой стороны, параллельно с С.А. Крипке работают и другие ученые, предлагая альтернативные семантики для различных разделов современной логики. Среди них следует вспомнить Я. Хинтикку, А. Прайора, С. Кангера и др.

Однако не стоит преуменьшать «роли личности в истории». Мне бы хотелось рассмотреть, сохранение каких идей С.А. Крипке было бы необходимо (не в логическом, но бытовом смысле этого слова) в любом возможном мире; я буду говорить об этом с точки зрения возможности логического прогнозирования коммуникации. Безусловно, выбрав в качестве критерия возможность выполнения других задач, мы бы обращали внимание и на иные моменты теории С.А. Крипке.

Принято выделять четыре основных комплекса идей, разработанных С.А. Крипке:

- 1) разработка семантики возможных миров;
- 2) создание новой теории референции;
- 3) построение семантической теории истины;
- 4) интерпретация теории значения позднего

Л. Витгенштейна.

В названии статьи мною был заявлен только первый комплекс идей; однако важно помнить, что философия С.А. Крипке целостна, отдельные комплексы идей взаимосвязаны. При рассмотрении, каким образом идеи С.А. Крипке используются в логическом прогнозировании, мы коснемся первых двух тем, однако с тем же успехом могли бы говорить и о двух последних; все они имеют немаловажное значение в развитии современной логики и в том числе такого ее практического приложения, как логическое прогнозирование.

Мы можем говорить о логическом прогнозировании методами формальной и неформальной логики. Практические ситуации, прогнозируемые методами логики, можно условно

разделить на сложные рассуждения одного субъекта (например, в случае принятия решения в ситуации риска, продуцирования текста рекламного/медийного сообщения и т. д.) и коммуникацию между несколькими субъектами (ситуации совместного решения разного рода задач, конфликтная коммуникация и т. д.). Далее, говоря о логическом анализе практических ситуаций, я буду рассматривать коммуникативные ситуации, предполагая, что ситуацию сложных рассуждений субъекта можно анализировать по тем же схемам, рассматривая ее как коммуникацию субъекта с самим собой.

Прогнозирование коммуникации в формальной логике может происходить по следующему алгоритму:

1. Формализуется и анализируется наличная информация (высказывания участников коммуникации, преследуемые ими цели, формулируемые ими точки зрения и соответствующие им аргументы, стратегии поведения участников коммуникации и т. д.).

2. На основе формализованной и проанализированной информации формулируются правила, которыми руководствуются участники коммуникации. Тут важно отметить, что такие правила могут не совпадать с общепринятыми; исследователю важно сформулировать правила, которые будут валидны именно в данной практической ситуации.

3. На основании сформулированных правил, а так же правила «плавной смены стратегии» (субъект поведения при выводе о недостаточной эффективности своей поведенческой стратегии изменяет ее на такую, которая отличается от предыдущей по минимуму пунктов; кроме экстремальных случаев, таких как крах Я-концепции и т. п.) выводится последующее поведение участников коммуникации. Поскольку правила коммуникации, принимаемые ее участниками, часто являются нечеткими, и в ряде ситуаций могут быть применены несколько из сформулированных правил, приводящих к разным вариантам дальнейшего развития коммуникации, то в результате мы получаем некоторый набор альтернативных вариантов разрешения практической ситуации.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

Прогнозирование коммуникации методами неформальной логики происходит аналогичным образом, с той разницей, что мы не формализуем исходную информацию, а определяем тип аргументативных стратегий ее субъектов и создаем прогноз на основе правила «плавной смены стратегии», учета Я- и Ты-образов и концепций и психологических аспектов ожиданий субъектов. Безусловно, без четкого определения правил коммуникации в конкретной практической ситуации и логического анализа всего набора высказываний субъектов прогноз теряет значительный процент от степени своей достоверности; однако явным преимуществом такого подхода является его оперативность (так как формализация всей системы высказываний субъектов и формулирование правил коммуникации требует значительного временного ресурса). Поэтому кажется необходимым рассматривать здесь оба подхода. Первый из них может быть применим в сфере разработки искусственного интеллекта; второй – внести свою лепту в современную теорию аргументации.

Так или иначе, крипкеанские идеи, о которых далее пойдет речь, имеют отношение к обоим вариантам логического прогнозирования практических ситуаций.

В результате прогноза (не зависимо от того, идет речь о прогнозе в рамках формальной или неформальной логики) мы получаем некоторый набор возможных вариантов завершения коммуникации. Кроме того, если мы не владеем полной информацией о начальных этапах развития анализируемой ситуации, а нам необходимо знать истоки анализируемого поведения для создания прогноза, то мы можем моделировать различные варианты прошлого развития событий. Таким образом, мы получаем древовидный универсум, который ветвится в будущее и может ветвиться в прошлое. Вот эти «ветви» вариантов развития событий в будущем и в прошлом мы как раз можем рассматривать как возможные миры.

Важным моментом в трактовке возможных миров применительно к идее вариативности развития практической ситуации в будущем и ее истоков в прошлом является понимание

отношения достижимости между мирами. Тут мы приходим к чисто крипкеанским идеям.

Допустим, в момент анализа практической ситуации мы находимся в актуальном мире w . Тогда варианты дальнейшего развития и разрешения ситуации будут представлены набором возможных миров (v_1, v_2, \dots, v_n) , а варианты истоков ситуации представлены набором возможных миров (u_1, u_2, \dots, u_m) , таких, что:

$$u_i R w, \text{ где } i \in m;$$

$$w R v_j, \text{ где } j \in n.$$

Это – принципиально важные допущения; если они не соблюдены, то мы можем говорить о неэффективности или ошибочности прогноза.

Отношение R является рефлексивным, транзитивным и несимметричным. Рефлексивность не нуждается в комментариях; что касается транзитивности и несимметричности, то это во многом обусловлено соотношением рассматриваемых нами возможных миров во времени. Так, очевидно, что если из актуального мира настоящего достижимы некоторые возможные миры будущего, то из возможного мира, находящегося в моменте будущего, не достижим мир настоящего.

Допустим, что отношение R является одновременно и симметричным, и транзитивным. Тогда мы имеем дело со свойством «евклидовости» (= «симметричность и транзитивность» [1, с. 356]), которое приводит к следующим результатам: если отношение R является одновременно и транзитивным, и симметричным, то при достижимости из мира w миров v_1 и v_2 , из мира v_1 достижим мир v_2 . Такое утверждение очевидно не может быть верным, так как миры v_1 и v_2 как различные ветви прогноза являются противопоставляемыми ситуациями; и там, где в первой из рассматриваемых контрфактических ситуаций с необходимостью мы будем иметь некое развитие событий A (например, в практической ситуации разрешения конфликта, выигрывш в конфликте субъекта x), то в другой ситуации это же A будет оценено как невозможное (например, по причине гибели субъекта

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

екта x в результате его дуэли с субъектом y). В таком случае, мы должны отказаться либо от свойства транзитивности, либо от свойства рефлексивности. Однако от свойства транзитивности мы не можем отказаться, ибо тогда мы окажемся не в состоянии из момента прошлого достичь момента будущего, как Ахиллес никогда не сможет догнать черепаху.

Так, допустим, что время дискретно, и мы можем некоторым образом разбивать произвольные отрезки времени на интервалы, между которыми существуют точки разрыва t_1 , t_2 и t_3 , находящиеся в последовательных отношениях достижимости. Тогда, если R не транзитивно, то мы не можем утверждать достижимость t_3 из t_1 . Но мы понимаем, что наше разбиение временного ряда на интервалы достаточно условно; мы можем отметить, в зависимости от наших целей, интервалы разной длины с точками разрыва в различные моменты времени; так, мы можем не отметить точку t_2 в принципе. Тогда мы будем говорить о непрерывном интервале t_1 - t_3 . Каким образом мы должны его оценивать? Интуитивно ясно, что мы должны говорить об отношениях достижимости, ибо данная ветка временного ряда приводит именно к такому возможному миру. Однако с точки зрения приведенных выше рассуждений, мы не можем утверждать этой достижимости. Итак, мы видим, что отказ от транзитивности приводит к явному противоречию здравому смыслу. Таким образом, мы должны отказаться от свойства симметричности.

Если отношение достижимости R рефлексивно, транзитивно, но при этом несимметрично, то мы имеем дело с системой S_4 , в рамках которой и может быть реализовано логическое прогнозирование практических ситуаций.

Вернемся к особенностям отношения достижимости между возможными мирами. Наряду с термином «возможный мир» С.А. Крипке использует также термин «контрафактическая ситуация». В дальнейшем, говоря о логическом прогнозировании, мы разведем эти термины, говоря «возможные миры» при рассмотрении актуального мира и любого из вариантов дальнейшего развития событий (либо предыстории собы-

тий); «контрфактическая ситуация» мы будем говорить при рассмотрении нескольких альтернативных вариантов развития событий (либо их предысторий). Это не крипкеанское разграничение; однако, оно кажется достаточно удобным для дальнейшего исследования.

Используя идеи достижимости при анализе отношений между возможными мирами и контрфактическими ситуациями, мы создаем основу для содержательной интерпретации логических прогнозов практических ситуаций. Действительно, говоря о том, то мир v_i достижим из мира w , является возможным относительно мира w , мы придаем осмысленность прогнозу, так как этим утверждаем, что:

1. Некоторый исход событий A является принципиально возможным для данной конкретной ситуации.
2. Мы можем по крайней мере попробовать повлиять на развитие актуального мира w таким образом, чтобы достичь/избежать исхода событий A .

Кроме того, мы можем утверждать, что:

а) если из мира w достижим некоторый набор возможных миров $V=(v_1, v_2, \dots, v_m)$ и $m \geq 2$, то у нас есть некоторый набор альтернатив дальнейшего развития событий, на который мы можем влиять произвольным образом;

б) если из мира w достижим только один возможный мир v , то рассматриваемая нами практическая ситуация жёстко детерминирована.

Установление факта детерминированности рассматриваемой ситуации крайне важно в практике логического прогнозирования, предполагающего дальнейшую разработку стратегий поведения в практической ситуации с целью достижения того или иного альтернативного варианта ее завершения.

Не менее важным является факт установления наличия/отсутствия отношений достижимости между контрфактическими ситуациями. Содержательно это можно интерпретировать как невозможность одновременного достижения противоречивых результатов и необходимость однозначного выбора той или иной стратегии поведения в практической ситуации.

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

Итак, крипкеанское отношение достижимости R делает осмысленной саму идею логического прогнозирования; обосновывает его целесообразность. Одновременно, сопоставление возможных миров и контрфактических ситуаций, обозначенных в прогнозе, с точки зрения наличия/отсутствия отношения достижимости между ними дает возможность оценивать полученный прогноз с точки зрения его эффективности/ошибочности.

Еще одна идея С. А. Крипке, которую я не могу обойти стороной, говоря о логическом прогнозировании практических ситуаций – идея «жестких десигнаторов». Понимая имена как жесткие десигнаторы, а не как сокращенные дескрипции, мы можем быть уверены в том, что:

- во всех вариантах прогноза практической ситуации мы каждый раз говорим об одних и тех же его участниках;
- если в практической ситуации речь идет о некотором объекте/событии/ресурсе и т. п., то мы можем быть уверены, что все субъекты ситуации говорят об одном и том же объекте/событии/ресурсе, даже если они приписывают ему различные характеристики и оценивают его различным образом.

Эта же идея дает нам возможность точного оценивания контрфактических ситуаций v_1, v_2, \dots, v_j с точки зрения необходимости представленного в них варианта завершения практической ситуации или отдельных его аспектов. На этом моменте мне кажется целесообразным остановиться более подробно.

Допустим, мы будем считать имена сокращенными дескрипциями. Тогда при анализе практической ситуации конфликта в одном из вариантов прогноза мы можем предположить, что выиграет субъект x . При следовании всеми субъектами конфликта моделям поведения, соответствующим данной ветке древовидного универсума, мы сможем приписать субъекту x следующую характеристику: «субъект конфликта, следующий наиболее эффективной стратегии поведения». Но тогда должны быть равноценными утверждения:

- (1) В результате конфликта выигрывает x .
- (2) В результате конфликта выигрывает субъект, следующий наиболее эффективной стратегии поведения.

Даже «невооруженным глазом» видно, что эти два ответа в качестве формулирования результата прогноза практической ситуации не могут быть равноценными. Так, действительно, (1) дает нам конкретную точную информацию. В этом случае, если мы – сторонники субъекта x , то мы приложим усилия, чтобы в дальнейшем ситуация развивалась по пути рассмотренной ветви прогноза; если же мы его противники, то мы будем стараться воспрепятствовать этому. Но что нам делать с прогнозом, сформулированным в форме высказывания (2)? Во-первых, мы не всегда можем точно определить из мира w , какая из поведенческих стратегий субъектов ситуации окажется в результате наиболее эффективной. Кроме того, мы должны помнить, что субъекты практических ситуаций редко в течение всего времени придерживаются одной стратегии поведения; в подавляющем большинстве случаев каждый субъект перебирает некоторый набор стратегий, пока не находит удовлетворяющую его; поэтому, не посматривая подобно всего пути прогнозируемого варианта развития событий, мы не можем сказать, какими стратегиями будут пользоваться его субъекты к моменту разрешения ситуации. Я уже не говорю о том, что ответ «выигрывает тот, кто будет использовать самую эффективную стратегию» на бытовом уровне, скорее всего, покажется просто издевательством; более формально мы можем характеризовать его как очевидный и неинформативный.

Однако если будет выбрана иная дескрипция, с первого взгляда более информативная? Так, например, в результате приписыванию субъекту x некоторых дескрипций, будет дан прогноз:

- (3) Выигрывает тот субъект конфликта, у которого есть пистолет.

С первого взгляда такой ответ практически равноценен ответу (1). Однако, возможны следующие ситуации:

Часть 5. Прикладные аспекты семантики возможных миров

а) в актуальном мире w мы обладаем ложной информацией и предполагаем, что пистолетом обладает субъект y , а не субъект x ;

б) в течение развития ситуации обстоятельства могут измениться (так, пистолет у субъекта x могут украсть, его может изъять полиция и т. п.) и поэтому описание «субъект, обладающий пистолетом» для мира w и для мира v_j – совершенно разные субъекты;

в) мы можем вообще не обладать информацией о том, у кого из субъектов есть пистолет.

Случаи (а) и (б) делают наше понимание прогноза ошибочным (а прогноз, сформулированный таким образом, что адресат понимает его превратно, будет с очевидностью неэффективным); случай (в) будет неинформативным (что будет лишать прогноз смысла).

В работе «Именование и необходимость» С.А. Крипке пишет, что возможные миры даны нам как набор дескрипций, с которыми мы их ассоциируем [2, с. 44]. Действительно, при создании логического прогноза практической ситуации мы имеем дело в первую очередь с набором высказываний, по большей мере дескриптивных (по крайней мере, большинство из них можно преобразовать в дескриптивные); формализуя и анализируя их (или просто анализируя, если речь идет о прогнозировании методами неформальной логики), мы как раз и получаем наш результирующий набор темпоральных вершин дерева прогноза. Однако когда речь идет о формулировании результатов, исходя из которых далее будет корректироваться практическая ситуация, мы не можем пользоваться дескрипциями – ни в полном, ни в «свернутом» виде. Если мы будем говорить об именах как о сокращенных дескрипциях, то использование их в описании контрфактических ситуаций приведет ко всем вышерассмотренным проблемам. Поэтому для формулирования результатов логического прогноза понимание имен как жестких десигнаторов чрезвычайно важно; отказ от них ведет к снижению эффективности, а часто и к перечеркиванию всей идеи логического прогнозирования

ввиду невозможности ее воплощения в практических целях (в первую очередь, использования как основания для управления практической ситуацией).

Итак, мы видим, что схема логического прогнозирования целиком и полностью строится на идее возможных миров С.А. Крипке; именно крипкеанское понимание отношения достижимости R дает содержательную интерпретацию логического прогноза и возможность его оценки. С другой стороны, при формулировании результатов логического прогноза, мы с необходимостью должны обратиться к его теории именования; отказ от нее привел бы к перечеркиванию всей идеи логического прогнозирования.

Вернемся к вопросу, были бы сформулированы все эти идеи в некоей контрфактической ситуации, где С.А. Крипке не занимался бы логикой или не пришел к вышепересмотренным выводам. Еще один, не рассмотренный выше аргумент в пользу позитивного ответа – актуальность разработки и усовершенствования логического прогнозирования; особенно в рамках разработки искусственного интеллекта. Постановка вопроса рано или поздно повлекла бы формулирование соответствующих идей. А вот вопрос, насколько долго пришлось бы идти к этим идеям, насколько сильно они отклонялись бы от идей С.А. Крипке и к каким погрешностям в логическом прогнозировании это бы привело – вопрос более сложный. Чтобы ответить на него, необходимо построить довольно громоздкий многоуровневый логический прогноз – прогноз, базирующийся на идеях С.А. Крипке.

Литература

1. Символическая логика: учебник / Под ред. Я.А. Слинина, Э.Ф. Караваева, А.И. Мишунова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005.
2. *Kripke S.A. Naming and Necessity.* – Great Britain: Billing & Sons Ltd, Worcester, 1990.

Информация об авторах

АНКИН Дмитрий Владимирович – д. филос. н., заведующий кафедрой онтологии и теории познания деп. философии Института социальных и политических наук УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина

БОРИСОВ Евгений Васильевич – к. филос. н., доцент кафедры истории философии и логики философского ф-та ТГУ

ГАРНЦЕВА Наталия Михайловна – к. филос. н., преподаватель кафедры истории философии ф-та философии НИУ ВШЭ

ГАСПАРОВ Игорь Гарибович – к. филос. н., ст. преподаватель ВГМА им. Н.Н. Бурденко

ГАСПАРЯН Диана Эдиковна – к. филос. н., доцент кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

ГОРБАТОВ Виктор Викторович – ст. преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

ГОРБАТОВА Юлия Валерьевна – ст. преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

ДАНЬКО Софья Владимировна – к. филос. н., доцент кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ Елена Григорьевна – д. филос. н., профессор кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

ЖДАНОВ Сергей Михайлович – преподаватель кафедры онтологии и теории познания ф-та философии и психологии ВГУ

ИВАНОВ Дмитрий Валерьевич, к. филос. н., научный сотрудник сектора теории познания ИФ РАН

КРАСНЕНКОВА Анастасия Владимировна – к. филос. н., ассистент кафедры философии естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова

КУСЛИЙ Петр Сергеевич – к. филос. н., научный сотрудник сектора социальной эпистемологии ИФ РАН

ЛАМБЕРОВ Лев Дмитриевич – к. филос. н., доцент кафедры онтологии и теории познания деп. философии Института социальных и политических наук УрФУ им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

МИГЛА Анастасия Владимировна – аспирантка ф-та философии ГАУГН

НЕВДОБЕНКО Оксана Ивановна – к. филос. н., доцент кафедры философии и гуманитарных наук МГППУ

НЕСТЕРОВ Александр Юрьевич – к. филол. н., д. филос. н., доцент кафедры философии СГАУ

ПАВЛОВ Константин Александрович – к. филос. н., научный сотрудник центра методологии и этики науки ИФ РАН

ПАЩЕНКО Тарас Валерьевич – преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания ф-та философии НИУ ВШЭ

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович – д. филос. н., профессор кафедры истории философии и логики философского ф-та ТГУ

СУРОВЯГИН Дмитрий Павлович – аспирант кафедры философии СГЮА

ШАПИРО Ольга Александровна – к. филос. н., и.о. заместителя директора по уч.-восп. работе Харьковского института финансов Украинского государственного университета финансов и международной торговли

Коллективная научная монография

Именованiе, необходимость и современная философия

Издание подготовлено на факультете Философии НИУ ВШЭ

Ответственный редактор *В.В. Горбатов*
Главный редактор издательства *И.А. Савкин*
Компьютерная верстка *В.В. Горбатов*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E_mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербурге, м. «Чернышевская»,
ул. Чайковского, 55. Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21

Подписано в печать 29.11.2011. Формат 60×84 1/16 Усл. печ. л. 12,3.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.